

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**№ 6 (183)
СЕНТЯБРЬ, 2019**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Научный журнал
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 6 (183). Сентябрь, 2019

Главный редактор
Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Зам. главного редактора
А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

- Е. В. АНИСИМОВ**
доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский институт истории РАН
(Санкт-Петербург, Россия)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
доктор филологических наук, профессор,
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Россия)
- В. Н. БАРЫШНИКОВ**
доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
- С. А. МЫЗНИКОВ**
доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, Институт лингвистических
исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- Ю. А. ВАСИЛЬЕВ**
доктор исторических наук, профессор,
Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)
- В. А. ПЛУНГЯН**
доктор филологических наук, профессор,
академик РАН, Институт русского языка
имени В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
- М. А. ВИТУХНОВСКАЯ**
доктор философии, Хельсинкский университет
(Хельсинки, Финляндия)
- Т. РУСЕН**
доктор философии, Гётеборгский университет
(Гётеборг, Швеция)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
доктор филологических наук, профессор,
Президент международного общества Достоевского
(Москва, Россия)
- К. СКВАРСКА**
доктор философии, Славянский институт
Академии наук Чешской Республики
(Прага, Чехия)
- С. Т. ЗОЛЯН**
доктор филологических наук, профессор,
Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)
- Н. А. ФАТЕЕВА**
доктор филологических наук, Институт русского языка
имени В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
- Ю. ИНОУЭ**
кандидат филологических наук, профессор
кафедры русского языка, Университет Дзёти
(Токио, Япония)
- М. А. ЧЕРНЯК**
доктор филологических наук, профессор,
Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)
- Т. П. ЛЁННГРЕН**
доктор философии по филологии,
Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

Редакционная коллегия

- А. В. АНТОЩЕНКО**
доктор исторических наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)
- П. А. КРОТОВ**
доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
- С. Г. ВЕРИГИН**
доктор исторических наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)
- К. А. МЮКЛЕБУСТ**
доктор исторических наук, профессор,
Университет Тромсё – Арктический университет
Норвегии (Тромсё, Норвегия)
- В. И. ГОЛДИН**
доктор исторических наук, профессор,
Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- И. А. РАЗУМОВА**
доктор исторических наук, профессор,
Кольский научный центр РАН
(Апатиты, Россия)
- С. Г. КАЩЕНКО**
доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
- М. Ф. РУМЯНЦЕВА**
кандидат исторических наук,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
доктор исторических наук, Карельский
научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- А. М. ПАШКОВ**
доктор исторических наук, профессор, Петрозаводский
государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО**
кандидат исторических наук, Карельский научный
центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- А. А. ПОПОВ**
доктор исторических наук, профессор,
Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)
- Ю. В. КРИВОШЕЕВ**
доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
- Ю. Г. ШИКАЛОВ**
доктор философии,
Университет Восточной Финляндии
(Йоэнсуу, Финляндия)

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 6 (183). September, 2019

Chief Editor

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Historical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Alexander V. Pigin, Doctor of Philological Sciences, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

- E. ANISIMOV**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg Institute of History of RAS
(Saint Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Moscow University for the Humanities
(Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki
(Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
President of the International Dostoevsky Society
(Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Armenian National Academy of Sciences (Yerevan, Armenia)
- Y. INOUE**
Professor, University of Dzeti (Tokyo, Japan)
- T. LÖNGREN**
Doctor of Philosophy and Philology,
Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Karelian Research Centre of RAS
(Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic
Studies of RAS (Saint Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
RAS Academician, Vinogradov Institute
of the Russian Language of RAS
(Moscow, Russia)
- TH. ROSÉN**
Doctor of Philosophy, University of Gothenburg
(Göteborg, Sweden)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute
of the Academy of Sciences of Czech Republic
(Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philological Sciences, Vinogradov Institute
of the Russian Language of RAS
(Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Herzen State Pedagogical University
(Saint Petersburg, Russia)

Editorial Board

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Northern Arctic Federal University named after
M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- S. KASCHENKO**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg University
(Saint Petersburg, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of Historical Sciences, Karelian
Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
Candidate of Historical Sciences,
Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg University (Saint Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of Historical Sciences, Professor, Saint Petersburg
University (Saint Petersburg, Russia)
- K. MYKLEBOST**
PhD, Professor,
UiT – The Arctic University of Norway
(Tromsø, Norway)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
Candidate of Historical Sciences, National
Research University “Higher School of Economics”
(Moscow, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of Historical Sciences, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of Historical Sciences, Professor, Komi Science Centre
of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy,
University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	<i>Гурьянова Н. С.</i>	
Интервью		О некоторых итогах и перспективах в изучении старообрядчества	58
Интервью с Е. М. Юхименко	8	<i>Накадзава А., Миядзаки И.</i>	
АРХЕОЛОГИЯ		Изучение русского старообрядчества в Японии: традиционные темы и новые исследования	64
<i>Герман К. Э., Кулькова М. А.</i>		<i>Старицын А. Н.</i>	
Новые петрографические исследования керамики сперрингс с памятников бассейна Онежского озера	12	Начальная история Чаженгского поселения	70
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ		<i>Пигин А. В.</i>	
<i>Дарвин А. Л.</i>		Петр I и Петербург в сочинениях писателей-старообрядцев Выговской поморской пустыни	77
Спартанские цари и эфоры: сосуществование и взаимодействие двух государственных институтов	22	<i>Пашков А. М.</i>	
<i>Старовойтова Е. О.</i>		Старообрядческое кладбище в Петровской слободе: из ранней истории Петрозаводска	85
Образы иностранцев в традиционном китайском лубке конца XIX – начала XX века	30	<i>Руди Т. Р., Водолазкин Е. Г.</i>	
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ		Из истории литературной топики: старообрядческая традиция	92
<i>Корганова М. Э.</i>		ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ	
Эго-источники о феномене доносительства в советских исправительно-трудовых лагерях в 1929–1938 годах	36	<i>Головнев И. А.</i>	
<i>Харитонова А. М.</i>		Киноэтнография Леонида Капицы (на примере фильма «По берегам и островам Баренцева моря»)	100
История изучения китайского ксилографического памятника «Изображения данников правящей династии Цин»	43	<i>Змеева О. В.</i>	
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ		Мурманская железная дорога: установление и трансформация социального порядка	107
К юбилею Е. М. Юхименко		Юбилей	
<i>Поньрко Н. В.</i>		К 60-летию со дня рождения А. В. Антощенко	114
Древнерусская литература после Древней Руси (духовное завещание старообрядческого епископа Геронтия (Лакомкина))	51	К 60-летию со дня рождения Е. М. Юхименко	115
		Contents	118

Журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS (EUROPEAN REFERENCE INDEX FOR THE HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES) (Берген, Норвегия) с 2019 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 30.09.2019. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 70 экз.). Изд. № 191

12+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487
от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА**

Доктор филологических наук,
профессор
А. В. Пигин

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Публикация интервью с авторитетными российскими учеными уже стала доброй традицией нашего журнала. Настоящий номер не исключение: он открывается интервью с известным исследователем русского старообрядчества доктором филологических наук Е. М. Юхименко, отмечающей в этом году свой юбилей. Особенно весом вклад Елены Михайловны в изучение литературы и духовной жизни существовавшего в XVII–XIX веках на территории Карелии Выго-Лексинского общежития: ею обнаружены сотни неизвестных ранее выговских рукописей и литературных сочинений; культурная жизнь этого старообрядческого центра представлена в работах исследователя в ее единстве и эволюции. В интервью Е. М. Юхименко рассказывает о своем научном пути, о формировании интереса к старообрядческой тематике, об учителях. Юбилею Е. М. Юхименко посвящено также несколько статей о старообрядческой истории и культуре в разделе «Отечественная история». В первую очередь хотелось бы отметить статью Н. В. Поньрко – научного руководителя Е. М. Юхименко в аспирантуре. В ней анализируется замечательный памятник поздней старообрядческой литературы (середина XX века) – духовное завещание епископа Геронтия (Лакомкина), в котором в полной мере сохраняются традиции этого древнерусского жанра. Материалом для статей А. Н. Старицына, А. В. Пигина, Т. Р. Руди и Е. Г. Водолазкина послужили различные выговские источники XVIII–XIX веков. На основе неизвестных ранее архивных документов А. Н. Старицын реконструировал начальную историю Чаженьского поселения – каргопольского филиала Выго-Лексинского общежития. В статье А. В. Пигина анализируются образы Петра I и Петербурга в выговских сочинениях, впервые публикуется выговское произведение о петербургском наводнении 1824 года. Предметом изучения в статье Т. Р. Руди и Е. Г. Водолазкина являются агиографические топасы, унаследованные выговскими авторами из древнерусской письменности. О старообрядческом прошлом столицы Карелии идет речь в статье А. М. Пашкова: автор выдвигает и пытается аргументировать гипотезу о старообрядческом происхождении одного из двух ранних (XVIII век) кладбищ Петрозаводска. Эта гипотеза вполне может вызвать дискуссию среди ученых, изучающих историю нашего города. Большой интерес представляет статья исследователей из Японии А. Накадзавы и И. Миядзакис. Авторы знакомят читателя с основными направлениями в изучении старообрядчества в этой стране, особо отмечая значимость для японских ученых сотрудничества с иностранными, в том числе российскими, коллегами. Н. С. Гурьянова характеризует основные подходы к изучению старообрядчества на современном этапе.

Авторы этого номера публикуют также результаты своих исследований в области археологии, всеобщей истории (в том числе античной и восточной), этнографии, этнологии и т. д. В рубрике «Юбилей» публикуются поздравительные статьи в честь Е. М. Юхименко и профессора ПетрГУ, доктора исторических наук А. В. Антощенко.

Елена Михайловна, Вы окончили филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. Какие научные проблемы интересовали Вас в студенческие годы?

На втором курсе университета, когда надо было выбирать научную специализацию, я выбрала древнерусскую литературу. Для студента советского времени это была самая неизведанная и достаточно сложная область, поскольку изучение средневековой словесности, тесно связанной с религией, историей Церкви, богословием, церковным обиходом, предполагало освоение и этой проблематики. В конце второго курса руководитель семинара – замечательный лектор и педагог профессор Владимир Владимирович Кусков порекомендовал мне поехать в археографическую экспедицию, которую традиционно организовывала на историческом факультете МГУ Ирина Васильевна Поздеева. Эта первая поездка в Верещагинский район Пермской области – как я теперь понимаю – оказала решающее влияние на мою дальнейшую судьбу. Люди – поборники древнего благочестия, носители древнерусской книжной традиции, бережно, из поколения в поколение хранившие старопечатные книги и рукописи, сохранявшие любовь к труду и порядку, – произвели на меня глубокое впечатление. Это «открытие» позволило мне увидеть, что древнерусская литература и преемственно с нею связанная литература старообрядческая не только предмет научных штудий, но и наследие, глубоко связанное с настоящим временем и духовно близкое по крайней мере части нашего общества. Поэтому меня сразу увлекла тема, которую для будущей дипломной работы мне предложила И. В. Поздеева, – ««Виноград Российский» Семена Денисова». Это собрание житий-мартириев первых подвижников старой веры, написанное одним из основателей Выго-Лексинского обще-

Интервью заместителя главного редактора журнала А. В. Пигина с доктором филологических наук, главным научным сотрудником Отдела рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея (Москва) ЕЛЕНОЙ МИХАЙЛОВНОЙ ЮХИМЕНКО

жительства, давало прекрасную возможность для комплексного исследования: помимо сугубо литературоведческого аспекта здесь не менее важен был аспект исторический, источниковедческий, текстологический. В. В. Кусков, убежденный в необходимости тесного знакомства студентов с рукописной традицией памятника, направил и мои поиски в это русло. Так я впервые весенним днем 1979 года переступила порог Отдела рукописей Государственного исторического музея. Работа в рукописных отделах библиотек и музеев, в то время обязательная для филологов-древников, сформировала круг моего будущего научного общения и круг моих близких коллег и друзей. Ведущей научной школой по изучению древнерусской литературы в то время был (и остается поныне) Отдел древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, который объединял вокруг себя ученых, занимающихся вопросами славяно-русского рукописного наследия. Под таким названием проводились научные конференции молодых специалистов. Для меня было честью принять участие в подобной конференции, проходившей 22–24 сентября 1981 года, с докладом, посвященным итогам моей дипломной работы. Это было еще одно важное событие моего научного пути. Таким образом, «Виноград Российский» стал для меня «началом начал».

Кто из ученых оказал на Вас особенно сильное влияние?

Самое сильное влияние не только в научном, но и в личностном плане на меня оказала Наталья Владимировна Поньрко, ученица Д. С. Лихачева, доктор филологических наук, профессор, ныне заведующая Отделом древнерусской литературы ИРЛИ РАН. Встреча с нею стала третьим и решающим событием моей научной биографии.

Причем эта встреча в определенной мере была случайной. Уже после молодежной конференции, в 1983 году, я была в Пушкинском Доме и работала с рукописями в Древлехранилище. И вот у лифта на втором этаже столкнулась с Натальей Владимировной, и она неожиданно предложила мне: «Поступайте к нам в аспирантуру». Об этом эпизоде, который именуется так, что Наталья Владимировна «подобрала меня у лифта», мы обе вспоминаем с улыбкой. Благодаря ей я обрела подлинную научную школу – школу Дмитрия Сергеевича, ее научные принципы и сам дух ее, сформировавшийся под влиянием личности этого великого ученого и человека. Глубокий исследователь, тонкий источниковед, остро чувствующий, с одной стороны, «вечные смыслы» древнерусских и старообрядческих текстов, а с другой – их человеческий «нерв», Наталья Владимировна – прирожденный педагог. Стиль ее работы с учениками, предельно внимательное чтение их текстов, тактичная правка, мудрые советы и предложения дают возможность почувствовать непреходящую линию развития нашей отечественной историко-филологической науки.

Для кандидатской диссертации мы вместе выбрали другое основополагающее сочинение Выговской литературной школы – «Историю об отцах и страдальцах Соловецких» Семена Денисова. Дмитрий Сергеевич, в жизни которого Соловки занимали особое место, этот выбор одобрил, только – с учетом условий развития советской науки – порекомендовал избежать слова «старообрядческий» в формулировке темы диссертации. «История об отцах и страдальцах», посвященная Соловецкому восстанию 1668–1676 годов, давала прекрасные возможности для комплексного изучения: помимо обширной рукописной традиции, богатой традиции иллюстрирования она имела теснейшую связь с конкретными историческими событиями, документы о которых хорошо отложились в архивах и частично были опубликованы. Исторический аспект моего исследования сблизил меня с другой крупнейшей научной школой – Сектором археологии и источниковедения Института истории Сибирского отделения РАН, который возглавлял академик Николай Николаевич Покровский. В сентябре 1990 года в Новосибирске проходил III Международный симпозиум по старообрядчеству, и меня, тогда еще аспирантку, в виде исключения, включили в программу этого большого научного форума. Профессиональными и дружескими связями с новосибирскими коллегами я дорожу и сейчас.

Из крупных ученых, которые оказали на меня влияние, может быть, не столько непосредственным наставничеством, сколько своими трудами и своей личностью, был Александр Михайлович Панченко. Его свободный, критический, далекий от какой-либо зашоренности взгляд на предмет проявлялся в том числе и в его личном поведении, и в репликах, которые он отпускал даже в стенах Пушкинского Дома.

Поскольку я выбрала для себя занятия историей и культурой старообрядчества, к именам ученых мне хотелось бы добавить еще два имени старообрядческих. Иван Никифорович Заволоко (1897–1984), активный деятель староверия Латвии еще с 1920-х годов, тесно общавшийся с представителями науки еще со времен *Seminarium Kondakovianum* в Праге (как мы теперь знаем) и имевший глубинные связи с Пушкинским Домом, и прежде всего Владимиром Ивановичем Малышевым, был в числе слушателей той далекой молодежной конференции 1981 года. Как старообрядца-книжника, его заинтересовал мой доклад о «Винограде Российском». В перерыве между заседаниями он стал расспрашивать меня подробнее, сказал, что у него тоже есть список этого памятника и пригласил посетить его. К сожалению, этим предложением мне не удалось воспользоваться, но облик Ивана Никифоровича, который сидел на первом ряду большого конференц-зала Пушкинского Дома, опираясь на костыль, и внимательно слушал студентов и аспирантов, навсегда остался в моей памяти. Его драматические жизненные обстоятельства, верность старой вере, неизменная любовь к книге и к людям ярко предстали для меня в его переписке с Михаилом Ивановичем Чувановым, еще одним корифеем староверия XX века; этот богатый эпистолярный источник дала мне в руки судьба, и я посчитала своим моральным долгом подготовить к печати весь обширный комплекс.

И еще один человек, общение с которым, более продолжительное и содержательное, позволило мне лучше понять мир старообрядчества, – Алексей Васильевич Хвальковский (1920–2005), представитель потомственной семьи староверов-поморцев; его отец, Василий Алексеевич Хвальковский, в 1917–1918 годах издавал «Вестник Всероссийского союза христиан поморского согласия», в 1918–1921 годах был старостой Поморского храма в Токмаковом переулке – первого старообрядческого храма, построенного в Москве после высочайшего указа от 17 апреля 1905 года, и первого в череде старообрядческих церковных построек в стиле модерн.

Основные Ваши работы, включая кандидатскую и докторскую диссертации, посвящены литературе и духовной культуре старообрядческого Выго-Лексинского общезжительства. Как сформировался и развивался Ваш интерес к этой теме?

Выговскую тему считаю подарком судьбы. Все-таки никакая другая тема из старообрядческого айсберга не предоставляет таких исключительных возможностей для комплексного исследования. Не случайно Н. В. Понырко, которой принадлежат программные статьи о выговской культуре, назвала Выг «государством в государстве». Действительно, в глухих лесах Обонежья, которые и по сей день сохранили эту

удаленность от «большой земли», трудами первых основателей Выговской кинонии был создан настоящий оазис древнего благочестия, включавший в себя все необходимое для полноценной церковной, хозяйственной и культурной жизни. Для понимания этого удивительного явления, особенно нашими современниками, необходимо подчеркнуть, что Выговская обитель есть прекрасный пример реализации созидательных и творческих сил русского народа. В большинстве своем крестьяне северных деревень (несмотря на легендарное княжеское происхождение, обедневшими посадскими людьми Повенецкого рядка были и братья Денисовы), руководимые идеей сохранения древнего благочестия, веры отцов и дедов, без помощи государства, а скорее, вопреки его репрессивной политике, расчистили тайгу под пашню, организовали земледелие, животноводство, звериные и морские промыслы, различные производства, торговлю. Если бы Выг создал только это многоотраслевое хозяйство, уже было бы удивительно. Но Выг создал еще и полноценную культуру столичного уровня, разнообразными и высокохудожественными памятниками которой – рукописными книгами, иконами, медным литьем, настенными рисованными лубками, деревянной резьбой – мы не перестаем восхищаться и поныне. Это осознание полноты выговской жизни и культуры, конечно, пришло позже. Изначальной «нитью Ариадны» стали для меня четыре небольших письма Семена Денисова Даниилу Матвееву первой половины 1730-х годов. Я обнаружила их в собрании Елпидифора Васильевича Барсова, который, будучи в 1860-е годы преподавателем Олонецкой духовной семинарии (в Петрозаводске), имел уникальные возможности для сбора подлинного выговского материала, после закрытия обители правительством в 1854–1856 годах в большом количестве обретавшегося в тех местах. Для самих участников переписки короткие деловые письма, буквально записки, не нуждались ни в дате, ни в пояснениях, но, чтобы расшифровать всю содержащуюся в них интереснейшую информацию, потребовалось все дальше и дальше углубляться в неизведанный материк выговского наследия. Так, образно говоря, пришли в руки новые сочинения выговских писателей, их автографы и черновики, документы выговского происхождения и официального делопроизводства. А потом и крупные, считавшиеся утраченными комплексы, воплотившие в себе грандиозные культурные начинания первооснователей кинонии – Выговская библиотека и тома Выговских Четийх Миней.

И вновь мне хочется подчеркнуть, как важен живой, непосредственный контакт исследователя с объектом своих научных интересов. В 1993 году в составе небольшой экспедиции Петрозаводского краеведческого музея я поехала по выговским местам: в Толвую, Повенец, Данилово, Сергиево; в 2006 году в рамках проводившейся в Петрозаводске конференции, посвящен-

ной 300-летию Лексинской обители, попала и на Лексу. Особенно сильное впечатление на меня произвело Данилово. В нем почти ничего не осталось от былого величия (уже в начале XX века его было немного), но о прежнем размахе деятельности напоминала сама топография: обширные, отвоеванные еще в конце XVII века у непроходимых лесов поля, возвышенность «Мертвой горки» (кладбища), где упокоились выговские киновиархи-писатели; все так же выбивающийся из-под земли источник, спокойная гладь реки Выг, по которой – можно представить – колокольный звон монументальной выговской соборной часовни разливался по округе.

В Ваших трудах старообрядчество осмыслено исключительно в позитивном ключе, хотя в большинстве работ предшественников старообрядчество интерпретируется как преимущественно консервативное и довольно мрачное явление русской жизни. Что позволило Вам преодолеть этот традиционный подход?

Мне кажется, те, кто изучают древнерусскую литературу и шире – культуру, которая в лице поборников древнего благочестия нашла свое прямое продолжение и верность которой они сохранили несмотря на очевидное давление извне, не могут относиться к старообрядцам не в позитивном ключе. Благодаря старообрядцам были сохранены не только древние памятники, но и сами традиции – книжное письмо, иконописания и реставрации икон, литья медных икон, древнерусской музыки. По преимуществу в старообрядческие селения еще в 1970–1980-х годах ездили многочисленные археографические, фольклорные, диалектологические и этнографические экспедиции. Ваш вопрос затрагивает важную тему – тему просвещения. Наше общество в лучшем случае не знает или мало что знает о старообрядчестве, а в худшем – до сих пор находится под влиянием миссионерских штампов XVIII–XIX веков. В числе этих предвзятых мнений было, в частности, обвинение в невежестве, непросвещенности. Но как с этим можно согласиться, когда познакомишься с высокой книжной и бытовой культурой староверов, с их грамотностью, непреходящей исторической памятью, вдумчивым подходом к тексту! Действительно, в глазах людей внешних староверие может восприниматься как явление мрачное, но стоит разобратся в причинах такого впечатления. Закрытость старообрядческого общества обусловлена понятными историческими причинами (только в 1905 году старообрядцы впервые получили равные с другими гражданами России гражданские права) и стремлением оградить свою внутреннюю жизнь от посторонних глаз, сберечь традиции и устои. Чувство собственного достоинства, основательность, традиционное христианское воспитание также не допускают бросаться на шею каждому встречному. Сохранявшаяся

в старообрядческой среде система ценностей была понятна вдумчивым и наблюдательным людям, таким замечательным писателям, как П. И. Мельников-Печерский и Н. С. Лесков. Наиболее показателен первый пример. Писательская честность и жизненная правда взяли верх над чиновником, по долгу службы призванным проводить в жизнь репрессивные меры правительства по «борьбе с расколом». Как ни стремился этого избежать автор, но в дилогии «В лесах» и «На горах» вынужден был вывести положительный образ старообрядца.

И вновь подчеркну: крайне важны простые человеческие контакты, которые хоть и непросто установить, но именно они позволяют приподнять завесу над этим давно и несправедливо выведенным в тень исключительным явлением русской жизни и культуры. Надеюсь, что просвещению нашего общества будет способствовать празднование в грядущем 2020 году 400-летия со дня рождения протопопа Аввакума, выдающегося деятеля староверия и гениального писателя.

Вы являетесь по своему складу академическим ученым, но всю жизнь работаете в Государственном историческом музее. Как Вам удается совмещать научную и музейную работу? И что прежде всего Вас привлекает в музейной работе?

Подлинная музейная работа имеет серьезную научную составляющую, в настоящее время, к сожалению, почти выведенную за рамки музейной жизни. Эта составляющая должна проявляться в широте знаний, в умении дать точную атрибуцию предмета и его места в истории народа и искусства, в навыках критики источника, способности отличить подлинник и подделку. Но даже то, что является сугубо музейной, хранительской работой, способно доставить большую радость, позволяя ощутить непрерывную связь времен. Это звучит слишком пафосно, но верно по сути. Конечно, и в читальном зале любого книгохранилища исследователь может получить подлинник, но, когда ты можешь взять его непосредственно с полки, раскрыть, прочитать, сличить с другим, – это особое состояние. Непосредственное общение с источниками, с памятниками культуры расширяет кругозор, заставляет задуматься над новыми вопросами. Кстати сказать, хранители, ныне занятые большим числом сопутствующих видов музейной работы, время непосредственного общения с памятниками ценят более всего.

Вы являетесь автором многих музейных выставок в ГИМ. Какие из них были Вам наиболее интересны?

Выставочная работа является одним из интересных и важных видов музейной деятельности, поскольку позволяет представить широкой публике результат изучения музейных фондов, показать зрителю конкретные предметы – свидетели тех или иных событий нашей истории.

Государственный исторический музей, который в 2022 году будет отмечать свое 150-летие, имеет давние, устоявшиеся традиции, в том числе и в выставочной деятельности. Моим первым выставочным проектом была выставка (и каталог) «Неизвестная Россия: К 300-летию Выговского старообрядческого общежития» (1994). Работа над нею вместе с музейными коллегами позволила увидеть всю мощь и многогранность выговской культуры, пронизанной единой идеей и единым стилем. Знаменательному событию в истории старообрядчества – опубликованию указа 1905 года и распечатанию алтарей храмов Рогожского кладбища в Москве была посвящена выставка «Тайна старой веры» (2005). В других больших выставочных музейных проектах историко-церковной тематики («Патриарх Никон и его время», 2005 год, «Обитель преподобного Сергия», 2012 год, «XVI век. Эпоха митрополита Макария», 2017 год) я стремлюсь представить материал во всей полноте, включая ценнейшие книжные памятники, хранящиеся в Отделе рукописей и старопечатных книг, а также избежать замалчивания вклада старообрядцев в сохранение отечественного культурного наследия. Замечу, что объективно большой вклад старообрядцев в нашу культурную жизнь можно увидеть практически в любой исторической выставке любого музея (будь то памятники, сохраненные старообрядцами, или произведения, созданные старообрядческими мастерами, или коллекции старообрядческих собирателей), однако в сопроводительных текстах о старообрядцах упоминают не часто.

В последние годы мне случилось сделать два крупных проекта в рамках выставочной деятельности Митрополии Русской Православной Старообрядческой Церкви. Здесь работает Музейно-библиотечно-архивный отдел под руководством иерея Алексея Лопатина. В 2012 году мы открыли выставку «Война 1812 года и московское старообрядчество», а в 2017 году – «Сила духа и верность традиции». Эти выставки имеют просветительский характер и впервые знакомят посетителей с подлинными памятниками музейного уровня, хранящимися в старообрядческих церковных собраниях.

Какое место в Вашей жизни занимают Карелия и Русский Север?

Русский Север – это то место, которое неизменно притягивает мои мысли, место, куда всегда хочется поехать. Мне кажется, что суровая и скромная природа Русского Севера очень соответствует старообрядческому характеру, поэтому не случайно это край старообрядческий. Пользуюсь любой возможностью приехать сюда не только в рамках научных конференций (в Петрозаводске, Архангельске, Каргополе, в Кенозерском и Водлозерском заповедниках, на Соловках), но и сама по себе. Путешествовала с разными людьми, друзьями и коллегами, но из одной и той же когорты людей, влюбленных в Русский Север.

КОНСТАНТИН ЭНРИКОВИЧ ГЕРМАН

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
germangermanik@yandex.ru

МАРИАННА АЛЕКСЕЕВНА КУЛЬКОВА

кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры геологии и геоэкологии
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
kulkova@mail.ru

НОВЫЕ ПЕТРОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КЕРАМИКИ СПЕРРИНГС С ПАМЯТНИКОВ БАССЕЙНА ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА*

Целью исследования было определение структуры и материала фрагментов керамики сперрингс. Задачей – установление наличия или отсутствия различий в зависимости от географического расположения поселений и времени их существования. Для петрографического исследования было выбрано 40 фрагментов (по два фрагмента с поселения) верхних частей сосудов (венчики) с памятников пяти локальных географических районов: Сямозеро, Водлозеро, северный, восточный и западный берега Онежского озера. Исследования проводились в шлифованных образцах с использованием бинокуляра МБС-1 при увеличении в 16, 24 и 140 раз. В результате исследования было установлено, что 25 образцов керамики изготовлены из жирных и 15 из тощих глин. По составу отощителя в 38 образцах зафиксирована дресва кристаллических пород. Большая часть образцов из жирных глин (8 и 7) получена с памятников Водлозера и Сямозера, а большинство образцов из тощих глин (8) – с памятников Онежского озера. На ряде поселений два образца изготовлены из разных типов глин. По мнению автора, это указывает, что два сосуда были изготовлены в разное время и представляют два разновременных керамических комплекса. Для подтверждения данного предположения необходимы новые петрографические исследования фрагментов керамики, в том числе с памятников северного побережья Ладожского озера и низовьев реки Выг, а также новые AMS-определения по нагару со стенок сосудов.

Ключевые слова: петрографический анализ, жирная глина, тощая глина, Онежское озеро, ранний неолит, керамика сперрингс

Для цитирования: Герман К. Э., Кулькова М. А. Новые петрографические исследования керамики сперрингс с памятников бассейна Онежского озера // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 12–21. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.366

ВВЕДЕНИЕ

Для изучения неолита Карелии орнамента и физические характеристики керамических сосудов являются одним из важнейших источников информации. Однако сравнительно-типологические методы имеют ограниченное применение, поэтому необходимо привлечение возможностей естественно-научных методов. Одним из них является петрографический анализ, который позволяет с высокой точностью определить структуру и материал изделий из глины, так как внешний вид и технические свойства сосудов определяются этими характеристиками. Также на основе полученных данных появляется возможность сделать выводы о технологических особенностях изготовления керамических сосудов и источниках минерального сырья [10: 100–102].

Исследования состава глины единичных фрагментов раннеолитической керамики сперрингс с поселений Карелии Сандермоха IV, Уя III, Черанга I, проведенные в начале 90-х годов XX века лабораторией А. А. Бобринского, показали наличие во всех них крупной или средней дресвы и птичьего помета [3: 70]. Согласно визуальным наблюдениям исследователей в качестве органических отощителей мог применяться птичий пух (поселение Шелтозеро VIII) [1: 61], в качестве неорганических – кварц, песок и слюда (последняя зафиксирована на поселении Челмужская I) [3: 70].

Исследования состава глины фрагментов керамики сперрингс с поселений Падань I, Мальгиничи и Ащозеро VIII в Ленинградской области были выполнены Т. М. Гусенцовой и Н. А. Андреевой. В качестве отощителя

в тесте керамики определены дресва, песок и органика. Кроме этого встречаются охристые включения и примесь толченой раковины (поселение Падань I) [4: 226–227], [5: 58]. В результате изучения А. М. Иванищевым, М. В. Иванищевой фрагментов керамики сперрингс с позвонковым орнаментом с поселений Кемское III и Тудозеро V в Вологодской области в составе глины было зафиксировано наличие крупной дресвы [6: 290–295], [7: 298–299].

Составы формовочных масс ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики Карелии исследовались петрографическим методом, что позволило выявить признаки и особенности, недоступные при визуальном обследовании глиняной посуды [11], [12], [13].

Для керамики сперрингс Карелии подобных работ не проводилось, и петрографическое исследование в лаборатории РГПУ имени А. И. Герцена, выполненное под руководством к. г.-м. н. М. А. Кульковой, стало первым.

Целью исследования было определение структуры и материала фрагментов керамики с поселений культуры сперрингс на территории Карелии. Задачей – установить наличие или отсутствие различий составов формовочных масс в зависимости от географического района расположения поселений и времени их существования.

Для петрографического исследования отобраны 40 фрагментов (по два с поселения) верхних частей сосудов (венчиков), украшенных основными видами орнамента: оттисками рыбьих позвонков (14), отступающе-прочерченными линиями (19), веревочным (6) и гребенчатым (1) штампом с пяти локальных географических районов: Сямозеро (Малая Суна I, IX, Сулгу II, III, Va), Водлозеро (Водла V, Илекса V, Сомбома, Пога I, Шеттима I), северное (Войнаволок XXVIII, Оровнаволок V, Сандермоха IV, Челмужская I, Пиндуши III), западное (Уя VII, Шелтозеро VIII, Пески II) и восточное (Кладовец II, Муромское III) побережье Онежского озера. Памятники относятся к разным хронологическим этапам культуры сперрингс: Сулгу II, Пиндуши III – к раннему, Сулгу Va, Кладовец II – к позднему, остальные – к развитому (рисунок).

Исследования керамических фрагментов проводились в шлифованных образцах с использованием бинокуляра МБС-1 при увеличении в 16, 24 и 140 раз. Для определения структуры образцов в шлифах применялся поляризационный микроскоп Leica с увеличением 65,7 раза.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В результате проведенного исследования по композиционному составу глин и отошителей было выделено три группы керамики.

Керамика группы 1 представлена 24 фрагментами с памятников бассейна Водлозера (7 фр.),

Сямозера (7 фр.), северного (8 фр.) и западного (2 фр.) берегов Онежского озера. Фрагменты изготовлены из жирных глин смектитового состава с включениями железистых пеллитов (17%), кластического материала – 5% с включением органики (водной растительности). Обжиг костровой, в невыдержанной среде, окислительный, кратковременный. Температура обжига 650–700 °С. Отошителем служит дресва кристаллических пород (15–18%), включающая сиениты с разным минеральным составом, различающаяся только составом элементов: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, плагиоклазы с пертитами альбита в ортоклазе, амфибол, эффузивы среднего состава, пертиты или плагиограниты. Размер обломков варьирует от 1 до 4 мм.

Керамика группы 2 представлена шестью фрагментами с памятников западного (2 фр.) и восточного (4 фр.) берегов Онежского озера. Фрагменты изготовлены из тощих глин смектитового состава (17%), кластического материала – 17% с включением органики (водной растительности). Обжиг костровой, в невыдержанной среде, окислительный, кратковременный. Температура обжига 650–700 °С. Отошителем служит дресва кристаллических пород (15–18%), включающая сиениты с разным минеральным составом, различающаяся только составом элементов: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, плагиоклазы с пертитами альбита в ортоклазе, амфибол, эффузивы среднего или основного состава, пертиты или плагиограниты. Размер обломков варьирует от 1 до 5 мм.

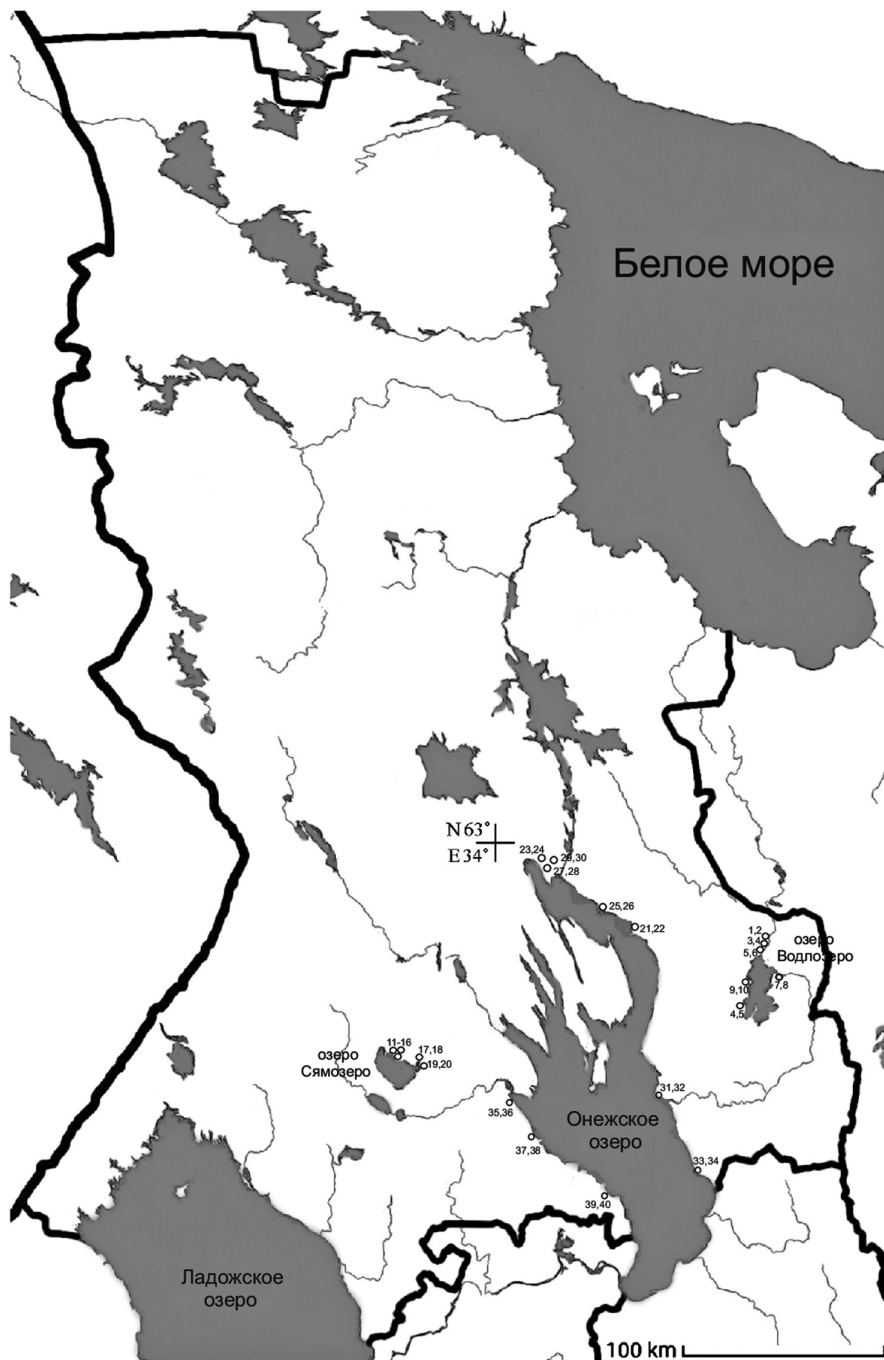
Керамика группы 3 представлена восемью фрагментами с памятников всех локальных географических районов. Фрагменты изготовлены из тощих глин гидрослюдистого или смектит-гидрослюдистого состава (17%), кластического материала – 8–17% с включением органики (водной растительности). Обжиг костровой, в невыдержанной среде, окислительный, кратковременный. Температура обжига 650–700 °С. Отошителем служит дресва кристаллических пород (15–18%), включающая сиениты с разным минеральным составом, различающаяся только составом элементов: ортоклаз – серецитизирован и амфоболизирован, микроклин, биотит, амфибол + гнейс, кварцит, эффузивы среднего или основного состава, пертиты. Размер обломков варьирует от 1 до 5 мм.

Среди образцов выделено два фрагмента, отличающихся от остальных по составу отошителя. Первый с поселения Пога I с Водлозера. Фрагмент изготовлен из жирных глин смектитового состава, кластического материала – 5% с включением органики (водной растительности). Обжиг костровой, в невыдержанной среде, окислительный, кратковременный. Температура обжига 650–700 °С. Отошителями служат

шамот – дробленая керамика иного, чем черепок, состава (гидрослюдистого) – 25 %, размер обломков 0,42–2,5 мм и измельченная растительность (10 %), размер выгоревших пор 0,5–1 мм. Второй фрагмент с поселения Оровнаволок V с северного побережья Онежского озера. Фрагмент изготовлен из тощих глин смектит-гидрослюдистого состава, кластического материала – 15 % с включением органики (водной растительности). Обжиг костровой, в невыдержанной среде, окисли-

тельный, кратковременный. Температура обжига 650–700 °С. Отощителями служат дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серицитизирован, микролин, биотит, амфибол) – 10 %, размер обломков 1–3 мм; песок (15 %), размер зерен 0,2–0,3 мм, состав: полевой шпат, биотит, амфибол; шамот (5 %), дробленая керамика различного состава, размер обломков 0,3–0,5 мм.

Подробная информация по каждому образцу керамики приведена в таблице.

Карта расположения памятников культуры сперрингс, откуда взяты образцы на петрографический анализ

Данные по петрографическим исследованиям образцов керамики сперрингс

№ на карте	Название памятника, № фрагмента	Часть сосуда, орнамент	Результаты петрографического анализа	
			Характеристика исходного сырья	Отощитель, пористость
Керамика сперрингс с поселений бассейна озера Водлозеро				
1	Илекса V 1791/539	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена горизонтальными рядами оттисков позвонка и подвенчиковым пояском из круглоконических ямок, толщина 9 мм.	Жирные глины смектитового состава с включениями железистых пеллитов, кластического материала – 5 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит) – 18 %, размер обломков 1–4 мм. Пористость: 8 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
2	Илекса V 1791/320	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена наклонными прочерченными линиями, зигзагообразным подвенчиковым пояском из круглоконических ямок, расставленных в шахматном порядке, и горизонтальными прочерченными линиями, толщина 10 мм.	Жирные глины смектитового состава, кластического материала – 3 %, размер зерен 0,015–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 10 %, размер обломков 3–5 мм. Пористость: 15 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
3	Шеттима I 470/128	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена наклонными вертикальными полосами отпечатков веревочки и зигзагообразным подвенчиковым пояском из круглоконических ямок, расставленных в шахматном порядке, соединенных отпечатками веревочки, толщина 8 мм.	Жирные глины смектитового состава с включениями железистых пеллитов, кластического материала – 5 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит) – 22 %, размер обломков 1–4 мм. Пористость: 8 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
4	Шеттима I 470/81	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена горизонтальными поясами оттисков наклонных вертикальных отпечатков отступающей «лопаточки» и горизонтальным пояском из круглоконических ямок, толщина 7 мм.	Жирные глины смектитового состава ожелезненные, кластического материала – 3 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 17 %, размер обломков 1–4 мм. Пористость: 8 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
5	Пога I 1843/389	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена чередующимися наклонными вертикальными линиями из отпечатков отступающей «лопаточки» и подвенчиковым пояском из круглоконических ямок, толщина 7 мм.	Жирные глины смектитового состава ожелезненные, кластического материала – 3 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 17 %, размер обломков 1–4 мм. Пористость: 8 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
6	Пога I 441/876	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена горизонтальными поясами из оттисков позвонка и горизонтальным пояском из нанесенных сверху круглоконических ямок, толщина 8 мм.	Жирные глины смектитового состава с включениями железистых пеллитов, кластического материала – 5 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, зерна угловатые.	1) шамот – дробленая керамика другого, чем черепок, состава (гидрослюдистого) – 25 %, размер обломков 0,42–2,5 мм. 2) Измельченная растительность (10 %), размер выгоревших пор 0,5–1 мм. Пористость: 20 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 1 мм.
7	Водла V 636/464	Верхняя часть сосуда (венчик) украшен подвенчиковыми горизонтальными линиями из отпечатков веревочки и зигзагообразным подвенчиковым пояском из круглоконических ямок, расставленных в шахматном порядке, соединенных отпечатками веревочки, толщина 10 мм.	Жирные глины смектитового состава с включениями гематитовых пеллитов, кластического материала – 3 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 17 %, размер обломков 1–4 мм. Пористость: 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
8	Водла V 636/274	Верхняя часть сосуда (венчик) под венчиком, неорнаментированный пояс, под ним поясок из круглоконических ямок и наклонно поставленных оттисков позвонка, толщина 10 мм.	Тощие глины смектитового состава, кластического материала – 15 %, размер зерен 0,015–0,028 мм, состав: полевой шпат, амфибол, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 20 %, размер обломков 1–3 мм. Пористость: 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
9	Сомбома 888/1161	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена одиночными круглоконическими ямками, под ними горизонтальные пояса наклонно вправо и влево поставленного прочерченного штампа, толщина 9 мм.	Жирные глины смектит-гидрослюдистого состава с включениями железистых пеллитов, кластического материала – 7 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 10 %, размер обломков 1–5 мм. Пористость: 15 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.

Продолжение табл.

№ на карте	Название памятника, № фрагмента	Часть сосуда, орнамент	Результаты петрографического анализа	
			Характеристика исходного сырья	Отощитель, пористость
Керамика сперрингс с поселений бассейна озера Водлозеро				
10	Сомбома 888/1231	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена горизонтальными поясами из оттисков позвонка и горизонтальным пояском из нанесенных сверху круглоконических ямок, толщина 10 мм.	Тощие глины гидрослюдистого состава, кластического материала – 17 %, размер зерен 0,015–0,028 мм, состав: полевой шпат, амфибол, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован и амфиболлизирован, микроклин, биотит, амфибол+гнейс, кварцит) – 18 %, размер обломков 1–5 мм. Пористость: 10 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
Керамика сперрингс с поселений бассейна озера Сямозеро				
11	Сулгу II 512/6	Стенка сосуда украшена одиночными подпрямоугольными ямками из оттисков торца позвонка, толщина 11 мм.	Жирные глины смектитового состава с включениями гематитовых пеллитов, кластического материала – 5 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 22 %, размер обломков 1–4 мм. Пористость: 15 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
12	Сулгу II 54/29	Верхняя часть сосуда (венчик), украшена горизонтальными поясами из оттисков позвонка и горизонтальным пояском из нанесенных сверху круглоконических ямок, толщина 7 мм.	Жирные глины смектитового состава, кластического материала – 10 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (амфиболиты: роговая обманка, палгиоклаз, пироксен) – 22 %, размер обломков 1,5–2,5 мм. Пористость: 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
13	Сулгу III 103/334	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена подвенчиковым пояском из оттисков торца позвонка, ниже горизонтальными поясами из оттисков позвонка, толщина 9 мм.	Тощие глины смектит-гидрослюдистого состава, кластического материала – 15 %, размер зерен 0,015–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз с пертитами ольбита) – 10 %, размер обломков 1–5 мм. Пористость: 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
14	Сулгу III 103/1356	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена горизонтальными поясами из оттисков позвонка и горизонтальным пояском из круглоконических ямок, толщина 9 мм.	Жирные глины смектитового состава с включениями железистых пеллитов, кластического материала – 7 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 10 %, размер обломков 2–3 мм. Пористость: 15 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
15	Сулгу Va 107/1057	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена подвенчиковым пояском из наклонных прочерченных линий, ниже чередующимися горизонтальными поясами из круглоконических ямок, расставленных в шахматном порядке, и горизонтальных прочерченных линий, толщина 9 мм.	Жирные глины смектитового состава, кластического материала – 4 %, размер зерен 0,04–0,06 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит.	Дресва кристаллических пород (сиениты: плагиоклазы с пертитами альбита в ортоклазе) – 15 %, размер обломков 2–3 мм. Пористость: 18 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
16	Сулгу Va 107/1737	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена горизонтальными поясами наклонных и вертикальных прочерченных линий и горизонтальным пояском из круглоконических ямок, толщина 9 мм.	Жирные глины смектитового состава с включениями железистых пеллитов, кластического материала – 7 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол + сиениты с пертитами) – 18 %, размер обломков 2–5 мм. Пористость: 15 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
17	Малая Суна I 211/472	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена подвенчиковым пояском из подовальных ямок, расставленных в шахматном порядке, ниже горизонтальными прочерченными линиями и зонами, заполненными косо поставленными прочерченными линиями, толщина 10 мм.	Тощие глины смектитового состава, кластического материала – 17 %, размер зерен 0,015–0,028 мм, состав: полевой шпат, амфибол, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол + эффузивы среднего состава) – 22 %, размер обломков 1–5 мм. Пористость: 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
18	Малая Суна I 159/286	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена горизонтальными поясами из оттисков позвонка и горизонтальным пояском из нанесенных сверху круглоконических ямок, толщина 10 мм.	Тощие глины смектит-гидрослюдистого состава, кластического материала – 15 %, размер зерен 0,015–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол + плагиогранит (кварц, полевой шпат) – 15 %, размер обломков 2–3 мм. Пористость: 15 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.

Продолжение табл.

N на карте	Название памятника, № фрагмента	Часть сосуда, орнамент	Результаты петрографического анализа	
			Характеристика исходного сырья	Отощитель, пористость
Керамика сперрингс с поселений бассейна озера Сязозеро				
19	Малая Суна IX 4984/32	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена горизонтальным пояском из круглоконических ямок, ниже горизонтальными поясами из оттисков позвонка, толщина 7 мм.	Жирные глины смектитового состава, кластического материала – 5 %, размер зерен 0,015–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол + гранито-гнейсы (кварц, полевой шпат, биотит) + эффузивы среднего состава) – 22 %, размер обломков 2–3 мм. Пористость: 15 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
20	Малая Суна IX 1496/997	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена горизонтальными и ниже наклонными вертикальными линиями из оттисков веревочки, толщина 9 мм.	Жирные глины гидрослюдистого состава, кластического материала – 8 %, размер зерен 0,015–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол + гранито-гнейсы (кварц, полевой шпат, биотит) – 12 %, размер обломков 4–5 мм. Пористость: 15 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
Керамика сперрингс с поселений северного берега Онежского озера				
21	Челмужская I 8/343	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена горизонтальными поясами из наклонно поставленных отпечатков отступающей «лопаточки» и поставленными сверху круглоконическими ямками, толщина 10 мм.	Жирные глины смектит-гидрослюдистого состава, кластического материала – 7 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол + сиениты с пертитами) – 18 %, размер обломков 2–5 мм. Пористость: 15 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
22	Челмужская I 9/554	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена горизонтальным пояском из круглоконических ямок и отпечатков наклонного позвонка, ниже горизонтальными рядами наклонно поставленных отпечатков позвонка, толщина 9 мм.	Жирные глины смектит-гидрослюдистого состава, кластического материала – 7 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 10 %, размер обломков 2–3 мм. Пористость: 15 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
23	Пиндуши III 690/57	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена горизонтальными поясами из оттисков позвонка с нанесенными на них поясами из круглоконических ямок, толщина 9 мм.	Жирные глины смектитового состава, кластического материала – 5 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 22 %, размер обломков 1–4 мм. Пористость: 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
24	Пиндуши III 690/281	Стенка сосуда украшена горизонтальными поясами из наклонно поставленных отпечатков позвонка и поставленными сверху круглоконическими ямками, толщина 7 мм.	Жирные глины смектитового состава с включениями гематитовых пеллитов, кластического материала – 8 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 15 %, размер обломков 2–5 мм. Пористость: 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
25	Орво-наволоок V 2350/286	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена подвенчиковым поясом из скрещенных вертикальных линий веревочных оттисков, под ними горизонтальный пояс подтреугольных оттисков веревочного штампа, ниже горизонтальная линия веревочки с нанесенными на нее круглоконическими ямками, толщина 7 мм.	Жирные глины смектитового состава с включениями гематитовых пеллитов, кластического материала – 5 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит) – 22 %, размер обломков 1–4 мм. Пористость: 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
26	Орво-наволоок V 2368/1	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена подвенчиковым пояском оттисков торца позвонка, ниже горизонтальными поясами из оттисков позвонка, толщина 9 мм.	Тощие глины смектит-гидрослюдистого состава, кластического материала – 15 %, размер зерен 0,015–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит, зерна угловатые.	1) Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 10 %, размер обломков 1–3 мм. 2) Песок (15 %), размер зерен 0,2–0,3 мм, состав: полевой шпат, биотит, амфибол. 3) Шамот (5 %), дробленая керамика различного состава, размер обломков 0,3–0,5 мм. Пористость: 10 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.

Продолжение табл.

№ на карте	Название памятника, № фрагмента	Часть сосуда, орнамент	Результаты петрографического анализа	
			Характеристика исходного сырья	Отощитель, пористость
Керамика сперрингс с поселений северного берега Онежского озера				
27	Войнаволок XXVIII 222/687	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена горизонтальными поясами отгисков позвонка, толщина 7 мм.	Жирные глины смектитового состава с включениями железистых пеллитов, кластического материала – 28 %, размер зерен 0,02–0,06 мм, состав: полевой шпат, амфибол, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит) – 22 %, размер обломков 1–4 мм. Пористость: 11 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
28	Войнаволок XXVIII 222/207	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена горизонтальным поясом круглоконических ямок, расставленных в шахматном порядке и соединенных прочерченными линиями, ниже горизонтальные линии из отгисков «отступающей лопаточки», толщина 7 мм.	Жирные глины смектитового состава с включениями гематитовых пеллитов, кластического материала – 5 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 22 %, размер обломков 1–4 мм. Пористость: 11 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
29	Сандермоха IV 294/2391	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена подвенчиковым поясом из подовальных (подромбических) ямок, расставленных в шахматном порядке, и горизонтальных подреугольных зон, заполненных наклонными вертикальными линиями из отступающей лопаточки, толщина 7 мм.	Жирные глины смектитового состава с включениями железистых пеллитов, кластического материала – 5 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит) – 17 %, размер обломков 1–4 мм. Пористость: 17 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм. Обжиг кратковременный.
30	Сандермоха IV 294/3639	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена горизонтальными линиями из отгисков позвонка, поясом из круглоконических ямок, расставленных в шахматном порядке, и зоной, заполненной наклонными вертикальными линиями из отгисков позвонка, толщина 10 мм.	Жирные глины смектитового состава, кластического материала – 3 %, размер зерен 0,015–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол + гранито-гнейсы (кварц, полевой шпат, биотит) – 12 %, размер обломков 1,5–2 мм. Пористость: 18 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
Керамика сперрингс с поселений восточного берега Онежского озера				
31	Кладовец II 905/252	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена подвенчиковым поясом из круглоконических ямок и горизонтальными рядами наклонных отгисков веревочного штампа, толщина 8 мм.	Тощие глины гидрослюдистового состава, кластического материала – 22 %, размер зерен 0,01–0,03 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 13 %, размер обломков 0,5–1 мм. Обжиг кратковременный.
32	Кладовец II 905/849	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена подвенчиковым поясом из круглоконических ямок и горизонтальными рядами наклонных линий отгисков отступающей «лопаточки», разделенных наклонными вертикальными линиями круглоконических ямок, расставленных в шахматном порядке, толщина 10 мм.	Жирные глины гидрослюдистого состава, кластического материала – 18 %, размер зерен 0,015–0,02 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол + гранито-гнейсы + эффузивы среднего состава) – 18 %, размер обломков 2–3 мм. Пористость: 10 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
33	Муромское III 609/1686	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена подвенчиковым поясом из круглоконических ямок и горизонтальными рядами наклонных линий отгисков отступающей «лопаточки», разделенных наклонными вертикальными линиями отгисков отступающей «лопаточки», толщина 9 мм.	Тощие глины смектитового состава, кластического материала – 15 %, размер зерен 0,015–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз с пертитами альбита) – 10 %, размер обломков 1–5 мм. Пористость: 15 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
34	Муромское III 609/966	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена горизонтальными подвенчиковыми линиями из отгисков отступающей «лопаточки», чередующимися с поясами круглоконических ямок, толщина 9 мм.	Тощие глины гидрослюдистого состава, кластического материала – 30 %, размер зерен 0,04–0,07 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит.	Дресва кристаллических пород (плагиограниты) – 8 %, размер обломков 1–2 мм. Пористость: 8 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
Керамика сперрингс с поселений западного берега Онежского озера				
35	Пески II 13/637	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена подвенчиковым поясом из отгисков отступающей «лопаточки» и поставленных сверху круглоконических ямок, ниже вертикальными линиями из отступающей «лопаточки», толщина 9 мм.	Тощие глины смектитового состава, кластического материала – 5 %, размер зерен 0,015–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (плагиограниты: кварц, полевой шпат, биотит) – 22 %, размер обломков 1–4 мм. Пористость: 18 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.

Окончание табл.

N на карте	Название памятника, № фрагмента	Часть сосуда, орнамент	Результаты петрографического анализа	
			Характеристика исходного сырья	Отощитель, пористость
Керамика сперрингс с поселений западного берега Онежского озера				
36	Пески II 13/658	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена подвенчиковым поясом из оттисков отступающей «лопаточки» и ниже поясом из круглоконических ямок, толщина 10 мм.	Жирные глины смектитового состава, кластического материала – 3 %, размер зерен 0,015–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 15 %, размер обломков 1,5–2,5 мм. Пористость: 15 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
37	Уя VII 3083/62	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена подвенчиковым поясом из наклонных оттисков отступающей «лопаточки» и горизонтальными линиями отступающей «лопаточки», толщина 11 мм.	Жирные глины смектитового состава с включениями гематитовых пеллитов, кластического материала – 3 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол, сиенит с пертитами) – 18 %, размер обломков 2–5 мм. Пористость: 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
38	Уя VII 3083/130	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена подвенчиковым поясом из вертикальных наклонных оттисков гребенчатого штампа и нанесенным на них горизонтальным поясом круглоконических ямок, толщина 9 мм.	Тощие глины смектитового состава, кластического материала – 15 %, размер зерен 0,015–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (плагиограниты + основные эффузивы) – 10 %, размер обломков 1–3 мм. Пористость: 15 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
39	Шелтозеро VIII 1860/377	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена подвенчиковым поясом из вертикальных наклонных оттисков отступающей «лопаточки», толщина 10 мм.	Тощие глины смектитового состава, кластического материала – 15 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, зерна угловатые.	Дресва кристаллических пород (сиениты-диодориты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 15 %, размер обломков 2–5 мм. Пористость: 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.
40	Шелтозеро VIII 806/219	Верхняя часть сосуда (венчик) украшена подвенчиковой линией из оттисков веревочки, вертикальными наклонными линиями веревочки с нанесенными поверх круглоконическими ямками, толщина 9 мм.	Тощие глины смектит-гидрослюдистого состава, кластического материала – 20 %, размер зерен 0,015–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит.	Дресва кристаллических пород (сиениты с пертитами) – 8 %, размер обломков 1–3 мм. Пористость: 10 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.

ВЫВОДЫ

1. Все исследованные фрагменты керамики сперрингс делятся по композиционному составу глин на две части. Первая – это жирные глины смектитового состава – 25 образцов. Вторая – это тощие глины смектитового и смектит-гидрослюдистого состава – 15 образцов. Тощие глины содержат много песка или сильно уплотнены под влиянием давления или сцементированы кремнеземом, глиноземом, карбонатным материалом и др. Тощие глины характеризуются слабой пластичностью, на ощупь шероховаты и дают с водой нечто типа теста, легко растрескивающегося при раскатывании. Жирные глины, в отличие от глин тощих, обладают высокой пластичностью. Таким образом, для изготовления керамических сосудов культуры сперрингс приоритет отдавался жирным, более подходящим для этой цели глинам.

2. Большая часть образцов из жирных глин (8 и 7) найдена на поселениях Водлозера и Сямозера, а большая часть образцов из тощих глин (8) – на поселениях Онежского озера. К приме-

ру, на ряде памятников (Илекса V, Пиндуши III, Сулгу Va) образцы керамики были изготовлены только из жирных глин, а на поселениях Муромское III, Шелтозеро VIII, Кладовец II – только из тощих. Однако есть поселения (Сандермоха IV, Пески II, Сомбома), на которых два образца из разных типов глин. Вряд ли можно представить, что при изготовлении сосудов одновременно использовались два разных источника глин. Предпочтение должно было отдаваться жирным глинам как лучшему по качеству материалу. Логичнее предположить, что два сосуда были изготовлены в разное время и представляют два разновременных керамических комплекса. Для подтверждения этого предположения необходимы новые петрографические исследования фрагментов керамики, в том числе с памятников северного побережья Ладожского озера и низовьев реки Выг, а также новые AMS-определения по нагару стенок сосудов.

3. По составу отощителя в тесте керамических сосудов сперрингс Карелии в 38 из них зафиксирована дресва кристаллических пород. Аналогом

может служить глиняная посуда, орнаментированная позвонковым, фигурным, длинным косо-зубым и отступающе-прочерченным орнаментом, с поселения Тудозеро V, расположенного на южном побережье Онежского озера [8: 221].

4. Только в двух фрагментах керамики сперрингс присутствуют другие отошители: шамот + измельченная растительность (Пога I) и дресва + песок + шамот (Оровнаволок V).

Ближайшим аналогом является гребенчатая посуда поселения Тудозеро V, сходная с керамическими материалами камской культуры [2]. В гребенчатой керамике зафиксированы в виде примесей, кроме дресвы (7 %), песок (20 %), шамот (5 %) и органика [8: 220], [9: 90–93], что, возможно, указывает на наличие контактов между носителями двух групп керамической посуды.

* Работа выполнена из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адель В. В. Некоторые методологические проблемы изучения керамики сперрингс // Вестник Карельского Краеведческого музея. Петрозаводск, 1995. Вып. 3. С. 53–62.
2. Васильева И. Н., Выборнов А. А. К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // Труды камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII. Археологические памятники Поволжья и Урала: современные проблемы исследования, сохранения и музеефикации. Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2012. С. 33–50.
3. Витенкова И. Ф. Культура сперрингс // Археология Карелии. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 1996. С. 65–81.
4. Гусенцова Т. М., Андреева Н. А. Некоторые особенности изготовления раннеолитической керамики Межозерья // Тверской археологический сборник. 1996. Вып. 2. С. 226–234.
5. Гусенцова Т. М., Андреева Н. А. Памятники с керамикой сперрингс в северо-восточных районах Ленинградской области // Археология Севера. Петрозаводск. 1997. Вып. 1. С. 57–62.
6. Иванищев А. М., Иванищева М. В. Тудозеро V – поселение позднего мезолита – раннего неолита в южном Прионежье // Тверской археологический сборник. 2000. Вып. 4. С. 284–295.
7. Иванищев А. М., Иванищева М. В. Поселение раннего неолита на Кемском озере // Тверской археологический сборник. 2000. Вып. 4. С. 297–305.
8. Иванищева М. В. К вопросу о времени и истоках гончарных традиций в раннем неолите европейского севера России // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 214–225.
9. Иванищева М. В., Кулькова М. А., Иванищева Е. А. Результаты микроморфологического анализа раннеолитической керамики юго-восточного Прионежья // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики: Материалы междунар. науч. конф. 24–27 мая 2016 года. Санкт-Петербург, 2016. С. 88–99.
10. Кулькова М. А. Петрографический анализ в оценке формовочных масс при изучении древней глиняной посуды // Самарский научный вестник. 2015. № 3 (12). С. 100–107.
11. Трубецкая (Хорошун) Т. А., Кулькова М. А. К вопросу о технологических традициях изготовления неолитической керамики на территории Карелии // Геология, геоэкология, эволюционная география: Труды Междунар. семинара. Т. XVI. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. С. 215–219.
12. Хорошун Т. А. Результаты петрографического исследования ромбо-ямочной керамики на территории Карелии и Вологодского края // Археология Севера: Материалы VI археологических чтений памяти С. Т. Еремеева. Вып. 6. Череповец, 2015. С. 39–45.
13. Хорошун Т. А. Опыт комплексного исследования керамики позднего неолита – раннего энеолита Карелии (IV–III тыс. до н. э.) // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики: Материалы междунар. науч. конф. 24–27 мая 2016 года. СПб., 2016. С. 104–105.

Поступила в редакцию 08.04.2019

Konstantin E. German, PhD in History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Marianna A. Kulkova, PhD in Geology and Mineralogy, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russian Federation)

NEW PETROGRAPHIC STUDY OF THE SPERRINGS CERAMICS OF THE MONUMENTS OF LAKE ONEGA BASIN*

The research goal was to define the structure and material of the Sperrings ceramics fragments. The research objective was to establish the existence or the lack of distinctions depending on the geographic location of settlements and the time of their existence. Forty fragments (two fragments per settlement) of the top parts (rims) of ceramic vessels from the monuments of five local geographical areas were chosen for a petrographic research: from Syamozero, Vodlozero, as well as the northern, eastern and western banks of Lake Onega. The study of the ceramics fragments was carried out in ground specimens using a MBS-1 binocular microscope with 16X, 24X and 140X magnification levels. As a result of the research it was found that 25 samples of ceramics were made of fat clays and 15 samples were made of lean clays. As for the composition of the leaner of the ceramic vessels, crystalline rock screens were recorded in 38 of them. Most of the samples made of fat clays (8 and 7, respectively) were from the monuments of Vodlozero and Syamozero, while most of the samples made of lean clays (8) were from the monuments of Lake Onega. In a number of settlements two samples were made of different types of clays. The author believes that it shows that two vessels were made at different times and represent two ceramic complexes dating back to different periods of time. New petrographic research of ceramics fragments,

including those from the monuments of the northern coast of Lake Ladoga and lower reaches of the Vyg River, as well as new AMS definitions of the deposit from the vessels' walls are needed to confirm this assumption.

Key words: petrographic analysis, Lake Onega, fat clay, lean clay, early Neolithic, Sperrings ceramics

* The study was sponsored from the federal budget as part of the state project for the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

Cite this article as: German K. E., Kulkova M. A. New petrographic study of the Sperrings ceramics of the monuments of Lake Onega basin. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 6 (183). P. 12–21. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.366

REFERENCES

1. Adele V. V. Some methodological problems of studying the Sperrings ceramics. *Bulletin of the Karelian State Museum of Local Lore*. Petrozavodsk, 1995. Issue 3. P. 53–62. (In Russ.)
2. Vasilyeva I. N., Vybornov A. A. Some issues of studying Neolithic pottery of the upper and central Kama regions. *Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition. Vol. VIII. Archeological sites of the Volga region and Ural: modern issues of research, preservation and museification*. Perm, 2012. P. 33–50. (In Russ.)
3. Vitenkova I. F. The Sperrings culture. *Archaeology of Karelia*. Petrozavodsk, 1996. P. 65–81. (In Russ.)
4. Gusentsova T. M., Andreyeva N. A. Some features of the Early Neolithic ceramics from Mezhozerye. *Tver Archaeological Proceedings*. 1996. Issue 2. P. 226–234. (In Russ.)
5. Gusentsova T. M., Andreyeva N. A. Monuments with the Sperrings ceramics in the north-eastern parts of the Leningrad Region. *Northern Archeology*. Petrozavodsk, 1997. Issue 1. P. 57–62. (In Russ.)
6. Ivanishchev A. M., Ivanishcheva M. V. Tudozero V – the late Mesolithic and the early Neolithic settlement of southern Prionezhye. *Tver Archaeological Proceedings*. 2000. Issue 4. P. 284–295. (In Russ.)
7. Ivanishchev A. M., Ivanishcheva M. V. The early Neolithic settlement on the shore of Lake Kemsokoye. *Tver Archaeological Proceedings*. 2000. Issue 4. P. 297–305. (In Russ.)
8. Ivanishcheva M. V. The time and origins of the early Neolithic pottery traditions of the European North of Russia. *Samara Scientific Bulletin*. 2018. Vol. 7. No 3 (24). P. 214–225. (In Russ.)
9. Ivanishcheva M. V., Kulkova M. A., Ivanishcheva E. A. Results of the micromorphological analysis of early Neolithic ceramics from southeastern Prionezhye. *Traditions and innovations in the study of ancient ceramics: Proceedings of the international scientific conference held on May 24–27, 2016*. St. Petersburg, 2016. P. 88–99. (In Russ.)
10. Kulkova M. A. Petrographic analysis in the evaluation of molding masses in the study of ancient pottery. *Samara Scientific Bulletin*. 2015. No 3 (12). P. 100–107. (In Russ.)
11. Trubetskaya (Khoroshun) T. A., Kulkova M. A. Technological traditions of the Neolithic pottery production in the territory of Karelia. *Geology, geoecology, evolutionary geography: Proceedings of the International seminar*. Vol. XVI. St. Petersburg, 2017. P. 215–219. (In Russ.)
12. Khoroshun T. A. Results of the petrographic study of the rhomb-pit pottery in the territory of Karelia and the Vologda Region. *Archaeology of the North: Proceedings of the VI archaeological readings in memoriam of S. T. Eremeev*. Issue 6. Cherepovets, 2015. P. 39–45. (In Russ.)
13. Khoroshun T. A. Complex research of late Neolithic – early Eneolithic ceramics in Karelia (IV–III millennium BC). *Traditions and innovations in the study of ancient ceramics: Proceedings of the international scientific conference held on May 24–27, 2016*. St. Petersburg, 2016. P. 104–105. (In Russ.)

Received: 8 April, 2019

АЛЕКСЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ ДАРВИН

преподаватель-исследователь кафедры истории Древней Греции и Рима исторического факультета
Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
darvin.aleksey@yandex.ru

СПАРТАНСКИЕ ЦАРИ И ЭФОРЫ: СОСУЩЕСТВОВАНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДВУХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ

Исследуется проблема институционального распределения полномочий и взаимоотношений царей и эфоров в классический период спартанской истории. Основной целью является переосмысление преобладающего до недавнего времени в историографии положения о возрастании политической роли эфората начиная с VI века до н. э. в ущерб власти и полномочий царей, что представляется не вполне обоснованным. Поскольку в российской историографии до сих пор превалирует указанное положение, а иностранные исследования, предлагающие альтернативную точку зрения, не анализировались и не рецензировались, актуальной задачей является еще раз подвергнуть анализу имеющиеся источники. Исходя из практически полного отсутствия сохранившихся политико-правовых документов из Лакедемона, намеренного отказа спартанских властей от письменной фиксации законов и состояния античной традиции, сообщающей о спартанском государстве, этапы конституционной эволюции Спарты достоверно восстановить невозможно. На основании первых в этом плане источников (приводимых Плутархом текста Большой Ретры и дополнения к ней, фрагментов элегии Тиртея «Евномия») нельзя сделать заключение об утрате царями части своих полномочий. Кроме того, большинство исследователей признает факт создания эфората самими царями в середине VIII века до н. э., что являлось антиаристократической, а не антимонархической мерой. Попытки связать усиление власти эфоров в архаический период с деятельностью конкретных личностей, таких как Астероп или Хилон, являются слабо доказанными гипотезами. Разбирая примеры взаимоотношений царей и эфоров в классический период, также невозможно подтвердить тезис об ослаблении власти или ущемлении полномочий царей в пользу эфората. На основании анализа источников делаем следующие выводы: все важные политические процессы и суды над царями подлежали компетенции «малой экклесии», а не были прерогативой только одних эфоров; инициаторами судебных процессов и самими судьями на некоторых из них были цари; цари активно участвовали в принятии совместных решений с коллегиальными органами, зачастую оказывая на них определенное воздействие. Относительно исключительной компетенции эфоров во внешнеполитической сфере необходимо отметить, что эта гипотеза не подтверждается как минимум касательно времени правления царей Клеомена I и Агесилая II. Во внешнеполитической сфере цари обладали преимуществом перед эфорами, поскольку они могли в течение своего пожизненного царствования предложить долгосрочную внешнеполитическую программу, в отличие от ежегодно переизбираемых эфоров.

Ключевые слова: спартанские цари, эфоры, история государственных институтов, Большая Ретра, «Евномия», Астероп, Хилон, Клеомен I, Агесилай II

Для цитирования: Дарвин А. Л. Спартанские цари и эфоры: сосуществование и взаимодействие двух государственных институтов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 22–29. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.367

ВВЕДЕНИЕ

До недавнего времени в историографии античности, во взгляде на историю и развитие государственных институтов в Спарте и, в частности, на взаимоотношения царей и эфоров в классический период главенствовало мнение о том, что начиная с середины VI века до н. э. и вплоть до эллинистического периода происходило неуклонное возрастание роли эфората как органа политической власти в ущерб властных полномочий царей и даже герусии. Апофеозом этой точки зрения было определение, вынесенное В. Эренбергом в подзаголовок главы о спартанском полисе [11: 41], что Спарта классического периода была «го-

сударством эфоров». Немало мнений было высказано о том, что в V веке до н. э. происходил системный кризис царской власти как государственного института на фоне увеличения власти эфората [15: 177]. Цари классического периода изображаются находящимися под постоянным «полицейским» надзором эфоров, часто, иногда даже неоднократно, подвергающимся судебным обвинениям [4: 64, 66–73]. Мало того, ряд исследователей имеет мнение о существовании некоего постоянно действующего плана эфоров по намеренному ослаблению царской власти [16: 138]. Роль царей в политической жизни Спарты эти исследователи сводят до роли простых,

постоянно подотчетных магистратов, находящихся даже в роли главнокомандующих под неусыпным надзором эфоров, а в гражданской составляющей их жизни неспособными выступить с определенной политической программой. Эфоры, оставшиеся в большинстве своем безымянными в античной традиции, наоборот, видятся вершителями судеб спартанского полиса и его внешней политики [1: 133–134, 138]. Также нужно отметить, что при этом в правовой сфере общественной жизни Спарты члены коллегии эфоров определяются как верховные судьи [4: 166]. Таким образом, по мнению некоторых исследователей, эфорат осуществлял тотальный контроль над всеми сферами внешней и внутренней политики в Лакедемоне. При этом в качестве доказательств привлекаются замечания античных авторов о том, что власть эфоров вполне можно уравнивать с властью тиранов (Xen. Lac. Pol. VIII, 4; Plat. Leg. IV, 712 d; Arist. Pol. II, 6, 14, 1270b 14)¹.

Подобные выводы тем не менее представляются не до конца обоснованными и, на наш взгляд, не отражают реальной картины институционального распределения полномочий и соотношения между собой «удельного веса» каждого из государственных институтов (герусия, цари, апелла, эфоры) в политической жизни Спарты. Еще более натянуто выглядит признание существования замысла или плана эфоров по ослаблению института царской власти. Объявление диархии и эфоров постоянно враждующими коллегами, ведущими неустанную пропаганду среди спартанского общества друг против друга, вступает в противоречие с самим фактом длительного (более пяти столетий) сосуществования и взаимодействия этих органов власти Лакедемона. В истории спартанского государства действительно существуют примеры проектов реформирования политической структуры или ее критики, такие как реформаторский план Лисандра о выборах царя среди лучших (Plut. Lys. XXIV, Ages. XX) или трактат царя Павсания, предлагавшего упразднить эфорат (Strab. VIII, 366). Но эти примеры единичны и не могут являться аргументом для оправдания мнения о постоянной, взаимной и враждебной пропаганде, применяемой царями и эфорами.

ИСТОЧНИКИ

Формулирование однозначных выводов о конституционной истории Спарты затруднено. Во-первых, как верно отмечают П. Кэртлидж и ряд других антиковедов, сама Спарта представляла собой замкнутое общество, которое не стремилось сообщать кому бы то ни было о том, как устроена ее политическая система [9: 9–10]. Изоляционистская позиция властей Лакедемона была отмечена уже в античной традиции. На этот счет мы имеем недвусмысленное замечание Фукидида, облеченное в часть речи знаменитого афинского государственного деятеля Перикла (Thuc. II, 39, 1). Во-вторых, сохранилось крайне

мало политико-правовых и юридических текстов из Спарты, на основе которых можно было бы сделать однозначные выводы о распределении полномочий между органами власти и отдельными субъектами права. Это было вызвано намеренным отказом спартанских властей от какой-либо кодификации права и письменной фиксации законов. Так, как сообщает Плутарх в биографии Ликурга (Plut. Lys., XIII), одна из так называемых малых ретр гласила, что писанные законы не нужны [4: 141]. Спартанская элита считала, что любая фиксация права ведет к излишней демократизации общества. В-третьих, состояние дошедшей до нас античной традиции, повествующей о структуре государственных органов в Спарте, оставляет желать лучшего. П. Карлье вполне справедливо заметил:

«С утратой “Истории” Эфора и “Конституции Лакедемона” Аристотеля мы потеряли надежду на подробный рассказ и точный анализ конституционной истории Спарты» [7: 302]².

Наиболее подробные сведения об архаической Спарте и законах, принятых в это время, мы, к сожалению, получаем от компиляторов римской эпохи: Диодора, Страбона, Плутарха и Павсания. Тем не менее нередко за текстами Страбона прослеживается текст «Истории» Эфора, а за текстами Плутарха – тексты произведений Аристотеля. Таким образом, большую часть сведений более поздние авторы черпали у авторов V и IV веков. Благодаря этим сохранившимся фрагментам [7: 302, п. 377] мы можем видеть хотя бы общую картину. Более того, мы имеем несколько кратких заметок о конституционной эволюции в Спарте, авторами которых являются Геродот (I, 65), Фукидид (I, 18, 1) и Платон (Leg. III, 691d–692a). С определенной долей осторожности, исходя из их предвзятости, можно использовать свидетельства Ксенофонта, который еще при жизни являлся «рупором» спартанской пропаганды. Вместе с тем его длительное пребывание в Лакедемоне, личное знакомство и дружба с царем Агесилаем, глубокие знания о «ликурговом строе» выгодно отличают Ксенофонта от всех остальных античных авторов, писавших о Спарте. Некоторые сведения о спартанском государственном строе и образе жизни граждан Спарты мы получаем исключительно из «Лакедемонской политики» Ксенофонта. Определенное количество сведений можно почерпнуть из речей (особенно из «Архидама» – Isok. VI) Исократы, который в своих произведениях неоднократно ссылается на примеры из законодательства Ликурга и спартанские обычаи. Это касается, в частности, его восхищения «отеческой царской властью» у лакедемонян. Особенно ценной для рассматриваемого вопроса можно признать II книгу «Политики» Аристотеля (Arist. Pol. II). Однако следует четко понимать, что даже авторы классического периода располагали небольшим количеством документов или якобы документов

об архаической Спарте. Помимо этого, они использовали устные прозаические и поэтические предания различного происхождения, но эти предания были неточны и противоречивы. В некоторых случаях Геродот пересказывает нам то, «что говорили сами лакедемоняне». Благодаря этому автору нам известно, что думала спартанская элита в середине V века о происхождении своих государственных институтов. Для нас это имеет исключительную ценность. Однако нужно понимать, что эти мнения могли искажать истину во имя великой славы Спарты, а также в интересах некоторых групп и родов. Например, каждый из царских родов стремился приписать к числу своих предков великого законодателя Ликурга. Этот пример показывает, что по некоторым вопросам существовало несколько спартанских версий предания. Завершая обзор источниковой базы, нужно констатировать, что главными источниками о государственном устройстве Лакедемона являются аутентичные и древние тексты «Евномии» Тиртея и перелагаемые Плутархом в биографии Ликурга тексты Большой Ретры и дополнения к ней. Однако до сих пор не утихают споры о том, в какой мере эти тексты вообще могут оцениваться как ранние свидетельства. Периодически оспаривается подлинность каждого из них. В них видят подделки конца V или IV веков до н. э. Вместе с тем архаичный язык, упоминание древних топонимов, неоднозначность самого содержания, не позволяющая признать документ средством агитации IV века до н. э., являются решающими доказательствами в пользу подлинности Большой Ретры. Эти доводы, с которыми полностью солидарны многие антиковеды, были приведены В. Эренбергом еще в 1927 году³. Что касается «Евномии» Тиртея, то если обострить противоречия вокруг подлинности элегии, тогда необходимо пересмотреть и общие взгляды на значение Мессенских войн для развития спартанской «конституции» и государственных институтов. Кроме того, нужно согласиться с мнением В. Йегера о том, что в самом языке элегии нет следов софистических оборотов V века до н. э. Поэтому стихи Тиртея не могут представлять собой произведения афинских софистов конца V века – сторонников олигархии, как предполагал Е. Шварц [3: 125, 509–510]. При рассмотрении источников нужно учитывать, что помимо «Евномии» Тиртея и текста Большой Ретры, вплоть до V века до н. э. изменения в спартанском государственном устройстве отмечаются авторами только в двух пунктах. Во-первых, это дополнение к Большой Ретре, которое следует также отнести к архаическому времени (Plut. Lys., VI). Во-вторых, это упоминаемый Геродотом (V, 75) закон 506 года до н. э. о выборе одного из двух царей при назначении главнокомандующего армией [6: 45–48]. Как верно отмечает А. Лютер: «В обоих случаях это не объясняет, что власть царей в пользу народных избранников (эфората) была ущемлена – совсем наоборот!

(Перевод мой. – А. Д.)» [16: 138]. Действительно, дополнение к Большой Ретре ограничивает волей царей и геронтов законодательную инициативу «народа», а после принятия закона 506 года до н. э. один из царей мог находиться в Спарте и принимать активное участие во внутривнутриполитической жизни государства.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ

На основании имеющихся источников можно высказать ряд замечаний по поводу взаимодействия царской диархии и эфоров, а также правового статуса и положения этих органов в государственной структуре спартанского полиса. Начать необходимо с происхождения эфората как части государственной структуры. О происхождении и времени создания коллегии эфоров в науке об античности нет однозначного мнения. Большинство современных исследователей следуют версии Аристотеля (Pol. V, 9, 1, 1313a 25–34) и Платона (Leg. III, 691e–692a), относя дату создания эфората ко времени правления царя Феопомпа и Первой Мессенской войны (вторая половина VIII века до н. э.). Это вполне соотносится со списком эфоров-эпонимов Эратосфена и Аполлодора (Apollod. Chron. 244 F 335a), начало которого датируется 754/3 годом до н. э. Авторы римской эпохи также связывают имя Феопомпа с созданием эфората (Plut. Lys. VI; Valer. Max. IV, 1, 8). Таким образом, признается факт создания этого органа спартанскими царями. Первоначально подчиненное царям положение эфоров как помощников архагетов и посредников между царями, знатыми людьми (родовой аристократией) и простым народом объясняет присутствие эфоров при принесении ежегодной клятвы, которую обоюдно давали друг другу цари и эфоры (Xen. Lac. Pol. XV, 7). Существование этого «общественного договора» может свидетельствовать о более могущественном положении царей в прошлом, для ограничения которого и потребовалось ввести такой обычай. Как сторона, выступающая в этом «договоре» от имени народа (δημος), эфоры были его представителями, гарантировавшими гражданам исполнение законов царями. Одновременно эта клятва гарантировала подчинение народа власти басилеев. Такое выгодное промежуточное и посредническое положение эфоров, вероятнее всего, явилось решающим фактором процесса, в результате которого при удачной политической конъюнктуре эфорат приобрел большое значение в государственной структуре Спарты. Тем не менее, как отмечает Л. Г. Печатнова, изначально сами цари могли быть заинтересованы в появлении такой магистратуры, как эфорат. Ведь эфоры, среди прочего, должны были защищать царскую власть от устремлений знати. Само же создание эфората выглядело скорее как антиаристократическая, чем антимоноархическая мера [4: 130]. К. Вельвай также указывает, что эфорат использовал шанс получить свое особое значение, взяв

на себя посреднические связи между диархией, спартиатами высокого ранга и массой демоса в период внутреннего конфликта в Спарте [22: 88]. Кроме того, эфоры первоначально замещали царей в роли судей, когда архагеты до 506 года выступали в поход одновременно и не могли исполнять свои судебные функции. О создании эфората именно царями косвенно может свидетельствовать то, что на печати эфоров имелось изображение царя Полидора – соправителя Феопомпа (Paus. III, 11, 10). Таким образом, изначально между царями и эфорами не существовало никакого напряжения и конфликта. Наоборот, с созданием этой магистратуры цари упрочили свое положение внутри общины и достигли посредством помощи эфоров политического консенсуса как с простым народом, так и с представителями знатнейших родов Спарты.

Одним из аргументов о всевластии эфоров и их возможности отлучения царей от власти некоторыми исследователями признается древний обычай, описанный Плутархом в биографии Агиса IV (Plut. Agis, XI, 3–5). Согласно ему, каждый девятый год, выбрав ясную и безлунную ночь, эфоры наблюдали за звездами. Увидев падающую звезду, они объявляли царей виновными в святотатстве и отрешали их от власти до тех пор, пока из Дельф или из Олимпии не поступит оракул, оправдывающий царей. Однако более ранних свидетельств о применении подобного ритуала, чем описание обычая у Плутарха, в источниках не имеется. Как справедливо, на наш взгляд, полагает К. Вельвай, маловероятным кажется то, что эфоры (тем более на раннем этапе существования эфората) могли широко использовать такой способ временного отрешения обоих правящих царей от власти. Скорее всего, эфоры по поручению царей, посредством своих наблюдений за звездами, обязаны были разведать, угодна ли божеству та или иная акция общины под руководством царей [19: 155], [22: 86–87]. Исходя из описания этого обычая и упоминания об эфоре Астеропе в биографии Клеомена у Плутарха (Plut. Cleom. X), С. Я. Лурье предполагал, что эфорат изначально был исключительно религиозной, сакральной коллегией, в обязанности которой входило наблюдение за звездами. От этого, на его взгляд, происходило их первоначальное название – астеропы⁴. Ю. В. Андреев, принимая точку зрения Лурье, также полагал, что в своей древнейшей форме эфорат был «корпорацией жрецов-звездагдателей» (астеропов) [1: 137]. Некоторые исследователи считают эфора Астеропа, который, согласно Плутарху, расширил полномочия эфоров, исторической личностью [13: 51], [19: 107]. Г. Берве видел в Астеропе законодателя и реформатора, который поднял институт эфората на новый уровень, дающий ему значительное влияние и власть⁵. Однако против этих выводов в историографии уже было высказано достаточно аргументов [18: 120].

Дальнейшее увеличение полномочий эфоров и возрастание роли апеллы в политической жиз-

ни Спарты во время Мессенских войн представляли собой два взаимодополняющих процесса. Усиление влияния этих органов происходило в связи с потребностью комплектования фаланги гоплитов, которая состояла из простых спартанских граждан. Одновременно с этим проблема «земельного голода» в Лакедемоне настоятельно требовала своего решения. Расширение же территории государства было уже немыслимо без участия большинства граждан в военных действиях. Поэтому роль в политической структуре апеллы и ее прямых избранников – эфоров, которые к середине VI века до н. э. уже не подчинялись царям и сами председательствовали в народном собрании, существенно возросла [22: 88]. Изменение статуса эфората и его реформу в середине VI века до н. э. нередко связывают с именем знаменитого эфора Хилона, которого античная традиция причисляет к так называемым семи мудрецам. Вместе с тем, несмотря на упоминание Хилона в списке эфоров-эпонимов под 556 годом до н. э., даты его рождения и смерти неизвестны. Сообщения о Хилоне Диогена Лаэртского противоречивы. Так, объявляя Хилона вслед за авторами эллинистического времени первым эфором и создателем эфората, власть которого отныне была сравнима с властью царей, Диоген называет дату его эфории – 556 год до н. э. (Diogen Laert. I, 3, 68). Однако в другом отрывке он фигурирует как глубокий старец и называется геронтом уже во время 52 Олимпиады, то есть в 572/69 год до н. э. (Diogen Laert. I, 3, 72). Как отмечает Л. Томмен, политическую карьеру Хилона реконструировать невозможно, а хронологические несуразности во многом типичны для устной традиции о человеке, который постепенно превратился в *culture hero* [21: 60]. Объединение имени Хилона с процессом ревальвации эфората, таким образом, оказывается не более чем искусственно созданной конструкцией поздних компиляторов античной традиции. Тем не менее середину VI века до н. э. и время активной политической деятельности Хилона некоторые антиковеды считают переломным моментом в процессе возрастания роли эфоров, а также периодом, в котором произошли большие перемены как во внешней, так и во внутренней политике Спарты [1: 139], [4: 135], [8: 139], [12: 355], [13: 71]. Отрицать перемены во внешней политике Спарты во второй половине VI и начале V века до н. э., что подтверждается античной традицией и, в особенности, достаточно надежными свидетельствами Геродота, невозможно. Действительно, спартанская элита объявила себя наследниками ахейских Атридов и начала активные изыскания мощей ахейских героев, стала проводить тираноборческую политику и приняла деятельное участие в свержении ряда тиранических режимов. В этот период Спарта образовала под своей эгидой один из самых прочных межполисных союзов – Пелопоннесскую лигу, существенно упрочила свое положение в Пелопоннесе и в Греции в целом. Спарта

в это время, перед лицом персидского вторжения в Элладу, становится признанным лидером греческого мира. Могло ли все это являться плодом деятельности и усилий какой-то одной конкретной личности, например эфора и «мудреца» Хилона? На наш взгляд, конечно же, нет. В противном случае, почему мы не можем обозначить автором и проводником этой новой политики знаменитого спартанского царя Клеомена I? Ведь при его деятельном участии была свергнута власть Писистратидов в Афинах, образован мощный антиперсидский союз греческих полисов, сломлено вековое сопротивление спартанскому влиянию на Пелопоннесе со стороны Аргоса. Все это было в том числе делом рук спартанского царя, а не только плодом деятельности нескольких, ежегодно сменяемых, коллегий эфоров. А. Лютер отмечает:

«В это время мы находим эфорат полностью сформированным, что по-разному воспринимается в современных исследованиях, но о постоянном ослаблении царской власти в пользу эфоров ничего не известно (Перевод мой. – А. Д.)» [16: 94].

Далее немецкий исследователь подробно рассматривает ряд свидетельств Геродота о взаимоотношениях царей и эфоров в хронологическом порядке. Первый в этом ряду – случай с повторной женитьбой отца Клеомена I Анаксандрида (Hdt. V, 39–41). Он приводился некоторыми исследователями в качестве примера активного вмешательства эфоров в частную жизнь царей. Вместе с тем этот эпизод, который произошел в середине VI века до н. э., является для А. Лютера и части исследователей доказательством того, что эфоры еще не обладали правовыми возможностями, чтобы издать от своего имени общенародное постановление, обязывающее царей. Такое распоряжение они смогли дать только во взаимодействии с герусией (Hdt. V, 40), которая в это время по-прежнему являлась главным органом, принимающим решения. Кроме того, Л. Томмен замечает по этому поводу, что решающее давление на царя оказала неформальная власть политически влиятельных людей, а не демоса. С. Линк, ссылаясь на этот эпизод, признает расширенное взаимодействие эфората, герусии и народного собрания. Однако он объясняет переговоры эфоров и геронтов с царем лишь актом дипломатии, который должен был предотвратить досадное для царя народное решение [16: 94]. В любом случае, признать этот эпизод активным вмешательством именно эфоров в личную жизнь царя невозможно. Основным лейтмотивом действий геронтов и эфоров в этом эпизоде, на наш взгляд, является стремление не проявить свою власть над царем, а желание предотвратить прерывание старейшей царской династии Агиадов (ср.: [4: 64]).

В эпизоде с царем Анаксандридом мы уже можем видеть состав совета, или судебного трибунала, способного обязать своим решением

царских особ. Однако наиболее отчетливо состав этого судебного органа выглядит в эпизоде суда над царем Павсанием в 403 году до н. э. Он состоит из геронтов, второго царя и эфоров. О таком же составе суда мы можем сделать вывод из сообщения о заговоре Кинадона (401 год до н. э.) и эпизода об осуждении царя Агиса IV в 241 году до н. э. Так как этот орган в контексте эпизода с заговором Кинадона был назван *μικρὰ ἐκκλησία* (Xen. Hell. III, 3, 8), то, судя по всему, это название являлось официальным. Скорее всего, за *συνέδριον* спартанцев у Диодора (Diod. XV, 29, 6), на котором должно было состояться обсуждение дела спартанского офицера Сфодрия (Xen. Hell. V, 4, 24–33), скрывается «малая экклесия». Также, вероятно, ничто не говорит против того, что под *τέλη*, которое должно было осудить Клеарха (Xen. Anab. II, 6, 3–4), подразумевается именно «малая экклесия». Поэтому, как мы можем видеть, все важные политические процессы, и в особенности суды над царями, подлежали компетенции этого судебного органа, а не были судебной прерогативой одних лишь эфоров. Кроме того, мы не можем согласиться с мнением ряда исследователей о том, что эфоры возглавляли верховный суд Спарты, а их судебные функции были, по сути дела, неидентифицированными [4: 166]. Сам созыв суда и подготовка обвинений могли принадлежать к задачам эфоров. Однако это не исключает того, что и цари имели право выдвигать обвинения, подготавливать судебные процессы, а также фигурировать в роли судей. Это можно заключить как минимум из двух свидетельств. Первое представляет собой фрагмент текста «Законов» Феофраста, сохраненного благодаря Ватиканскому палимпсесту. В данном фрагменте описывается эпизод суда над Клеолом, возглавляемого царем Клеоменом (Fragm. A² III, 2, 20–30). Причем в этом эпизоде суда описываются некие «служащие», помогающие Клеомену в расследовании, которых Кини идентифицирует как эфоров [14: 191–192]. Вероятно, что в некоторых процессах эфоры могли выступать как помощники царей-судей. Второе свидетельство представляет собой описание Павсанием Периегетом первого суда над царем Павсанием (403 год до н. э.). Согласно этому сообщению, все пять эфоров голосовали за оправдание царя (Paus. III, 5, 2). Следовательно, эфоры не могли быть теми, кто пустил в ход обвинение. Скорее всего, инициатором обвинения был второй царь – Агис II. Подобным образом можно заключить, что инициатором второго процесса над царем Павсанием (394 год до н. э.), согласно идентифицированному фрагменту Эфора у Страбона (Strab. VIII, 5, 5 с366 = Ephoros Fr. Gr. Hist. 70 F 118), изгнанного из-за рода Еврипонтидов, был Еврипонтид Агесилай II – наследник Агиса [16: 98, Anm. 17], [19: 432–441]. Как мы видим, в обоих эпизодах, связанных с судами над царем Павсанием, эфоры отнюдь не выступали в роли его официальных обвинителей. Вместе с тем можно

сделать еще один важный вывод о том, что даже в классический период царь Павсаний мог рассчитывать на поддержку всей коллегии эфоров, состоящей, судя по всему, целиком из его сторонников. Кроме того, в источниках имеются примеры совместных заседаний царей и эфоров (Hdt. VI, 63, 2; Plut. Ages. XXXII, 11), а также судебных заседаний царей совместно со всей апеллой по поводу законности претензий на царский титул (Hdt VI, 65–66: поддержка Клеоменом I Леотихида против Демарата; Xen. Hell. III, 3, 1–4; Plut. Ages. III, Lys. XXII; Paus. III, 85; Nepos. Ages. I: Павсаний поддерживает Леотихида против Агесилая). Геронты и цари выносили приговоры о смертной казни, об изгнании из полиса и о лишении гражданских прав (Xen. Lac. Pol. X, 2; Arist. Pol. II, 1294 b 33–34; Plut. Lys. XXVI, 2). По мнению Д. МакДауэлла [17: 127], в разряд уголовных преступлений, за которые судили именно геронты и цари, входило убийство (Arist. Pol. II, 1275 b 10). Как справедливо указывает МакДауэлл, замечание Аристотеля (Arist. Pol. II, 1285 a 6–7) о том, что религиозные вопросы предоставлялись на рассмотрение царям, скорее всего, может свидетельствовать о полной компетенции спартанских царей в судебных разбирательствах на религиозной почве. В «Изречениях спартанцев» у Плутарха (Plut. Mor. 218 d) имеется пример участия Архидам II, сына Зевксидама, как третейского судьи в разрешении спора частных лиц приблизительно в середине V века до н. э. Все эти примеры показывают, что в особо важных судебных процессах при обсуждении вопросов, относящихся к сфере государственной власти или государственной безопасности, вне зависимости от того, как формировался остальной состав суда, цари активно участвуют и принимают совместные решения с коллегиальными полисными органами, зачастую оказывая на них решающее воздействие (например, при рассмотрении дела об «убоявшихся» в сражении при Левктрах Агесилаем – Plut. Ages. XXX). Кроме того, не наблюдается монополии эфоров в области судебной юрисдикции, что так настойчиво утверждается некоторыми антиковедами. В статье, посвященной спартанскому правосудию, П. Кэртлидж приходит к однозначному выводу:

«С позволения Эренберга скажу, что Спарта не являлась “государством эфоров” в том смысле, что эфорат был единственным и даже самым значительным центром всей общественной политической власти. Как я пытался показать, герусия и цари (являвшиеся официальными членами герусии) могли играть такую же, если не более важную роль, и сфера правосудия не является исключением в данном случае» [9: 22]⁶.

Далее кратко проанализируем вопрос о компетенции эфоров в определении внешней политики Спарты. Рядом исследователей высказывалось недвусмысленное мнение об исключительном авторитете и правах эфоров в этой сфере [4: 160–166]. Указывая на слабость царской власти в классический период, многие историки преду-

смотрели для царей второстепенную позицию во внешнеполитической сфере Спарты: либо цари проявляли себя покорными исполнителями политики, определяемой эфорами, либо, если они стремились к независимости, их устранили [10: 113–118], [20: 257–270]. Эта концепция как минимум не проливает свет на основную роль царей Клеомена I или Агесилая II, поскольку именно им наши источники приписывают ответственность за всю внешнюю политику Лакедемона. Их мнение было решающим в большинстве дискуссий по внешнеполитическим вопросам, а их вмешательство чаще всего предрешает итог любых переговоров. Очевидно, что эти цари утвердили свои политические позиции, заручились авторитетом и достаточной поддержкой среди граждан, чтобы склонить на свою сторону эфоров, герусию и апеллу. Другие цари, хотя и не обладали подобным превосходством, также некоторое время руководили внешней политикой Спарты, как, например, Архидам II, Плистоанакт, Павсаний и Агис III. Дело в том, что спартанские цари обладали важным преимуществом перед эфорами, исходя из пожизненного срока своего царствования. Поэтому у них была возможность предложить долгосрочную и связную политику, в отличие от переизбираемых ежегодно эфоров, которые зачастую принадлежали к разным политическим группировкам. Несмотря на то что эфоры пользуются доверием народа, они не обладают верховной *χρηστικα* и *δρεττη*, поэтому редко реализуют свой авторитет над согражданами. Героическое происхождение и *υερεα* отличают царей от простых граждан. Они рождены, чтобы командовать. Кроме того, большинство из них растут, чтобы управлять, им с детства знакомы политические вопросы [2: 38–41]. Конечно, следует подчеркнуть, что именно апелла принимает все основные решения в области внешней политики. Народное собрание объявляет войну и утверждает договоры с другими государствами. Тем не менее эти решения не появляются спонтанно в момент собрания народа, апелла выбирает между сделанными предложениями. Теоретически герусия предварительно изучает эти предложения и может даже воспрепятствовать неугоднему проекту. Непосредственная же подготовка для представления апелле одобренных герусией предложений входит в круг обязанностей эфоров. Эфоры также ведут переговоры о соглашениях с другими полисами и странами. Поэтому, даже если враждебный настрой геронтов может привести к отрицанию предложения, кажется, что основным фактором для царя, желающего вести определенную политику, остается поддержка народа. Эта поддержка важна не только из-за того, что народ утверждает все основные решения, но и потому, что она позволяет контролировать эфоров. В таком случае, что нередко происходило в действительности, царь, пользующийся поддержкой большинства граждан, может без труда поспособствовать тому, чтобы народ избрал в эфоры

его сторонников. Как верно заметил Эндрюс, именно это объясняет тот факт, что между сильными царями и эфорами не было конфликтов [5: 9]. Таким образом, эфоры превращаются в помощников царской власти. Они содействуют принятию царских проектов и послушно воплощают их в жизнь. Кроме того, возможно, что у граждан на заседаниях апеллы срабатывал определенный рефлекс подчинения солдата полководцу в походе, которым в Спарте почти всегда являлся царь. К этому следует добавить, что нарастающее с IV века до н. э. социальное неравенство могло позволить царям, являвшимся богатейшими людьми в Спарте, увеличивать количество своих сторонников среди зависимых от них «клиентов» и тем самым еще больше контролировать апеллу.

ВЫВОДЫ

Таким образом, проанализировав источники и признавая верным мнение автора исследования, специально посвященного царям и эфорам в классический период, – А. Лютера [16: 138–139], делаем ряд выводов. Рассматривая взаимодействие царей и эфоров в классический период, следует отметить отсутствие признаков институционального антагонизма между обоими государственными органами. Скорее видится то, что совместная работа, будь то в рамках «малой экклесии», во время заседаний народного собрания или походах, как правило, проходила довольно гладко и эффективно. На практике

осуществлялась тесная взаимосвязь институтов при принятии решений. Немалое значение для реализации совместной политики имели персональные отношения между царями и эфорами. Конечно, иногда могли возникать разногласия между отдельными представителями диархии и членами коллегии эфоров начиная с середины VI века до н. э. Однако это не повод рассуждать о долгосрочном плане эфоров по лишению власти царей, исходя из того, что сам эфорат был ежегодно обновляемым органом. Также невозможно подтвердить тезис об ослаблении власти или ущемлении полномочий царей в пользу эфората. На основании анализа источников констатируем: все важные политические процессы и суды над царями подлежали компетенции «малой экклесии», а не были прерогативой только одних эфоров; инициаторами судебных процессов и самими судьями на некоторых из них были цари; цари активно участвовали в принятии совместных решений с коллегиальными органами, зачастую оказывая на них определенное воздействие. Относительно исключительной компетенции эфоров во внешнеполитической сфере необходимо отметить, что эта гипотеза не подтверждается как минимум касательно времени правления царей Клеомена I и Агесилая II. Во внешнеполитической сфере цари обладали преимуществом перед эфорами, поскольку они могли в течение своего пожизненного царствования предложить долгосрочную внешнеполитическую программу, в отличие от ежегодно переизбираемых эфоров.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Здесь и далее приводятся ссылки на источники с сокращениями, которые приняты в научном обороте.
- ² Перевод с французского Л. Э. Лиукконен.
- ³ Ehrenberg V. Neugründer des Staates. Ein Beitrag zur Geschichte Spartas und Athens im VI. Jahrhundert. München: C. H. Beck'sche Verlag, 1925. S. 25.
- ⁴ Luria S. Zum politischen Kampf in Sparta gegen Ende des 5. Jahrhunderts // *Klio*. Bd. 21. 1927. Hf. 3/4. S. 404–420.
- ⁵ Berve H. Sparta (Meyers Kleine Handbücher 7). Leipzig: Bibliographisches Institut, 1937. S. 27.
- ⁶ Перевод с английского Л. Э. Лиукконен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Ю. В. Спартанский эксперимент: общество и армия Спарты. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2014. 304 с.
2. Дарвин А. Л. О воспитании спартанских царей // *Клио*. 2017. № 12 (132). С. 38–42.
3. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Т. 1 / Пер. с нем. А. И. Любжина. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2001. 594 с.
4. Печатнова Л. Г. Спарта. Миф и реальность. М.: Вече, 2013. 384 с.
5. Andrewes A. The Government of classical Sparta. *Ancient Society and Institutions. Studies Presented to V. Ehrenberg on his 75th Birthday*. Oxford, 1966. P. 1–20.
6. Carlier P. Cleomene I, re di Sparta. Contro le 'leggi immutabili'. *Gli Spartani fra tradizione e innovazione*. A curadi Ginzia Bearzot e Franca Landucci. Milano: Vita e Pensiero, 2004. P. 33–52.
7. Carlier P. La royauté en Grece avant Alexandre / *Ouvrage public avec le concours du Centre National des Lettres*. Strasbourg: AECR, 1984. 562 p.
8. Cartledge P. Sparta and Lakonia. *A Regional History 1300–362 B. C.* London: Routledge&Kegan Paul Ltd, 1979. 354 p.
9. Cartledge P. Spartan Justice? Or "the state of the Ephors"? // *Dike: Rivista di storia del diritto Greco ed ellenistico*. № 3. Milano, 2000. P. 5–26.
10. Cloche P. Sur role des rois de Sparte // *Les études classiques*. 1949. Vol. 17. P. 113–118, 343–381.
11. Ehrenberg V. From Solon to Socrates: Greek History and Civilization during the sixth and fifth centuries BC. Second Edition. London: Routledge, 2014. 505 p.
12. Hammond N. G. L. The Peloponnese // *The Cambridge Ancient History*. Second Edition. Vol. III. Part 3. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 321–359.
13. Huxley G. L. Early Sparta. London: Faber and Faber, 1962. 164 p.
14. Keane J. Theophrastus on Greek Judicial Procedure // *Transactions of American Philological Association*. 1974. № 104. P. 179–194.
15. Levi E d. Sparte. Histoire politique et sociale jusqu'à la conquête romaine. Paris: Éditions du Seuil, 2003. 364 p.

16. Luther A. Könige und Ephoren. Untersuchungen zur spartanischen Verfassungsgeschichte. Frankfurt am Main: Verlag Antike e. K., 2004. 159 s.
17. Mac Dowell D. M. Spartan Law. Edinburgh: Scottish Academic Press Ltd, 1968. 196 p.
18. Michel H. Sparta. Cambridge: At the University Press, 1957. 348 p.
19. Richer N. Les Ephores. Etudes sur l'histoire et sur l'image de Sparte (VIIIe–IIIe siècle avant J.-C.). Paris: Public. de la Sorbonne (Histoire ancienne et médiévale 50), 1998. 636 p.
20. Thomas C. G. On the Role of the Spartan Kings // *Historia*. 1974. Bd. 23. Hft. 3. P. 257–270.
21. Thommen L. Sparta. Verfassungs- und Sozialgeschichte einer griechischen Polis. Stuttgart. Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2003. 244 s.
22. Welwei K. W. Sparta. Aufstieg und Niedergang einer antiken Großmacht. Stuttgart: Klett-Cotta, 2004. 438 s.

Поступила в редакцию 19.06.2019

Aleksy L. Darvin, Research Lecturer, Saint Petersburg University
(St. Petersburg, Russian Federation)

SPARTAN KINGS AND EPHORS: THE TWO STATE INSTITUTIONS' COEXISTENCE AND INTERACTION

The article explores the issue of institutional distribution of powers between the kings and the ephors and their relations during the classical period of Spartan history. Its main objective is to reconsider the concept that prevailed in historiography until recent years stating that the ephorate political role increased to the detriment of the kings' authority and power, starting from the sixth century B. C., which now appears short on substantiation. As the above mentioned concept still prevails in Russian historiography, and the foreign research that offers an alternative view hasn't been analyzed and reviewed, the pressing task is to undertake an analysis of the available sources once again, given the results of this research. Because of the near-complete lack of extant political and legal documents from Lacedaemon, the deliberate refusal of the Spartan authorities to put laws and ancient tradition providing information about the Spartan state in writing, it is impossible to restore the stages of constitutional evolution of Sparta. Based upon the first sources in this regard (Plutarch citing *The Great Rhetra*, its addendum and the fragments of Tyrtaeus's poem *Eunomia*), one cannot conclude that the kings lost a part of their authority. Moreover, the majority of researchers admit the creation of the ephorate by the kings themselves in the middle of the eighth century B.C., which was an antiaristocratic and not an antimonarchic action. Attempts to link the ephorate accretion of power during the Archaic age to the activities of specific individuals like Asteropos or Chilon are hardly proven hypotheses. When analyzing the relations between the kings and ephors during the Classical period, it is also impossible to prove that the kings were eased out of power or their authority was weakened in favour of the ephorate. The analysis of the sources leads to the following conclusions: all significant political developments and trials of the kings were in the hands of the "Little Ecclesia" and were not the prerogative of the ephors only; the kings themselves initiated trials and acted as judges at some of those; the kings were actively involved in all decisions made together with collegiate bodies, and often had a certain impact on them. With regard to the ephors' exclusive competence in the area of foreign policy, one could not confirm this hypothesis, at least regarding the reign of the kings Cleomenes I and Agesilaus II. In foreign policy area, the kings had priority over the ephors, because unlike the ephors who were elected annually, the kings were able to offer a long-term foreign policy agenda during their life-long reign.

Keywords: Spartan kings, ephors, history of state institutions, Great Rhetra, Eunomia, Asteropos, Chilon, Cleomenes I, Agesilaus II

Cite this article as: Darvin A. L. Spartan kings and ephors: the two state institutions' coexistence and interaction. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 6 (183). P. 22–29. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.367

REFERENCES

1. Andreev Yu. V. The Spartan experiment: society and army of Sparta. St. Petersburg, 2014. 304 p. (In Russ.).
2. Darvin A. L. About the education of Spartan kings. *Klio*. 2017. No 12 (132). P. 38–42. (In Russ.).
3. Jäger W. Paideia. Education of the ancient Greek. Vol. 1. (A. I. Ljubzhin, Trans.). Moscow, 2001. 594 p. (In Russ.).
4. Pechatnova L. G. Sparta. Myth and reality. Moscow, 2013. 384 p. (In Russ.).
5. Andrewes A. The Government of classical Sparta. *Ancient Society and Institutions. Studies Presented to V. Ehrenberg on his 75th Birthday*. Oxford, 1966. P. 1–20.
6. Carlier P. Cleomene I, re di Sparta. Contro le 'leggi immutabili'. Gli Spartani fra tradizione e innovazione. A curadi Ginzia Bearzot e Franca Landucci. Milano, Vita e Pensiero, 2004. P. 33–52.
7. Carlier P. La royauté en Grèce avant Alexandre / Ouvrage publié avec le concours du Centre National des Lettres. Strasbourg: AECR, 1984. 562 p.
8. Cartledge P. Sparta and Lakonia. A Regional History 1300–362 B. C. London, Routledge&Kegan Paul Ltd, 1979. 354 p.
9. Cartledge P. Spartan Justice? Or "the state of the Ephors"? *Dike: Rivista di storia del diritto Greco ed ellenistico*. No 3. Milano, 2000. P. 5–26.
10. Cloche P. Sur rôle des rois de Sparte. *Les études classiques*. 1949. Vol. 17. P. 113–118, 343–381.
11. Ehrenberg V. From Solon to Socrates: Greek History and Civilization during the sixth and fifth centuries BC. Second Edition. London, Routledge, 2014. 505 p.
12. Hammond N. G. L. The Peloponnese. *The Cambridge Ancient History*. Second Edition. Vol III. Part 3. Cambridge, Cambridge University Press, 1982. P. 321–359.
13. Huxley G. L. Early Sparta. London, Faber and Faber, 1962. 164 p.
14. Keaney J. Theophrastus on Greek Judicial Procedure. *Transactions of American Philological Association*. 1974. No 104. P. 179–194.
15. Levi Ed. Sparte. Histoire politique et sociale jusqu'à la conquête romaine. Paris, Éditions du Seuil, 2003. 364 p.
16. Luther A. Könige und Ephoren. Untersuchungen zur spartanischen Verfassungsgeschichte. Frankfurt am Main, Verlag Antike e. K., 2004. 159 s.
17. Mac Dowell D. M. Spartan Law. Edinburgh, Scottish Academic Press Ltd, 1968. 196 p.
18. Michel H. Sparta. Cambridge, At the University Press, 1957. 348 p.
19. Richer N. Les Ephores. Etudes sur l'histoire et sur l'image de Sparte (VIIIe–IIIe siècle avant J.-C.). Paris, Public. de la Sorbonne (Histoire ancienne et médiévale 50), 1998. 636 p.
20. Thomas C. G. On the Role of the Spartan Kings. *Historia*. 1974. Bd. 23. Hft. 3. P. 257–270.
21. Thommen L. Sparta. Verfassungs- und Sozialgeschichte einer griechischen Polis. Stuttgart. Weimar, Verlag J. B. Metzler, 2003. 244 s.
22. Welwei K. W. Sparta. Aufstieg und Niedergang einer antiken Großmacht. Stuttgart, Klett-Cotta, 2004. 438 s.

Received: 19 June, 2019

ЕЛЕНА ОЛЕГОВНА СТАРОВОЙТОВА

ассистент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета
Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
e.starovoytova@spbu.ru

ОБРАЗЫ ИНОСТРАНЦЕВ В ТРАДИЦИОННОМ КИТАЙСКОМ ЛУБКЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА*

Исследуется тема формирования взаимных образов между Китаем и, в первую очередь, западными державами на рубеже XIX–XX столетий – в тот период, когда произошло беспрецедентное расширение контактов между сторонами. Вопрос появления новых визуальных образов иностранцев и иностранных реалий в Китае указанного периода впервые в отечественной науке рассматривается через призму традиционной китайской народной картины – *няньхуа*, которая, в отличие от традиционной академической живописи, очень живо отвечала на изменявшиеся исторические реалии. В статье приводится подробная классификация *няньхуа*, в частности выделены следующие категории изображений с «иностранцами и иностранными явлениями» на них: лубки, связанные с деятельностью христиан-миссионеров в Китае; благопожелательные картинки с изображениями западных реалий; а также ставшие особо популярными на рубеже XIX–XX веков изображения на исторические и общественно-политические темы. Подробно описывается каждая из категорий. Исследование основано прежде всего на богатейшем собрании китайской народной картины, хранящемся в музеях Санкт-Петербурга: Государственном Эрмитаже, Государственном музее истории религии, Музее антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера), Русском географическом обществе, основу которого составляет коллекция академика В. М. Алексеева.

Ключевые слова: Китай, иностранцы, взаимные образы, няньхуа, коллекция В. М. Алексеева

Для цитирования: Старовойтова Е. О. Образы иностранцев в традиционном китайском лубке конца XIX – начала XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 30–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.368

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия как в западной, так и в российской и китайской науке о международных отношениях наметился отход от изучения политической истории в пользу изучения истории культурного взаимодействия и формирования взаимных образов между сторонами. Как отмечает И. В. Следзевский:

«Неотъемлемой чертой мировых трансформаций в XX в., оказавших огромное влияние на формирование внешней политики и стратегических приоритетов крупнейших государств, стало постоянное сравнение национальных образов, идей, моделей и проектов развития» [7: 71].

Активная стадия формирования взаимных образов между Китаем и внешним миром – прежде всего Японией, Россией и Великими державами – началась со второй половины XIX века с расширением сферы взаимодействия сторон, достигнув своей кульминации к началу XX века [13: 32]. Обратившись к массовой культуре в России и на Западе, можно заключить, что наиболее ярко новый визуальный образ Китая проявлялся на страницах всевозможных сатирических карикатурных изданий, столь популярных у читателей тех лет. В самом Китае, по мнению многих специалистов, взгляд на взаимоотношения с иностранцами стал меняться после периода Опиумных войн. И хотя

известно, что даже к концу правления династии Цин большая часть китайского населения по-прежнему скептически относилась к достижениям «варваров» и не желала у них учиться, ученые полагают, что уже в XVII веке некоторые представители китайских элит перестали делить мир на цивилизованных людей и «варваров» [12: 859].

Говоря о визуальных образах иностранцев в Китае, специалист в области китайского изобразительного искусства Т. И. Виноградова отмечает:

«... в течение многих веков живущие за пределами Срединной империи рисовались на страницах китайских книг согласно традиции, восходящей к древней “Книге гор и морей” (山海經 (*Шаньхай цзин*)), т. е. фантастическими антропоморфными существами с разным набором конечностей и головами причудливых очертаний» [3: 32].

Однако рост прямых контактов между Азией и Европой, что было связано в том числе с развитием мореходства во времена правления династии Мин, привел к значительному увеличению количества публикаций об иностранцах. Уже в начале XVIII века в Китае широкое распространение получили разнообразные альбомы акварельных рисунков, знакомящие местных читателей с нравами и обычаями иностранцев. Их аудиторией в первую очередь являлись чиновники, которым предстояло служить в местах соприкосновения с иностранной культурой [3: 32].

По мнению современного специалиста в области истории книжного дела в императорском Китае Хэ Юймин, одним из наиболее популярных изданий подобного рода тех лет стал трактат «Лочун лу»¹ (羸蟲錄 (Record of naked creatures)), широко распространенный среди большого количества читателей в разных кругах общества с начала XVI века. Трактат представляет собой печатный текст, в котором собраны изображения и описания более ста видов «лочун» (буквально: обнаженных существ), также известных как «и» 夷 (варвары, иностранцы). Статьи трактата, организованные под заголовками для различных «го» (государство), охватывают страны Азии и региона Индийского океана, Ближнего Востока, Северной Африки и Европы (Сицилия). Исследователь отмечает, что основное внимание в тексте уделяется «внешним варварам» (外夷), проживающим за пределами территории «Срединного государства» (中國), но рассказывается и об этнических группах на этой территории, в том числе о легендарных странах, упоминаемых в более ранних китайских текстах, таких как «Книга гор и морей». Более того, подобно этому трактату, с которым при Мин он часто использовался совместно, в «Лочун лу» сделан акцент не только на письменных отчетах об экзотических народах, но и на «диких» изображениях, что было тесно связано с расцветом индустрии печатных иллюстраций *баньхуа* (版画) в то время [10: 44–47].

Хэ Юймин выделяет еще одно сочинение об иностранцах, вдохновленное «Лочун лу», – трактат «Дунъи туншо» (東夷圖說 (Pictures and descriptions of eastern barbarians)), составленный в 1586 году заместителем главы администрации провинции Гуандун цзиньши² Цай Жусянем (蔡汝賢). Трактат состоит из 20 глав, частично скопированных из «Лочун лу», с новыми добавлениями, такими как Португалия. Этот трактат примечателен в том числе потому, что Цай Жусянь в заглавии говорит о необходимости изучать и описывать обычаи иноземцев в сравнении с нравами жителей Срединного государства, ведь даже среди последних имеются значительные отличия. Хэ Юймин полагает, что Цай Жусянь таким образом выразил «общечеловеческое понимание взаимной референтности понятий “мы” и “они”» [10: 67–68].

В XIX веке Китай лицом к лицу столкнулся с опасностью со стороны западных держав, что не могло не отразиться на традиционном мировоззрении, вызывая различные реакции со стороны представителей интеллектуальной элиты Цинского государства. Многие мыслители тех лет высказывали свое мнение о «западных варварах», предлагая те или иные пути взаимодействия с ними. Норвежский китаевед Эрлинг Агой в своей работе, посвященной описанию иностранцев в традиционных китайских исто-

рических и литературных сочинениях, особо выделяет географический справочник «Хайго тучжи» (海國圖志 (Illustrated Treatise on the Maritime Kingdoms)), изданный в 1843 году в ответ на поражение Китая в первой Опиумной войне. Считается, что сборник был составлен знаменитым чиновником и ученым Вэй Юанем (魏源) по указанию знаменитого государственного деятеля первой половины XIX века Линь Цзэсюя (林則徐), который лично провел большую часть работы для подготовки начальной версии справочника. Во введении к справочнику Вэй Юань делится с читателями своими взглядами на взаимоотношения империи Цин с иностранцами. В частности, он предлагает правительству прежде всего развивать торговые и коммерческие отношения с ними, сделав акцент на отношениях со странами Юго-Восточной Азии (南洋). Большую же часть справочника составляют описания различных стран мира – от стран Юго-Восточной Азии (Сиам (暹羅), Бирма (緬甸)) до России (俄羅斯), США (彌利堅), Турции (都魯機) и др., в том числе, например, Чили (智利). Наиболее объемная глава посвящена Великобритании (英吉利). В каждой статье внимание уделяется истории, географии, военным аспектам и торговле, хотя также встречаются описания местных традиций и обычаев. В справочнике имеются раздел со сведениями о католицизме (天主教), сравнение западного и китайского календарей, описание западного образа мышления. Работа выходила в 1843, 1847 и 1852 годах. Каждое последующее издание существенно расширялось, прежде всего за счет стремительно растущего количества новых сведений о Западе. Однако до 1860-х годов издание не имело большой популярности и распространялось среди узкого круга читателей в прибрежных районах Китая. Как подчеркивает Агой, несмотря на то что данное издание называют величайшей работой по геополитике в императорском Китае, оно никак не повлияло на политику империи Цин в отношении стран Запада, а служило лишь источником информации о них³.

Вводная часть «Хайго тучжи», составленная лично Вэй Юанем, описывает иностранцев с использованием традиционно уничижительного термина «и» и изображает их как источник военной угрозы, из которого Китай мог бы, в лучшем случае, почерпнуть некоторые технологии. Однако в разделах по странам, которые представляют собой в основном перевод иностранных источников, жители других государств обычно не изображаются как нецивилизованные. По мнению норвежского специалиста,

«справочник не только передает иностранные взгляды посредством перевода, но показывает, как новая международная ситуация повлияла на мировоззрение китайцев»⁴.

Как уже говорилось выше, подобные сочинения не имели большого распространения среди

широкого круга китайских читателей, будучи популярны в основном среди представителей китайского чиновничества, служивших в районах соприкосновения с западными державами. Однако расширение контактов Китая с Западом со второй половины XIX века, а также появление в китайском быту «заморских диковинок» не могло не повлиять на формирование особого образа иностранцев в народной культуре.

Одним из наиболее распространенных визуальных «носителей» информации в Китае традиционно являлся китайский народный лубок *няньхуа*. Обычай украшать дом в канун Нового года яркими печатными картинками с различной благопожелательной символикой, изготавливаемыми методом ксилографии, появился в Китае еще в XII веке. Со второй половины XIX века, как отмечает Г. С. Гультьева,

«художественное творчество *няньхуа* получило массовое распространение и сформировалось в самостоятельный вид изобразительного искусства»⁵,

а в начале XX века с появлением новой технологии печати популярность таких изображений среди всех слоев китайского населения еще больше возросла.

Первым собирателем подобных народных картин в России стал выдающийся русский синолог академик Василий Михайлович Алексеев. Начиная с 1906 года, когда он впервые посетил Китай, ему посчастливилось посетить более 50 основных центров производства китайских народных лубочных картин, и он начал коллекционировать их в рамках проекта по изучению местного фольклора. Ученый собрал огромное количество новогодних картин – около 3000 экземпляров. Согласно завещанию академика, его обширная коллекция, пополненная в 1912 и 1926 годах во время поездок в южный Китай, была разделена между основными музеями Ленинграда, которые дополнили свои собрания новогодних картин в 1960–1980-х годах. Большая часть этих изображений (около 2000 картин) в настоящее время хранится в Государственном Эрмитаже. Сегодня музеи Санкт-Петербурга, такие как Эрмитаж (ГЭ), Музей антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера), Государственный музей истории религии (ГМИР), Русское географическое общество (РГО), являются владельцами уникальной коллекции *няньхуа* – более 4500 экземпляров. Только собрания народных картин в самом Китае могут соперничать с этой коллекцией.

Ученица В. М. Алексеева, долгое время являвшаяся хранителем коллекции китайской народной картины в Эрмитаже, М. Л. Рудова выделила пять основных групп таких произведений по тематическому признаку:

1) «новогодние картины с культовой и обрядовой сторонами празднования Нового года, то есть с религиозными сюжетами»; 2) «картинки, сюжеты которых насыщены благопожелательной символикой», которые

автор называет «главными в искусстве новогодней картинки»; 3) «новогодние картинки с изображением бытовых сцен из народной жизни»; 4) «литературная группа: картинки-иллюстрации к мифам, легендам, романам, рассказам»; 5) «театральная новогодняя картинка» [6: 12–16].

Г. С. Гультьева расширила этот перечень двумя дополнительными типами китайских народных новогодних картин:

6) «картины на политические темы», в которых отражались общественно-политические события XX века; 7) «календарные картины с изображением 12 циклических знаков животных и сельскохозяйственные календари», а также «рекламные календари»⁶.

Знаменитый британский синолог XX века Джон Ласт в монографии «*Chinese popular prints*» впервые обратил внимание на возможность классифицировать *няньхуа* не только по их тематике, но и по «целевой аудитории»:

«Лубки для селян служили календарным справочным пособием по времени производства сельскохозяйственных работ; лубки для детей (а именно мальчиков)... выполняли для них образовательную и защитную функцию; лубки для коммерсантов привлекали внимание покупателей и т. д.» [11: 212–241] (цит. по: [8: 96]).

Первые изображения иностранцев и «заморских диковинок» появились на китайском лубке еще в XVIII веке [1: 33], однако заметный рост количества подобных картин произошел в 90-е годы XIX века как ответ на расширение сферы взаимодействия империи Цин с внешним миром. Такие *няньхуа*, обычно датируемые 1890–1920-ми годами, можно разделить на несколько основных групп: 1) Изображения, связанные с деятельностью христиан-миссионеров в Китае. Зачастую это антихристианские рисунки, изображающие деятельность миссионеров в самом неприглядном виде и призывающие к борьбе с ней. 2) Традиционные благопожелательные лубки с «западными реалиями» на них: домами, предметами обихода, деталями костюма и т. д. Такие картинки стали популярны в начале XX века вслед за все большим распространением в китайском быту «европейских новшеств». 3) Картины на исторические и общественно-политические темы, рассказывающие в том числе об отношениях Китая с иностранцами. Как отмечают специалисты, этот жанр впервые возник именно на рубеже XIX–XX веков.

ИЗОБРАЖЕНИЯ ХРИСТИАН-МИССИОНЕРОВ

Как подчеркивал академик В. М. Алексеев, христианство было чуждо конфуцианству, как и буддизм, однако

«в то время как буддисты просто не обращали внимания на пренебрежение конфуцианцев, христианство, чувствуя в конфуцианстве врага, все время сражалось с ним» [1: 148].

Он был убежден в том, что:

«европейцы, принесшие христианство, не могли понять китайскую культуру. Миссионеры изучали Китай

лишь с целью учить его. Сами христианские миссии вели между собой войну. ... [Миссионеры зачастую] шли на шпионаж, политику поправок, и, конечно, паства состояла главным образом из карьеристов и вообще скверных элементов» [1: 148].

Противоречия между христианством и традиционными китайскими верованиями, а также растущее давление со стороны западных держав после поражения Китая в Опиумных войнах привели к многочисленным протестам против христиан (как миссионеров, так и обращенных китайцев). Так, в ходе серии антихристианских беспорядков 1891 года, затронувших более 10 городов вдоль р. Янцзы – от Нанкина до Ичана, были убиты сотни китайских христиан и двое англичан. Как полагали иностранные миссионеры и местные чиновники, одной из причин, вызвавших рост общественного насилия в этом случае, стала серия лубочных картин, 32 из которых были собраны консервативным китайским ученым Чжоу Ханем (周汉) в единую иллюстрированную брошюру под названием «*Цзиньцзунь шэньюй бисе цюаньту*» (謹遵聖諭辟邪全圖 (*In Accord with the Imperial Edict: Complete Illustrations of the Heretical Religion*)), опубликованную примерно в 1890 году. Брошюра была воспроизведена лидером Лондонского миссионерского общества Гриффитом Джоном (1831–1912), который разместил фотографии в обратном порядке (32–1), добавил переводы и комментарии и опубликовал их в виде сборника «*The Cause of the Riots in the Yangtse Valley: A "Complete Picture Gallery"*» в Ханькоу в 1891 году. В настоящее время изображения, включенные в сборник, в полном объеме хранятся в архивах ГМИР. Среди них такие, как «Черти поклоняются свинье», «Проповедь христианства в церкви», «Буддисты и даосы изгоняют дьяволов» и др.

Все эти картины изображают почитателей христианства в крайне нелицеприятном виде. Для этого, в частности, используется игра слов. Так, иероглиф «天主» (*тяньчжэ*) – господь созвучен иероглифу «天猪» (*тяньчжэ*) – небесная свинья, поэтому Иисус на них обычно изображен в виде свиньи с иероглифом «耶穌» (*есу*) на боку. Иероглиф «教» (*цзяо*) – учение – заменяется созвучным ему «叫» (*цзяо*) – крик, визг, поэтому проповедников именуют «叫司» (*цзяосы*) – тот, кто кричит, а христианскую проповедь называют не иначе как визгом свиньи. Верующие «叫徒» (*цзяоту*) – тот, кто является приверженцем «визга» – в китайских и западных одеждах часто изображены сидящими в «叫堂» (*цзяотан*) – зале крика – парами противоположного пола в объятиях друг друга, что говорит о полном отсутствии норм морали у последователей христианского учения. На этих картинах в большом количестве присутствует зеленый цвет, традиционно считающийся в Китае символом развратного поведения. Все картины серии снабжены антихристианскими надписями, призывающими китайский народ на восстание против последователей чуждого ему учения.

БЛАГОПОЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ ЛУБКИ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ЗАПАДНЫХ РЕАЛИЙ

Как уже говорилось выше, такие картины стали особо популярны среди всех слоев китайского населения в начале XX века. Как отмечал В. М. Алексеев:

«...когда в китайском быту появились европейские новшества, народная картина сейчас же учла это» [1: 33].

Среди подобных изображений можно выделить серию лубков, изготовленных в мастерских поселка Янлюцин⁷ (杨柳青) с изображениями достижений западной транспортной промышленности. Например, на лубке «Картина с трамваем в Тяньцзине», хранящемся в ГМИР, на заднем плане изображена трамвайная линия, запущенная в этом городе в 1906 году, а впереди – повозка западного образца, запряженная двумя лошадьми с двумя китаянками и китайским извозчиком. На улице рядом с повозкой и в вагоне трамвая мы можем видеть как китайцев в традиционных нарядах, так и европейцев в западных одеждах. Один из прохожих в костюме европейского образца держит в руках велосипед – еще один символ вестернизации. Помимо этого, на картине изображена линия электропровода и электрические уличные фонари по обеим сторонам от вагона трамвая.

На подобных картинах часто можно видеть изображения железных дорог, железнодорожных мостов, а также зданий, построенных по западному образцу, и прочих достижений иноземной инженерии. Это такие лубки, как «Железная дорога и телега, приводимая в движение огнем» (РГО), «Новый разводной мост на Великом канале в Тяньцзине» (МАЭ РАН), «Широкая улица в Тяньцзине» (МАЭ РАН), «Вид города Тяньцзиня» (РГО), «Новый пейзаж улиц Шанхая» (ГЭ). Участники научного проекта по систематизации китайских народных картин из коллекции В. М. Алексеева, хранящихся в архивах ГМИР, подчеркивают, что появление подобных изображений можно рассматривать

«как важное историческое свидетельство и отражение гибкого характера искусства *няньхуа*, которое впитывало в себя и постоянно обогащалось новыми сюжетами и образами, шло в ногу с меняющимся обществом и техническим прогрессом и в силу своей необыкновенной популярности и распространенности несло информацию об этих социальных и технологических новшествах в самые широкие слои сельского населения» [8: 108].

Среди картин из данной категории особый интерес представляет серия лубков с изображениями новых общественных явлений в Китае начала XX века. В частности, речь идет о таких картинах, как «Женское училище гражданских и военных наук» (ГМИР). На картине изображены три девушки в шляпах западного образца, сидящие над тетрадами в здании женского военного училища, а также три девушки во дворе училища, обучающиеся обращению с винтовками. Данное

изображение, как и ряд других, подобных ему, было выполнено в Шанхае 1900–1920-х годов. Эта серия примечательна в том числе потому, что

«отражает смену статуса женщины в китайском обществе и открывшиеся для нее возможности получения образования за пределами квартала проживания» [8: 107].

ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ИСТОРИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕМЫ

Как заметил известный эксперт по истории китайской живописи Ван Шуцунь в своем описании сюжетов *няньхуа* конца XIX – начала XX века,

«в отличие от высокой живописи, целиком замкнувшейся в сфере одних и тех же традиционных тем, китайская народная картина этого времени широко отражала реальную действительность» [2: 28].

Неудивительно, что одной из наиболее популярных новых тем для китайской народной картины этого периода стала борьба с иностранными захватчиками. В первую очередь речь шла о японской агрессии в отношении Китая, а также об участии западных держав в подавлении восстания *ихэтуаней* в Китае. Отличает эти картины в первую очередь то, что исторические события и легенды на них зачастую изображались в виде сцен из театрального представления. Академик В. М. Алексеев объяснял это тем, что

«китайцы не могут себе иначе представить историческое действие, как только в виде действия театрального, и это понятно, так как именно театр знакомит неграмотных с историей и литературой» [1: 35].

Изображенные на таких картинах «исторические» сюжеты часто противоречили реальности.

Это могло быть связано как с малой осведомленностью авторов изображений, так и с умышленным желанием «приукрасить» те или иные события. Ярким примером может служить серия лубочных картин «Бьем японцев из пушек» (МАЭ РАН), на которых достижения китайских военных в борьбе с японцами в ходе китайско-японской войны 1894–1895 годов явно преувеличены, или же картина «Пушки в Пекине бьют по Сишику» (ГЭ), восхваляющая достижения подерживаемого обладающими магическими способностями девушками – членами одного из тайных обществ генерала Дун Фусяна (1839–1908) в борьбе с западными «агрессорами».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обращаясь к китайским народным лубочным картинам, нельзя не согласиться с мнением Т. И. Виноградской о том, что *няньхуа* – это «ксилографические гравюры, созданные исключительно для обслуживания нужд основной нации, населяющей империю, т. е. ханьцев, китайцев» [3: 32]. Тем не менее стоит помнить, что среди огромной массы представителей китайской нации встречались группы «потребителей» народных картин с порой совершенно противоположными запросами – от борцов с христианством до поклонников любых новых западных тенденций. Так или иначе, очевидно, что беспрецедентное расширение контактов Китая с внешним миром, начавшееся во второй половине XIX века, затронуло практически все сферы жизни китайского общества и государства, что нашло очень яркое отражение в самом народном из всех видов изобразительного искусства в Китае – искусстве *няньхуа*.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-21-49001-ОГН «Образ России и Запада в Китае в XX веке: эволюция, преемственность и фактор случайности».

ПРИМЕЧАНИЯ

- Сравнение, проведенное современными китайскими исследователями, позволяет предположить, что это тот же текст, что и трактат XV века «*Ли юй тучжи*» (異域圖志 (Pictures and descriptions of foreign lands)), выполненный, возможно, по заказу принца и эрудита эпохи Мин Чжу Цюаня (朱權).
- Цзиньши (進士) – высшая ученая степень в императорском Китае, присваиваемая по результатам государственных экзаменов.
- Agøy Erling T. H. Portrayal of Foreigners in Traditional Chinese History and Literature. P. 120–123 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/54557/EAST4591-Master-s-Thesis-in-East-Asian-Culture-and-History--Erling-Hagen-Ag-y.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения 25.04.2019).
- Там же. С. 144–145.
- Гульятеева Г. С. Китайская народная картина няньхуа XX века: типология жанров и эволюция: Дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2007. С. 3.
- Там же. С. 26.
- Поселок Янлюцин, расположенный близ г. Тяньцзинь, является одним из самых известных центров печати традиционных лубочных картин в Китае. Картины из собрания В. М. Алексеева большей частью были выпущены мастерскими Янлюцина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В. М. Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. М.: Наука, 1966. 260 с.
- Ван Шуцунь. К истории китайской народной картины // Редкие китайские народные картины из советских собраний. Л.: Аврора, 1991. С. 21–37.
- Виноградова Т. И. «Некитайские» китайские народные картины // Кюнеровский сборник: Материалы Восточноазиатских и Юго-Восточноазиатских исследований. СПб.: МАЭ РАН, 2013. Вып. 7: Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение, 2011–2012. С. 32–38.
- Мурян И. Ф. Китайский народный лубок. М.: Искусство, 1960. 122 с.

5. Рифтин Б. Л. Редкие китайские лубки из фондов РГБ // Восточная коллекция. Весна 2002. М., 2002. С. 105–119.
6. Рудова М. Л. Китайская народная картинка. СПб.: Аврора, 2003. 63 с.
7. Следзевский И. В. Ментальный образы в международных сопоставлениях и моделировании глобального будущего // Общественные науки и современность. 2008. № 4. С. 69–85.
8. Терюкова Е. А., Завидовская Е. А., Хижняк О. С., Кормановская М. В., Мазурин В. Н. Китайская народная картина из собрания ГМИР: опыт систематизации // Труды Государственного музея истории религии. Вып. 17. СПб., 2017. С. 85–114.
9. Flath James A. The Cult of Happiness: Nianhua, Art, and History in Rural North China (Contemporary Chinese Studies). Toronto: UBS Press, 2004. 188 p.
10. He Yuming. The Book and the Barbarian in Ming China and Beyond: The Luo chong lu, or “Record of Naked Creatures” // Asia Major. THIRD SERIES. Vol. 24. No 1. Taipei, 2011. P. 43–85.
11. Lust J. Chinese popular prints. Leiden: BRILL, 1996. 352 с.
12. Po Ronald C. Maritime countries in the Far West: Western Europe in Xie Qinggao’s Records of the Sea (c. 1783–1793) // European Review of History: Revue européenne d’histoire. Vol. 21. 2014. Issue 6. London: Taylor and Francis, 2014. P. 857–870.
13. Samoylov N. A. The Evolution of Russia’s Image in China in the early 20th century: Key Factors and Research Methodology // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2019. Т. 11. № 1. С. 28–39.
14. 鹿憶鹿. 《贏蟲錄》在明代的流傳 ----- 兼論《異域志》相關問題 // 國文學報. 第五十八期2015年12月. 台北, 2015. (Ль Илу. «Лочунлу» – распространение при династии Мин и связи с «Июй чжи» // Говэнь сюэбао. № 58 от 12.2015. Тайбэй, 2015). С. 129–166.
15. 冯骥才. 中国木版年画集成俄罗斯藏品卷. 北京: 中华书局, 2009. (Фэн Цзицай. Китайские ксилографические картины из Российских собраний. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2009). 548 с.

Поступила в редакцию 04.06.2019

Elena O. Starovoitova, Assistant Lecturer, Saint Petersburg University
(St. Petersburg, Russian Federation)

IMAGES OF FOREIGNERS IN TRADITIONAL CHINESE WOODBLOCK PRINTS OF THE LATE XIX AND THE EARLY XX CENTURIES*

The article deals with the formation of mutual images between China and the Western powers at the turn of the XIX and the XX centuries – during the period when there was an unprecedented expansion of contacts between the parties. For the first time in Russian science the question of the emergence of new visual images of foreigners and foreign realities in China of the studied period is viewed through the prism of the traditional Chinese folk painting – Nianhua, which, unlike traditional academic painting, reflected changing historical realities very vividly. The article provides a detailed classification of Nianhua, including the following categories of images with “foreigners and foreign phenomena” in particular: woodblock prints dedicated to the activities of Christian missionaries in China; well-wishing pictures with images of western realities; and the images on historical and political issues, which became especially popular at the turn of the XIX and the XX centuries. The article describes in detail each of the categories. The study is based, primarily, on the richest collection of Chinese folk woodblock print paintings stored in the museums of St. Petersburg: the State Hermitage Museum, the State Museum of the History of Religion, the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Kunstkamera), the Russian Geographical Society, which is based on the collection of a famous Russian academician V. M. Alekseyev.

Keywords: China, foreigners, mutual images, Nianhua, V. M. Alekseyev’s collection

* The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and DFG as part of the research project No 17-21-49001 “Chinese perceptions of Russia and the West during the XX century: changes, continuities and contingencies”.

Cite this article as: Starovoitova E. O. Images of foreigners in traditional Chinese woodblock prints of the late XIX and the early XX centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 6 (183). P. 30–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.368

REFERENCES

1. Alekseyev V. M. Chinese folk picture. The spiritual life of old China in folk images. Moscow, 1966. 260 p. (In Russ.)
2. Wang Shucun. The history of Chinese folk paintings. *Rare Chinese folk paintings from the Soviet collections*. Leningrad, 1991. P. 21–37. (In Russ.)
3. Vinogradova T. I. “Non-Chinese” Chinese folk paintings. *Kyunerovskiy sbornik*. Issue 7. St. Petersburg, 2013. P. 32–38. (In Russ.)
4. Murian I. F. Chinese folk woodblock prints. Moscow, 1960. 122 p. (In Russ.)
5. Rifting B. L. Rare Chinese woodblock prints from the Russian State Library funds. *Vostochnaya kolleksiya. Vesna 2002*. Moscow, 2002. P. 105–119. (In Russ.)
6. Rudova M. L. Chinese folk paintings. St. Petersburg, 2003. 63 p. (In Russ.)
7. Sledzевsky I. V. Mental images in international comparisons and modeling a global future. *Social Science and Contemporary World*. 2008. No 4. P. 69–85. (In Russ.)
8. Terюkova E. A., Zavidovskaya E. A., Khizhnyak O. S., Kormanovskaya M. V., Mazurina V. N. Chinese folk paintings from the State Museum of the History of Religion’s collection: the experience of systematization. *Proceedings of the State Museum of the History of Religion*. Issue 17. St. Petersburg, 2017. P. 85–114. (In Russ.)
9. Flath James A. The cult of happiness: Nianhua, art, and history in rural North China (contemporary Chinese studies). Toronto, UBS Press, 2004. 188 p.
10. He Yuming. The book and the barbarian in Ming China and beyond: The Luo chong lu, or “Record of Naked Creatures”. *Asia Major. THIRD SERIES*. Vol. 24. No 1. Taipei, 2011. P. 43–85.
11. Lust J. Chinese popular prints. Leiden, BRILL, 1996. 352 p.
12. Po Ronald C. Maritime countries in the Far West: Western Europe in Xie Qinggao’s Records of the Sea (c. 1783–1793). *European Review of History: Revue européenne d’histoire*. Vol. 21. 2014. Issue 6. London, Taylor and Francis, 2014. P. 857–870.
13. Samoylov N. A. The evolution of Russia’s image in China in the early XX century: Key factors and research methodology. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2019. Issue 11. Vol. 1. P. 28–39.
14. 鹿憶鹿. 《贏蟲錄》在明代的流傳 ----- 兼論《異域志》相關問題 // 國文學報. 第五十八期2015年12月. 台北, 2015. P. 129–166.
15. 冯骥才. 中国木版年画集成俄罗斯藏品卷. 北京: 中华书局, 2009. 548 p.

Received: 4 June, 2019

МАРИЯ ЭДУАРДОВНА КОРГАНОВА

аспирант Аспирантской школы по историческим наукам
Национальный исследовательский университет «Высшая
школа экономики» (Москва, Российская Федерация)
lumbrada@bk.ru**ЭГО-ИСТОЧНИКИ О ФЕНОМЕНЕ ДОНОСИТЕЛЬСТВА В СОВЕТСКИХ
ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЯХ В 1929–1938 ГОДАХ**

Практики агентурно-осведомительной работы заключенных в советских исправительно-трудовых лагерях рассматриваются как неотъемлемая часть широко распространенного в СССР социального феномена доноительства. Исследование построено на пересечении двух видов источников: делопроизводственной документации НКВД СССР и корпуса эго-документов, созданных людьми, которые в 1929–1938 годах находились в заключении в лагерях ГУЛАГа. Анализируются мотивы, которыми руководствовались органы госбезопасности при создании агентурно-осведомительной сети заключенных в лагерях, и мотивы заключенных, занимавшихся доноительством. Рассматриваются процесс вербовки заключенного в осведомителя, возможные последствия отказа вербуемого заключенного от агентурной работы, источники пополнения доносчиков в лагерях, методы сбора агентурной информации, тематика доносов, риски и возможности, которые несла в себе агентурная работа для заключенного. Изучается влияние доносов на судьбы как самих осведомителей, так и их жертв, отношение заключенных к осведомителям, затрагивается вопрос, связанный с морально-этической дилеммой доноительства. Автор приходит к выводу, что практики доноительства являлись одной из самых распространенных форм сотрудничества заключенных с лагерной администрацией в ГУЛАГе.

Ключевые слова: ГУЛАГ, стратегии выживания заключенных, доносы в исправительно-трудовых лагерях, осведомительство, агентурная работа заключенных, эго-документы

Для цитирования: Корганова М. Э. Эго-источники о феномене доноительства в советских исправительно-трудовых лагерях в 1929–1938 годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 36–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.369

Донос как явление общественной жизни существовал в любую историческую эпоху, но понятия «доносчик», «стукач», «сексот» и в воспоминаниях советских граждан, и среди современных россиян прочно ассоциируются именно со сталинским периодом. Благодаря целенаправленным усилиям партии донос был выведен из области безнравственных, позорных, морально-порочных поступков: власть проводила последовательную политику поощрения доносов, внушая населению, что долг каждого советского человека – быть «бдительным», «сигнализировать» и «разоблачать врагов». Согласно статье 58-12 Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 года за «недонесение» предусматривалось уголовное наказание, что усиливало атмосферу страха и взаимного недоверия¹. Население повсеместно обращается к власти с целью ее «информировать» [2]. Специальные указания и инструкции, которыми руководствовались органы ОГПУ-НКВД, позволяют говорить о том, что с конца 1920-х годов вербовка осведомителей среди населения приобретает массовый характер [3: 169–206]. Осведомители должны были «обслуживать» все категории советских граждан, включая национальные меньшинства, интеллигенцию, колхозников, рабочих, военных и партийную номенклатуру. В то же время, помимо специально

завербованных органами ОГПУ-НКВД штатных секретных агентов, резидентов и осведомителей, в СССР было широко распространено «непрофессиональное», «меркантильно-бытовое» доноительство на соседей, однокурсников, коллег или сослуживцев. Огромное количество писем-жалоб, писем-разоблачений в государственные структуры, центральные газеты и вождю свидетельствует о том, что практики доноительства оказались тесно вплетены в советскую повседневность. Мог ли этот столь распространенный социальный феномен обойти стороной исправительно-трудовые лагеря ГУЛАГа, которые представляли собой концентрированное подобие советской действительности? Эго-документы выживших в ГУЛАГе свидетельствуют о том, что еще во время следствия арестованные сталинцев находились в тюремных камерах с «наседками»². Специально внедряемые органами НКВД провокаторы должны были разговорить сокамерников, к которым их подсаживали. Доносы «наседок» облегчали следователю сбор информации, необходимой для завершения следствия и подготовки обвинительного заключения по делу.

Приступая к изучению феномена доноительства в ГУЛАГе, необходимо помнить о серьезнейших ограничениях источниковедческого характера, которые связаны с обстоятельствами

формирования корпуса источников и спецификой исследуемой темы. К сожалению, источниковедческое исследование лагерного доносительства в строгом смысле этого слова невозможно: доступ к первичным источникам, которыми являются показания лагерных осведомителей, хранящиеся в следственных делах их жертв в архивах органов политических репрессий, отсутствует. Эти документы не только продолжают оставаться закрытыми для исследователей: сведения, содержащиеся в них, защищены законом³, так как относятся к сфере частной жизни.

По понятным причинам подавляющее большинство заключенных, работавших осведомителями, не упоминали об этом в своих мемуарах⁴ – для письменного и публичного признания в доносительстве необходимо было обладать предельной честностью и мужеством⁵. Таким образом, исследователь лагерного доносительства располагает единичными рассекреченными показаниями в опубликованных биографиях бывших заключенных (к примеру, следственное дело о Павла Флоренского с показаниями доносчиков по кличке Копанин и Хапанели⁶), несколькими приказами ОГПУ-НКВД, последовательно инициировавшими и регламентировавшими агентурную работу заключенных в исправительно-трудовых лагерях и, наконец, «свидетельскими показаниями» – эго-документами заключенных. Наибольшим информационным потенциалом обладает именно последняя группа источников, в силу чего эго-документы узников ГУЛАГа поставлены в центр исследования в настоящей статье. Руководствуясь критерием информационной емкости источника, автор отобрал десять текстов, созданных бывшими заключенными, находившимися в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа в 1929–1938 годах. В выборку вошли не только источники мемуарного характера, созданные Д. С. Лихачевым⁷, Г. А. Хомяковым (псевдоним – Андреев)⁸, Е. Н. Федоровой⁹, Д. П. Верховским (псевдоним – Витковский)¹⁰, М. М. Розановым¹¹, Н. И. Киселевым¹², но и литературные произведения В. В. Чернавина и Т. В. Чернавиной¹³, М. З. Никонова-Смородина¹⁴, а также художественная проза: сборник автобиографических очерков «Россия в концлагере» И. Л. Солоневича¹⁵, антироман «Вишера» и сборник «Колымские рассказы» В. Т. Шаламова¹⁶.

Воспоминания Н. И. Киселева, В. В. Чернавина и М. З. Никонова-Смородина, опубликованные в 1934, 1935 и 1938 годах соответственно, представляют для нас особую ценность в связи с тем, что все три текста были написаны практически сразу после успешного побега из лагерей каждого из авторов: побег Н. И. Киселева состоялся в 1930 году, В. В. Чернавина – в 1932-м, а побег М. З. Никонова-Смородина – в 1933-м. Мемуаристы подробно освещают феномен лагерного доно-

сительства: характеризуют сексотов и оценивают их деятельность, делят их на категории, много внимания уделяют рассмотрению мотивов, которыми руководствуются доносчики, описывают влияние их доносов на судьбы жертв. Все десять авторов свидетельствуют о широком масштабе распространения доносительства в исправительно-трудовых лагерях.

Прежде чем мы попытаемся оценить масштабы распространения доносительства в советских исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) и влияние доносов на жизнь как самих осведомителей, так и их жертв, необходимо выяснить, какую роль в реализации карательной политики советской власти НКВД СССР отводило развертыванию агентурной работы заключенных и какие цели и задачи в этой области были поставлены перед лагерным руководством. Внимательное знакомство с материалами делопроизводства советских карательных органов позволяет выделить три ключевых документа, регулировавших агентурную работу в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа: Приказ № 00159 от 26 апреля 1935 года «Об агентурной работе в исправительно-трудовых лагерях НКВД»¹⁷, Приказ № 00588 от 14.09.1937 «С объявлением временного «Положения о 3-х отделах Исправительно-трудовых лагерей НКВД»¹⁸ и Приказ № 00149 от 07.02.1940 «Об агентурно-оперативном обслуживании исправительно-трудовых лагерей-колоний НКВД СССР» [1: 496–499]. Первый приказ адресован начальникам территориальных органов НКВД, начальникам ИТЛ и начальникам 3-х информационно-следственных отделов ИТЛ. Риторика, сопровождающая мотивационную часть этого документа, достойна отдельного внимания: так, например, необходимость создания серьезной лагерной агентурной сети объясняется

«активными действиями злейших врагов советской власти – внутренней и закордонной белогвардейщины по подготовке контрреволюционных выступлений в лагерях, налетов диверсионных банд на приграничные лагеря и даже повстанческого движения в СССР».

Обратимся к содержанию приказа. Нарком Г. Г. Ягода требует от лагерных начальников прекратить имеющую место массовую вербовку агентуры, провести фильтрацию всех имеющих в лагерях агентов с помощью тщательной проверки и личной беседы с каждым из них, выявить его агентурные возможности, то есть все связи, которыми агент располагает в лагере и за его пределами. Главная цель, которую НКВД ставит перед лагерным руководством в этом приказе, – на каждого освобождающегося из лагеря заключенного, осужденного по «контрреволюционной статье», располагать агентурными данными о его «контрреволюционной работе и контрреволюционном поведении за весь период его пребывания в лагере». Для достижения этой цели

предусматривались контрольные меры межведомственного характера: ГУГБ УНКВД было обязано подготовить и передать 3-му отделению ГУЛАГа список осужденных наиболее «опасных контрреволюционеров» для рассылки по лагерям, а ГУЛАГ, в свою очередь, должен был периодически отчитываться перед ГУГБ УНКВД о ходе агентурной разработки этих контингентов. Этот же приказ требовал от начальников 3-х отделов лагерей регулярно отчитываться перед 3-м отделом ГУЛАГа и УГБ УНКВД оперативной сводкой о движении всех агентурных разработок и возникновении новых агентурных дел, а УГБ УНКВД обязано было проверять поступающие из лагерей сведения и давать им оценку. Следовательно, важнейшей задачей, которую лагерное руководство решало за счет вербовки осведомителей, был сбор агентурных донесений на «врагов народа». В качестве наиболее опасных преступников и, соответственно, наиболее важных объектов для агентурной работы указывались лица, осужденные по всем пунктам 58-й статьи:

«террористы, шпионы, антипартийные и контрреволюционные диверсанты, актив повстанческих, фашистских, вредительских, церковных и сектантских групп и организаций»¹⁹.

В соответствии с двумя последующими приказами НКВД за 1937 и 1940 годы предметом попечения лагерной агентуры станут также вольнонаемные сотрудники лагерей, подозреваемые «во вражеской работе» или «подозрительные по шпионажу»²⁰. Доносы заключенных-осведомителей использовались оперативными работниками 3-х отделов для «вскрытия и разоблачения вражеской деятельности» заключенных-«контрреволюционеров», возбуждения новых следственных дел и, в конечном итоге, вынесения новых приговоров в отношении уже наказанных советской властью преступников. В большинстве случаев это были обвинительные заключения, по которым заключенные получали «прибавку» лагерного срока или приговаривались к расстрелу.

Второй и не менее важной задачей, которую НКВД возлагал на создаваемую в лагерях агентурно-осведомительную сеть заключенных, являлось содействие сотрудникам 3-х отделов лагерей в профилактике побегов заключенных и борьбе с уголовными преступлениями (хищением и бандитизмом).

Все три приказа указывают на недостаточное количество проверенной и надежной агентуры в лагерях, отсутствие эффективной вербовки осведомителей и агентов из числа заключенных и результативной работы с ними, кадровый дефицит специальных 3-х отделов ИТЛ и низкую компетентность оперативно-чекистских кадров, руководящих агентурной работой, отсутствие тесного взаимодействия и практической помощи территориальных НКВД-УНКВД республик,

краев и областей 3-м отделам ИТЛ. Наркомы Г. Г. Ягода, а затем Л. П. Берия требуют «укрепить 3-и отделы лагерей отборным чекистским составом» [1: 497]. Тем не менее к 1940 году ситуация, с точки зрения НКВД, продолжала оставаться неудовлетворительной, что привело к реорганизации 3-го отделения ГУЛАГа НКВД СССР и 3-х отделов ИТЛ и колоний и созданию на их базе оперативно-чекистских отделов ИТЛ ГУЛАГа НКВД. На новые лагерные подразделения были возложены те же обязанности: «агентурно-осведомительное наблюдение за осужденными преступниками» и даже «вербовка агентуры и осведомления среди заключенных преступников, с расчетом на их дальнейшее использование по отбытии срока наказания»²¹. Сеть осведомителей, как и в предыдущих приказах, подлежала строгому учету, регулярным проверкам и должна была постоянно находиться на связи с работниками оперативно-чекистских отделов. В то же время начальники этих отделов, создаваемых взамен упраздненных 3-х отделов ИТЛ, были выведены из прямого подчинения 3-му отделу ГУЛАГа НКВД и переподчинены начальникам лагерей, став их заместителями. Впредь все аресты, обыски и другие оперативные мероприятия следовало проводить только с санкции и ведома начальника лагеря. Очевидно, что НКВД СССР уделяло большое внимание использованию заключенных в качестве агентов-осведомителей и пристально контролировало из центра налаживание агентурной работы в лагерях.

Усилиями информационно-следственных отделов в исправительно-трудовых лагерях создавалась разветвленная и эффективно работающая агентурно-осведомительная сеть. Наличие секота в каждом структурном подразделении лагеря, даже в таких мелких, как отдаленная карельская лагерная командировка заключенных-рыболовов, состоящая всего из пяти человек²², обеспечивало 3-и отделы оперативной информацией обо всех «контрреволюционных» разговорах, поведении, контактах заключенных и о готовящихся побегах. И. Л. Солоневич, В. В. Чернавин, М. М. Розанов, В. Т. Шаламов и многие другие бывшие заключенные единогласно утверждают, что секотами был пронизан весь лагерь. Доносительство стало константой лагерной жизни. Это приводит нас к вопросу об источниках пополнения доносчиков в лагерях. В эго-документах бывших узников ГУЛАГа отчетливо прослеживается интересная тенденция: авторы склонны устанавливать тесную взаимосвязь между фактом доносительства того или иного заключенного и его принадлежностью к определенной социальной лагерной микрогруппе. Так, например, В. В. Чернавин в книге «Записки вредителя» приводит собственную классификацию доносчиков, согласно которой в исправительно-трудовых

лагерях действуют «три самостоятельных системы шпионажа <...>. Первая сеть секретных сотрудников – “сексотов” – ИСО». Эта сеть регулярных агентов вербуется 3-м отделом либо из числа низшего административно-хозяйственного персонала лагеря, представители которого используют доносы на своих подчиненных как инструмент для улучшения собственных условий жизни, либо из заключенных, принадлежащих к интеллигенции и осужденных по 58-й статье. Вторую группу доносчиков формирует культурно-воспитательный отдел лагеря, организовав сеть лагерных корреспондентов (лагкоргов) по аналогии с существовавшими в советском обществе движениями сельских и рабочих корреспондентов (рабселькоргов). Лагкоры, или лагерный «актив», пишут разоблачительные заметки, фактически – доносы на соседей по бараку или рабочей бригаде, по стилю, тону и содержанию напоминающие материалы советской прессы. Наконец, третья группа состоит из «добровольцев» – обычных заключенных, которые доносят начальству обо всех мелких нарушениях лагерного режима и тем самым пытаются добиться для себя льгот и «блата». Н. И. Киселев²³ и М. М. Розанов²⁴ также указывают средний и низший административно-хозяйственный персонал лагеря (канцелярских работников, счетоводов, десятников и нарядчиков) в качестве лиц, наиболее склонных к доносительству на заключенных. В. Т. Шаламов, которому довелось пережить особо тяжелые колымские лагеря в период массовых сталинских чисток, свидетельствует о тотальном доносительстве заключенных из крестьянской среды и об их особой ненависти к интеллигенции:

«... доносят все, доносят друг на друга с самых первых дней. Крестьянин же стучал на всех тех, кто стоял с ним рядом в зобях и на несколько дней раньше него самого умирал. – Это вы, Иван Ивановичи, нас загубили, это вы – причина всех наших арестов. Все – чтобы толкнуть в могилу соседа – словом, палкой, плечом, доносом. В этой борьбе интеллигенты умирали молча, да и кто бы слушал их крики среди злобных осатаивших лиц – не морд, конечно, а таких же доходяг. Но если у крестьянина-доходяги удержался хоть кусочек мяса, обрывок нерва – он тратил его на то, чтоб донести или чтоб оскорбить соседа Ивана Ивановича, толкнуть, ударить, сорвать злость. Он сам умрет, но, пока еще не умер, – пусть интеллигент идет раньше в могилу»²⁵.

Приведенные свидетельства не отражают всей полноты картины, но все же позволяют сформулировать некоторые предположения относительно того, какие социальные группы заключенных рассматривались начальниками 3-х отделов в качестве наиболее подходящих для вербовки в осведомители. Упомянутый нами приказ № 00159 от 26 апреля 1935 года «Об агентурной работе в исправительно-трудовых лагерях НКВД» сохранил лишь самые общие предписания отно-

сительно критериев выбора подходящей кандидатуры:

«... вербовку впредь производить только после тщательного изучения и проверки намеченного к вербовке, используя для этой цели данные меморандума, террорганов б. ОГПУ или НКВД, приговор, имеющиеся материалы за время пребывания в лагере. Перед вербовкой каждого агента выяснять его связи в лагере и возможность, которыми он располагает для работы с ними. Прежде чем вербовать агента, необходимо совершенно четко уяснить себе – для какой цели и для разработки каких объектов данный агент вербуется»²⁶.

Фактически выбор потенциального доносчика оставался целиком и полностью за начальником 3-го отдела. Многие заключенные сталкивались с прямым давлением оперуполномоченных, авторы рассказывают о том, как их пытались завербовать²⁷. Безусловно, легче всего было склонить к агентурной работе тех заключенных, которые «сломались» уже во время следствия, дав признательные показания на себя и своих знакомых. В. В. Чернавин называет таких заключенных «романистами»²⁸. В группу риска быть завербованными попадали и те узники, кто совершил неудачную попытку побега, но был пойман. Им грозило наказание от увеличения лагерного срока до расстрела (в зависимости от статьи их приговора), и руководство 3-го отдела предлагало беглецу своеобразную сделку: избавление от наказания за совершенный побег в обмен на согласие стать доносчиком²⁹. Приказы НКВД предусматривали организацию наблюдения за квалифицированным инженерно-техническим, научным, административным персоналом лагеря, в значительной степени состоящим из «контрреволюционеров», а это требовало вербовки заключенных-экономистов, бухгалтеров, инженеров-проектировщиков с последующим их внедрением в рабочий коллектив. Квалифицированный специалист, работавший доносчиком, должен был выявлять «вредительство» на лагерном производстве. В бараке или рабочей бригаде заключенных, выполняющих общие работы, доносчиком вполне мог являться заключенный-уголовник, но чаще всего 3-и отделы вербовали заключенных-бытовиков, занимающих низовые административно-хозяйственные должности.

Дискурс о социальной принадлежности лагерных доносчиков, содержащийся в эго-документах, позволяет нам поставить еще один вопрос: существовали ли такие социальные группы заключенных, которые практически не поддавались или с трудом поддавались вербовке? По мнению Д. С. Лихачева,

«самыми твердыми морально были – духовенство и кадровые военные. Среди них не было ни сексотов (секретных сотрудников), ни охранников из заключенных»³⁰.

Какими мотивами руководствовались те люди, кто добровольно или вынужденно становился лагерным доносчиком? Некоторые авторы эго-документов об исправительно-трудовых лагерях, выбранные начальниками 3-х отделов в качестве наиболее подходящих кандидатур, оставили довольно подробные описания процесса вербовки в осведомители. Разумеется, практически все мемуаристы сообщают о своем твердом отказе от подобного сотрудничества, несмотря на давление лагерного руководства и их угрозы возбудить новое уголовное дело или арестовать родственников. В тех редких случаях, когда заключенный дает письменное согласие на агентурную работу, он старается оправдать свой поступок совершенно безвыходным положением, когда ему грозит расстрел, как в ситуации с побегом Е. Н. Федоровой. Впрочем, большая часть успешно завербованных в осведомители заключенных предпочитала молчать об этом после освобождения из лагеря, поэтому вряд ли мы когда-нибудь узнаем о действительных мотивах принятия тем или иным заключенным решения стать сексотом. Тем не менее авторы эго-документов предлагают свои интерпретации мотивов действий доносчиков, и нам следует проанализировать их. Главным аргументом и основной мотивацией потенциального доносчика была возможность заработать досрочное освобождение из лагеря, которое было предусмотрено приказом «Об агентурной работе...» от 1935 года. Согласно ему, заключенные-доносчики, наравне с заключенными, перевыполнившими трудовую норму, получали зачеты рабочих дней и сокращение лагерного срока. Если речь шла о вербовке заключенного-специалиста, то дополнительным мотивом становился страх потерять привилегированную должность в административно-хозяйственном аппарате, производственном или финансовом отделах лагеря и оказаться на общих работах. Хорошо выполняющий свою работу осведомитель получал поощрения в виде улучшенного питания, табака, но, главное, блата, то есть покровительства начальника 3-го отдела до тех пор, пока донесения агента представляли для него ценность. Доносчики могли действовать, руководствуясь чувством мести, зависти к тому заключенному, чьи бытовые условия были лучше, ревности к женщине-заключенной, то есть на чисто бытовой почве. Сеть лагкоров, по выражению И. Л. Солоневича,

«вынюхивала всякие позорящие факты на счет невыработки норм, полового сожительства, контрреволюционных разговоров, выпивок, соблюдения религиозных обрядов, отказов от работы и прочих грехов лагерной жизни»³¹.

Но главной темой доносов, несомненно, были сообщения осведомителей о готовящихся побеге. Этому способствовала созданная в испра-

вительно-трудовых лагерях система «круговой поруки», когда за побег одного заключенного несла наказание вся рабочая бригада. В. В. Чернавин рассказывает о том, что в донесениях о подготовке побегов агентура не останавливалась даже перед откровенной клеветой и провокацией. Заключенным Белбалтлага М. З. Никонову-Смордину и И. Л. Солоневичу, успешно бежавшим в Финляндию вместе с семьями, приходилось действовать крайне осмотрительно: самым сложным в подготовке побега являлось создание продовольственных запасов, которые нужно было тщательно прятать в лесу, остерегаясь слежки и доносов. Солоневич, исполняя обязанности начальника планового отдела Подпорожского отделения Белбалтлага и будучи автором идеи организации вселагерной спартакиады, пользовался «высоким» блатом – ему покровительствовал начальник Управления ББК Успенский и начальник 3-й части лагерного пункта Подмоклый, и все же незадолго до побега он находит следящего за ним в бараке дневального.

Мог ли вербуемый в осведомители заключенный без каких-либо последствий для своей жизни отказаться от сотрудничества с 3-м отделом? Авторы эго-документов в лагерях дают утвердительный ответ на этот вопрос. В то же время нужно помнить, что заключенный мог отказаться от доносительства, только если он еще не успел дать свое письменное согласие на подобное сотрудничество. В противном случае завербованный, но не выполняющий агентурные задания заключенный наказывался лишением зачетов и переводом на штрафной режим³².

В зависимости от указаний 3-го отдела относительно объекта агентурной разработки, характера собираемой информации, количества донесений осведомители могли прибегать к различным методам сбора компрометирующей информации: от простого наблюдения до попыток сдружиться со своей жертвой и провокационно-«откровенных» разговоров³³.

Авторы воспоминаний отмечают, что наряду с преимуществами, которыми пользовался доносчик, агентурная работа таила в себе определенные риски: если сексота разоблачали, то заключенные могли избить или даже убить его, хотя инциденты подобного рода были сравнительно редкими. Информационно-следственные отделы, как правило, мстили за расправу над своими агентами, проводя обыски, аресты и допросы, поэтому лагерники ненавидели сексотов, но боялись их³⁴. Интересно, что заключенные-«старожилы» далеко не всегда стремились разоблачить доносчика – они хорошо понимали, что взамен раскрытого агента чекистское руководство завербует нового, и для опытных лагерников было гораздо безопаснее и выгоднее понимать, кто из заключенных является сексотом, чтобы

сдерживаться и не говорить лишнего в его присутствии.

Отношение к доносчикам в исправительно-трудовых лагерях было двояким: в редчайших случаях осведомители вызывали жалость и сочувствие, большинство заключенных испытывало по отношению к ним страх и острую неприязнь. Узники понимали, что среди повседневных ужасов лагеря: голода, произвола уголовников и администрации, насилия, ежедневной сверхэксплуатации, – невозможно было просто так обзавестись покровительством начальства, хорошим питанием, папиросами, улучшить бытовые условия, получить легкую работу. Донесения стукачей очень часто имели трагические последствия для их жертв: заключенного, на которого поступал донос, ожидало ухудшение бытовых условий, перевод на общие работы, нахождение в штрафном изоляторе с последующим следствием, вынесением нового приговора с «прибавкой» срока, а иногда и расстрел. Для того чтобы выжить в ИТЛ, все подразделения которого были пронизаны агентурно-осведомительской сетью, заключенный должен быть очень осторожным, недоверчивым и замкнутым. Слишком часто вызываемый в 3-й отдел заключенный мог быть заподозрен

своими товарищами в доноительстве – этого оказывалось достаточно, чтобы стать изгоем.

Нельзя дать однозначный ответ на вопрос о том, что же все-таки побуждало заключенных доносить на своих товарищей по несчастью. Мы можем лишь сделать предположения о наиболее вероятных причинах столь широкого распространения практик доноительства в ИТЛ. Во-первых, этому способствовала распространенность доноительства в советском обществе 1930-х годов. Во-вторых, немаловажным фактором являлся запрос власти на организацию агентурно-осведомительской сети в лагерях. Наконец, в процессе адаптации к экстремальным условиям лагеря, где предельно обострялась борьба за жизнь, каждый узник формировал индивидуальную стратегию выживания, выбор которой определялся в том числе и его морально-этическими убеждениями. Эго-документы бывших заключенных позволяют с уверенностью утверждать, что практики доноительства являлись одной из самых распространенных форм сотрудничества заключенных с лагерной администрацией, и они имели прагматический смысл: поступаясь нравственными принципами, заключенные получали разнообразные льготы, иногда сохраняли себе жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Уголовный кодекс РСФСР. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1950. С. 43. Первая публикация: СУ № 80, ст. 600.
- ² Термины «сексот» и «стукач» заимствованы авторами эго-документов о ГУЛАГе из тюремного жаргона и употребляются в значении, синонимичном понятию «доносчик», в то время как термин «наседка» семантически очень близок упомянутым нами терминам, но обозначает обвиняемого человека, который доносит на своих сокамерников в тюрьме по заданию следственных органов. «Наседок» намеренно подсаживали в общую камеру для провокаций или оказания психологического давления на подсудимых с целью склонить их к даче показаний. См., например: Росси Ж. Исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом. Лондон: ОПИ, 1987. С. 231.
- ³ Федеральный закон от 13.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации». Ст. 25, п. 3 // Российская газета. № 3614. 27.10.2004.
- ⁴ Одним из немногочисленных исключений являются воспоминания заключенной Белбалтлага журналистки и писательницы Евгении Николаевны Федоровой, которая в конце сентября 1937 года после неудачного побега из лагерного пункта была завербована начальником III отдела для работы осведомителем и дала свое согласие. Правда, автор тут же оговаривается, что ей повезло: руководство опер-чекистским отделом Сегежского бумкомбината не одобрило ее кандидатуру, Федорову вернули на пересыльный пункт, и ей фактически не пришлось ни на кого доносить.
- ⁵ Федорова Е. Н. На островах ГУЛАГа: воспоминания заключенной. М.: Альпина non-фикшн, 2012. С. 311–313.
- ⁶ Флоренский П. В. Пребывает вечно: Письма П. А. Флоренского, Р. Н. Литвинова, Н. Я. Брянцева и А. Ф. Вангенгейма из Соловецкого лагеря особого назначения: В 4 т. М.: Международный Центр Рерихов: МастерБанк, 2011. Т. 1 / Авт.-сост. П. В. Флоренский; Вступ. ст. П. В. Флоренский; Комментар. П. В. Флоренский, И. С. Жарова, Л. В. Милосердова, А. И. Олексенко, А. А. Санчес, В. П. Столяров, В. П. Флоренский, Т. А. Шутова. С. 259–261.
- ⁷ Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. 519 с.
- ⁸ Андреев Г. А. Соловецкий остров // Грани. 2005. № 216. С. 36–78.
- ⁹ Федорова Е. Н. Указ. соч.
- ¹⁰ Витковский Д. Полжизни / Предисл. В. Лакшина // Знамя. 1991. № 6. С. 90–138.
- ¹¹ Розанов М. М. Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939: Факты – Домыслы – «Параши»: Обзор воспоминаний соловчан соловчанами: В 2 кн., 8 ч. США: Изд. автора, 1979. Кн. 1. Ч. 1–3. 293 с.
- ¹² Киселев-Громов Н. И. С.Л.О.Н. Соловецкий лес особого назначения. Архангельск: Тур, 2009. 112 с.
- ¹³ Чернавин В. В., Чернавина Т. В. Записки «вредителя». Побег из ГУЛАГа. СПб.: Канон, 1999. 328 с.
- ¹⁴ Никонов-Смородин М. З. Красная каторга. София: Изд-во Н.Т.С.Н.П., 1938. 371 с.
- ¹⁵ Солоневич И. Л. Россия в концлагере / Подгот. текста М. Б. Смолина. М.: Москва, 1999. 560 с.
- ¹⁶ Шаламов В. Т. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Вагриус: Худож. лит., 1998. Т. 1: Колымские рассказы. 620 с. Т. 2: Колымские рассказы. 509 с. Т. 4: Четвертая Вологда; Вишера / Послесл. И. П. Сиротинской. 494 с.
- ¹⁷ Приказ НКВД СССР № 00159 от 26.04.1935. ГАРФ Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 6. Л. 25–27.
- ¹⁸ Приказ НКВД СССР № 00588 от 14.09.1937 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 15. Л. 22–25. Типографский экземпляр.
- ¹⁹ Приказ НКВД СССР № 00159 от 26.04.1935...Л. 26.
- ²⁰ Приказ НКВД СССР № 00588 от 14.09.1937...Л. 22.
- ²¹ Там же.

- ²² Чернавин В. В., Чернавина Т. В. Указ. соч. С. 325–326.
²³ Киселев-Громов Н. И. Указ. соч. С. 70.
²⁴ Розанов М. М. Указ. соч. С. 49.
²⁵ Шаламов В. Т. Указ. соч. С. 177–178.
²⁶ Приказ НКВД СССР № 00159... Л. 26.
²⁷ Витковский Д. Указ. соч. С. 17.
²⁸ Чернавин В. В., Чернавина Т. В. Указ. соч. С. 175–181.
²⁹ Федорова Е. Н. Указ. соч.; Флоренский П. В. Указ. соч. С. 55–60.
³⁰ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 399.
³¹ Солоневич И. Л. Указ. соч. С. 146.
³² Приказ НКВД СССР № 00159... Л. 26.
³³ Андреев Г. А. Указ. соч. С. 60–63.; Никонов-Сморodin М. З. Указ. соч. С. 216–217.
³⁴ Солоневич И. Л. Указ. соч. С. 418–423.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917–1960 / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: МФД, 2000. 888 с.
2. Лившин А. Я., Орлов И. Б. Письма во власть. 1917–1927. М.: РОССПЭН, 1998. 664 с.
3. Советская агентура: очерки истории СССР в послевоенные годы (1944–1948). М.; Нью-Йорк: Современная История, 2006. 296 с.

Поступила в редакцию 15.05.2019

Maria E. Korganova, Postgraduate Student, Higher School of Economics
(Moscow, Russian Federation)

**THE PHENOMENON OF DENUNCIATION IN THE SOVIET CORRECTIVE LABOR CAMPS
OF 1929–1938 THROUGH EGO-DOCUMENTS**

Denunciation practice among prisoners in the Soviet corrective labor camps is studied as part of a widespread social phenomenon in the Soviet society. The study is based on the revision of two different types of sources: the documentation of the Soviet People's Commissariat for Internal Affairs (NKVD) and the set of ego-documents created by the people who were imprisoned in the Gulag camps during the period from 1929 to 1938. The article analyzes the motives that guided the state security agencies when creating an intelligence network of prisoners in camps and the motives of the prisoners who were recruited as informants. The study examines the recruitment process, possible consequences of prisoners' refusal to work as informants, the sources of informants' recruitment in corrective labor camps, the subjects of their reports, as well as the risks and opportunities of such denunciation practice for the prisoner. The influence of denunciations on the fate of both the informants and their targets is being studied, as well as the question of a moral and ethical dilemma of denunciation. The author comes to the conclusion that denunciation practice can be considered one of the most common forms of cooperation between the prisoners and camp authorities in the Gulag.

Keywords: Gulag, prisoner's survival strategies, denunciations in corrective labor camps, camp everyday life, denunciation practice, prisoners' informant activities, ego-documents

Cite this article as: Korganova M. E. The phenomenon of denunciation in the Soviet corrective labor camps of 1929–1938 through ego-documents. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 6 (183). P. 36–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.369

REFERENCES

1. GULAG: Main Camp Administration. 1917–1960 (A. N. Yakovlev, Ed.; A. I. Kokurin, N. V. Petrov, Comp.). Moscow, 2000. 888 p. (In Russ.)
2. Livshin A. Ya., Orlov I. B. Letters to power. 1917–1927. Moscow, 1998. 664 p. (In Russ.)
3. Soviet agents: essays on the history of the USSR in the postwar years (1944–1948). Moscow, New York, 2006. 296 p. (In Russ.)

Received: 15 May, 2019

АННА МИХАЙЛОВНА ХАРИТОНОВА

ассистент кафедры теории общественного развития стран
Азии и Африки Восточного факультета
Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-
Петербург, Российская Федерация)
a.kharitonova@spbu.ru

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КИТАЙСКОГО КСИЛОГРАФИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА «ИЗОБРАЖЕНИЯ ДАННИКОВ ПРАВЯЩЕЙ ДИНАСТИИ ЦИН»*

Впервые представлен сводный обзор научной литературы, посвященной изучению в различных регионах мира выдающегося китайского сочинения середины XVIII века ксилографа «Хуан цин чжи гун ту» («Изображения данников правящей династии Цин»). В хронологической последовательности прослеживаются найденные автором публикации об этом памятнике, вышедшие в Китае, России и западных странах. Устанавливается круг основных вопросов, поднимавшихся его исследователями. Выявляются те аспекты памятника, которые являются малоизученными или вообще еще не затронутыми специалистами. Характеризуются перспективы дальнейшего изучения ксилографа. Отдельное внимание уделяется поиску переводов фрагментов сочинения на иностранные языки. Предпринятый обзор мировых исследований ксилографической книги показал, что степень его изученности на данный момент находится на низком уровне. В России этот источник известен, однако малоизучен. Доступные на европейских языках публикации малочисленны и, как правило, касаются памятника косвенным образом. Специальные публикации обращены к темам, непосредственно связанным с историей контактов конкретных государств и народов с Китаем. Лучше памятник изучен в китайской науке, однако там также имеются неисследованные темы.

Ключевые слова: имагология, история Китая, этнография Китая, источниковедение Китая, данники, народы Китая, перевод «Хуан цин чжи гун ту»

Для цитирования: Харитонова А. М. История изучения китайского ксилографического памятника «Изображения данников правящей династии Цин» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 43–50. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.370

ВВЕДЕНИЕ

В середине XVII века Китай был завоеван маньчжурами, полукочевым народом, который проживал за северными границами Китайской империи. Маньчжуры основали династию Цин (1644–1911), последнюю царствующую династию в истории Китая. Уже к середине XVIII века Китай, благодаря усилиям правителей маньчжурской династии, добился значительных военных и политических успехов. Император Цяньлуна (1736–1785), совершивший в первой половине своего длительного правления множество победоносных завоевательных походов, значительно расширил границы государства и включил в сферу влияния Китая обширные пространства, населенные различными народами. Ощущение своей страны как сильнейшей и могущественнейшей в мире, а также культурно превосходящей другие государства подтолкнуло его инициировать ряд грандиозных издательских проектов, призванных, с одной стороны, обобщить и упорядочить культурное наследие китайской цивилизации, с другой – заявить миру о колоссальном величии своей империи. Одним из таких проектов стало появившееся в 1750-х годах по личному распоряжению Цяньлуна ксилографическое издание «Изображения данников правящей ди-

настии Цин» (皇清職貢圖, «Хуан цин чжи гун ту») – своеобразный венец китайской многовековой традиции создания альбомов рисунков иноземцев, вступавших в политические сношения с Китаем в разные периоды истории. Данный ксилограф уникален тем, что представляет собой беспрецедентное по объемам в истории китайской книжной культуры пространное иллюстрированное описание представителей разных народов, которые не только имели политические или иные контакты с Китаем, но также проживали на территории Китая или в других землях, удаленно расположенных и плохо известных китайцам в XVIII веке. Таким образом, создание книги для Цяньлуна имело важное политическое и просветительское значение. С одной стороны, книга должна была наглядно свидетельствовать о величии китайской империи, ее древних широких связях с внешним миром. С другой – показать китайским читателям книги, какие народы населяют мир и чем они примечательны. Сочинение охватывает обширный географический, историографический и этнографический материал, обобщает представления образованных китайцев, накопленные к тому времени о внешнем мире из разных источников. Значение памятника, несомненно, велико, но в силу разных

причин еще недостаточно оценено. Изучение книги в XXI веке стало особенно актуальным в свете инициирования КНР в 2013 году политики «Один пояс, один путь». Памятник важно изучать как один из письменных источников об исторических политических, экономических и культурных контактах между Китаем и в том числе странами Евразии. В данной работе будет предпринята попытка определить степень его изученности и обозначить перспективы изучения.

Несмотря на относительную массовость и доступность ксилографа «Хуан цин чжи гун ту» (после первого издания 1750-х годов до начала XIX века он несколько раз переиздавался посредством ксилографического способа печати, в результате чего появилось несколько отличных друг от друга списков), а также его уже более чем двухвековое существование, он остается недостаточно изученным в России, в западных странах и в Китае, о чем свидетельствует относительно малое количество специальных публикаций. Кроме того, альбом еще не переводился полностью ни на один язык мира, хотя попытки предпринимались¹ [5: 45–67]. Точный тираж ксилографа установить невозможно, но известно, что печатный памятник хранится в собраниях многих библиотек мира: в КНР (Национальная библиотека Китая, Пекин; Национальный музей Китая, Пекин), на Тайване (Национальный музей Тайваня, Тайбэй), в Европе (Национальная библиотека Франции, Париж; Баварская государственная библиотека, Мюнхен; Библиотека Итальянского географического общества, Рим; Британская библиотека, Лондон), в Северной Америке (Библиотека Университета Торонто, Канада; Библиотека Университета Висконсина г. Мэдисон, США; Библиотека Университета Калифорнии, Лос-Анджелес), в Австралии (Национальная библиотека Австралии, Канберра) и т. д. В России крупнейшая коллекция «Хуан цин чжи гун ту» собрана в Санкт-Петербурге, где она на данный момент включает девять экземпляров: четыре из них хранятся в Институте восточных рукописей Российской академии наук (ИВР РАН), два – в Восточном отделе Научной библиотеки имени М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета, два – в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) и один – в Научной библиотеке Государственного Эрмитажа [3: 112]. В каталоге фонда китайских ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР (теперь: ИВР РАН) [2: 291–293], а также в каталоге китайских старопечатных книг ОР РНБ² [8: 36] имеются библиографические описания доступных в этих двух центрах экземпляров «Хуан цин чжи гун ту».

ИССЛЕДОВАНИЯ В КИТАЕ

В Китае изучению памятника «Хуан цин чжи гун ту» или тем, близко связанных с ним, посвя-

щено несколько десятков работ. Пользуясь китайским академическим сетевым ресурсом CNKI (China National Knowledge Infrastructure, Китайская национальная база знаний), являющимся аналогом РИНЦ, было найдено в совокупности четыре магистерские диссертации и 25 статей о «Хуан цин чжи гун ту», защищавшиеся и выходявшие в китайских научных периодических изданиях с 1988 по 2018 год. Более ранних работ не было выявлено. Анализ материалов позволил выделить пятерых наиболее ярких исследователей, занимающихся «Хуан цин чжи гун ту»: Тун Ина 佟颖 из Илийского педагогического института 伊犁师范学院人文学院, Жуань Лиина 阮立影 из Юго-западного университета 西南大学, Ли Юя 李瑜 и Лан Лантяня 郎朗天 из Центрального университета национальностей 中央民族大学, а также Вань И 万伊 из Центральной Академии изящных искусств 中央美术学院. Тун Ин, Жуань Лиин, Лан Лантянь и Вань И защитили по этому памятнику магистерские диссертации [25], [37], [41], [44]. Кроме того, Тун Ин опубликовал пять статей. Две статьи в недавнее время издал Ли Юй [27], [28]. Диссертация Тун Ина носит обзорный характер и освещает широкий спектр вопросов, которые могут быть подняты исследователями при изучении памятника «Хуан цин чжи гун ту», включая феномен альбомов о данниках в истории китайской политической культуры, историю создания цинской книги, ее рукописные прообразы и печатные списки, композиционную структуру и внутреннюю организацию. Значительный упор делается на раскрытие культурно-этнографического значения рисунков памятника и подписей к ним. В частности, автор сообщает о наличии в книге большого массива ценной информации о материальной, духовной и социально-политической культуре многих национальных меньшинств Китая эпохи Цин [41: 87]. Эти наблюдения в сжатом виде были изложены им в обзорной статье, вышедшей еще до защиты диссертации [38]. Вместе с тем в своих публикациях Тун Ин прорабатывает и более узкие вопросы: изучает лексику и грамматику маньчжурского языка в двуязычном маньчжурско-китайском рукописном варианте альбома (см. также: [34]), верования проживающего на юге Китая национального меньшинства *паньху*, особенности даннической системы раннецинской дипломатии [39], [40], [42], [43].

В диссертации Жуань Лиина [37] детально и разносторонне изучается жизнь этносов на территории южно-китайской провинции Гуйчжоу (*чжуанов, мяо* и др.) в период расширения границ Китайской империи и колонизации новых земель. В поле зрения автора попадают происходившие тогда изменения в социально-политической организации этих народов, их экономическое положение (сельское хозяйство, торговля, ремесла, налоговая политика и проч.), народные

обычаи, верования, быт, одежда. Автор пишет, что в условиях расширения политической власти Цин над Гуйчжоу и интеграции региона в экономику страны к середине XVIII века в его политическом и хозяйственном развитии произошел стремительный позитивный рывок. Вместе с тем в культурной жизни местного населения заметных изменений не происходило [37: 52]. Эти наблюдения дают автору основания полагать, что «Хуан цин чжи гун ту» не только является ценным источником сведений о национальной политике Цин и истории колонизации Гуйчжоу, но также и важным документом, свидетельствующим об исконных обычаях и нравах жителей региона.

Лан Лантянь сосредотачивается на истории контактов китайцев с европейцами и на нюансах культурного восприятия их в то время [25]. Автор детально разбирает всякого рода культурные стереотипы и пренебрежение в отношении жителей одиннадцати стран и территорий, предпринимает попытки выявить их истоки. По его мнению, благодатную почву для предубеждений создавал консерватизм верхушки цинского общества, слепо преданной идее культурного превосходства жителей Китая над инородцами [25: 35].

Вань И рассматривает памятник с позиций историка изобразительного искусства [44]. Исследователь обнаруживает изменения в использовавшейся художниками технике, тематическом содержании и характере визуализации «данников» в «Хуан цин чжи гун ту» в соотношении с изображениями инородцев, найденными им в других альбомах и сочинениях, создававшихся до середины XVIII столетия. Он отмечает значительное тематическое разнообразие рисунков, представляющих, в отличие от прежних изображений, уже не послов со всякого рода дарами, а людей разных слоев. Особое значение приобретает предметное наполнение сюжетов. Предметы позволяют увидеть характер отношений Китая с теми или иными народами (даннические связи, торговля, война). Сопоставление рисунков позволяет проследить трансформацию способов изображения, частично заимствованных у западных миссионеров, а также происхождение части изобразительного материала.

Публикации других ученых по содержанию можно разделить на следующие группы:

1. Обзорные работы. Их авторами являются: Цзи Юнхай [23], Линь Цы [29] и Пань Хунган [33]. Все они небольшие по объему и носят справочно-информационный характер.

2. Исследования по этнографии конкретных народов или населения целых регионов. Сюда относятся статья Бай Айпина о жителях Юго-Восточной Азии [18], статьи Хоу Жуйцю [21] и Го Тяньхуна [19] о нанайцах, совместная публикация Хао Цинъюня и Чжан Цзябиня о тунгусо-маньчжурских народах Приамурья [20], статья

Цзян Мэйчжэнь [24] о европейцах, статья Ли Шаомина о тибетских народах [26], статьи Ли Юя о *яо* [28] и *гуцзунах* [27], статья Ло Шуцзе о *яо* [30], совместная статья Юань Цзюньхуа и Ци Фэна [45] и статья Люй Шучжи [31] об ороконах, совместная работа Цинь Юнчжана и Ли Ли о жителях провинции Цинхай [36]. Преимущественно они небольшие по объему и содержат анализ разноплановых сведений, сообщаемых в «Хуан цин чжи гун ту» об отдельных народах.

3. Историография и источниковедение. Сюда можно отнести небольшую публикацию Хуан Цзиньдуна, постулирующую историографическую ценность цинского памятника [22]. Работу Чжоу Сюаня [46], вычленившего из «Хуан цин чжи гун ту» факты об исторических событиях, происходивших в Восточном Туркестане в период наступления Цин, и сопоставившего их со сведениями из других важных исторических источников о регионе – составлявшегося на протяжении всей династии «Дай цин личао шилу» («Правдивые записи Великой династии Цин по царствованиям»), выходившие в Токио в 1933–1937 годах) и вышедшего в 1755 году историко-географического трактата «Си юй ту чжи» («Географическое описание западных стран»). По словам ученого, представленные в «Хуан цин чжи гун ту» данные достоверны.

4. Кодикологические публикации: Ци Цинфу [35], Ма Гоцзюнь и Ли Хунсян [32]. В них предлагаются библиографические данные о списках «Хуан цин чжи гун ту», сравниваются рукописные альбомы и печатные версии памятника.

Обращает на себя внимание рост числа публикаций о «Хуан цин чжи гун ту» в 2010-е годы. Очевидно, росту интереса к этому памятнику в Китае в какой-то мере способствовала инициированная в 2013 году председателем КНР Си Цзиньпином политика «Одного пояса, одного пути».

Китайскими учеными не были затронуты многие исламские народы Центральной и Юго-Восточной Азии, совершенно упущены монгольские этносы, жители Кореи, Японии, Окинава, Тайваня, ряда провинций Северо-Восточного и Южного Китая, хотя их описания занимают более половины памятника. Кроме того, недостаточно внимания уделено поиску источников изображений и, особенно, текстового материала «Хуан цин чжи гун ту». Отдельно стоило бы изучить проблему географических названий, названий племен и народов, государственных образований (многие едва ли поддаются идентификации), имен исторических лиц. Значительные сложности вызывает реконструкция предметов этнографии и обычаев. Для решения этих проблем китаеведам, видимо, потребуются взаимодействие с востоковедами, занимающимися изучением соответствующих стран и регионов. Не исключено, что при более детальном изучении

памятника учеными могут быть выявлены и другие возможные направления исследований.

ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ

В России «Хуан цин чжи гун ту» еще в первой половине XIX века начал изучать один из основателей отечественной научной синологии Никита Яковлевич Бичурин (1777–1853, монашеское имя – отец Иакинф). Он заимствовал 57 иллюстраций для собственного рукописного этнографического альбома³. В настоящее время альбом Н. Я. Бичурина хранится в ОР РНБ под шифром *Дорн 806*. В 2011 году вышло его переиздание под названием «“Первый альбом” о. Иакинфа (Н. Я. Бичурина)» [5]. Материалы «Хуан цин чжи гун ту» также были им использованы при написании книги «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» [1]. Другой российский синолог, Степан Васильевич Липовцов (1770–1841), воспитанник Казанской духовной академии и ученик Восьмой Российской духовной миссии в Китае (1794–1807), помимо составления словарей осуществлял перевод подписей к небольшой части иллюстраций «Хуан цин чжи гун ту». Перевод подписей не был опубликован. Эти рукописи хранятся в Архиве внешней политики Российской Империи (АВПРИ, г. Москва)⁴.

В XX веке на русском языке выходили по меньшей мере три работы, связанные с «Хуан цин чжи гун ту». Анатолий Павлович Терентьев-Катанский (1934–1998) с середины 1960-х годов входил в одну из научных групп по изучению и публикации рукописей и ксилографов Дальнего Востока (впоследствии переименованную в группу дальневосточной текстологии) рукописных фондов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (ЛО ИВАН СССР). В 1969 году им была опубликована статья «Иллюстрации к старинным китайским географическим сочинениям» [10]. В ней автор уделяет две страницы техническому описанию рисунков альбома, который хранится в ЛО ИВАН (нынешнее название этого учреждения – Институт восточных рукописей РАН) под шифром *D 284*. Как было упомянуто выше, всего в ИВР РАН находится четыре экземпляра данного альбома. А. П. Терентьев-Катанский о трех других экземплярах (шифры: *E 42*, *E 43*, *E 179*) [2: 291–293] не упоминает, вероятно, потому что во время подготовки публикации он не знал об их существовании.

В 2010 году было осуществлено и опубликовано исследование директора ИВР И. Ф. Поповой «“Изображение данников августейшей Цин” и “Первый альбом” о. Иакинфа (Н. Я. Бичурина)» [6]. В статье И. Ф. Попова рассматривает «Хуан цин чжи гун ту» в качестве основного источника, положенного в основу «Первого альбома» Н. Я. Бичурина. Автор приводит ценные све-

дения об обстоятельствах составления альбома, связывая это государственное предприятие с обширными территориальными завоеваниями императора Цяньлуна. Через несколько лет публикация И. Ф. Поповой была переведена на английский язык и издана в Японии [13]. Отдельного упоминания достойна совместная статья И. Ф. Поповой и М. А. Смирновой «О. Иакинф (Н. Я. Бичурин). Аннотации и подписи к “Первому альбому”». Китайский текст и комментарии» [5: 45–67]. Эта статья интересна тем, что в ней сопоставляются подписи из альбома о. Иакинфа с подписями к большинству рисунков 3-й *цзюани* (тома, тетради) ксилографа. На данный момент это единственный опубликованный в России перевод фрагментов «Хуан цин чжи гун ту».

В 2019 году группа ученых Восточного факультета под руководством профессора Н. А. Самойлова начала комплексное изучение этого историко-этнографического памятника. Таким образом, в 2019 году вышел ряд многоплановых обзорных публикаций, касающихся «Хуан цин чжи гун ту» и посвященных целому ряду связанных с этим вопросов: структуре памятника, историческому контексту его создания и особенностям содержания. Так, Н. А. Самойлов иллюстрирует историко-идеологическую связь альбомов, посвященных данникам империи Цин, с традиционной китайской моделью мира и уникальной концепцией внешнеполитических сношений императорского Китая. Одной из особенностей данной модели было ведение тщательного учета и анализа отношений между Китаем и «варварами» [7], а также устойчивое восприятие всех инородцев в качестве данников.

Д. И. Маяцкий встраивает «Хуан цин чжи гун ту» в хронологический контекст целого ряда китайских альбомов, посвященных данникам. Как утверждает автор, аналогичные альбомы создавались в Китае начиная с VI века, в период правления почти каждой последующей династии. Цинский письменный памятник, по мнению Д. И. Маяцкого, стал своеобразной вершиной в устоявшейся многовековой традиции, поскольку соединил в себе идеи прошлого с новым творческим замыслом императора Цяньлуна, решившего кардинально пересмотреть его назначение, изменить форму исполнения и целевую аудиторию [3].

Т. С. Миронова дает количественную и качественную характеристику текстового наполнения источника и богатого иллюстративного материала, обозначая его антропологическую и этнографическую специфику. Автор пишет, что в альбоме представлено 598 рисунков, отражающих разные слои населения 265 стран и регионов мира. Каждое изображение содержит различные исключительные атрибуты (прическа, специфические предметы, элементы одежды), которые китайцы считали важным учесть. Кроме того,

выделены определенные закономерности, по которым строится сопроводительный текст [4]. По словам автора, некоторая этнографическая информация об отдельных этносах (например, о татуировках женщин с островов архипелага Окинава) является особо ценной и уникальной, поскольку либо нигде больше не встречается, либо доступна только в более поздних источниках.

Н. А. Сомкина подробно описывает имеющиеся в ксилографе сведения о Центральной Азии с перечислением конкретных районов данного региона [9]. Автором особо выделяется трудно-разрешимая проблема реконструкции исторических событий, идентификации имен деятелей, топонимов и этнонимов, приведенных составителями альбома в затрудняющей восприятие архаичной иероглифической транслитерации. Эти устаревшие написания могут быть весьма полезны специалистам, изучающим историческую географию Центральной Азии.

М. В. Черевко дает обзор сведений о странах и народах региона Юго-Восточной Азии, содержащихся в данном письменном источнике. Автор также указывает на особую важность наличия в «Хуан цин чжи гун ту» топографической терминологии, поскольку многие мелкие государственные образования того времени впоследствии прекратили свое существование или вошли в состав других государств [11].

В ближайшем будущем ожидается выход серии статей, в которых упомянутые выше авторы глубже изучат вопросы, поднятые ими в докладах на 30-м Международном конгрессе по источниковедению и историографии стран Азии и Африки.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ЕВРОПЕ И СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

В Западной Европе в 1886 году был опубликован выборочный перевод ксилографа на французский язык, осуществленный Жаном-Габриелем Девериа «Китайско-аннамская граница: географическое и этнографическое описание по официальным китайским документам»⁵. Очевидно, что в этом исследовании автор сконцентрировал внимание на описании народов, проживающих на юге и юго-западе Китая, а также во французском Индокитае. Сам Г. Девериа был разносторонней личностью: французский дипломат и переводчик, долгие годы работал в Китае, кроме того, занимался научной деятельностью. Он оставил после себя исследования по тангутской письменности, географическому и этнографическому описанию Аннама, дневниковые записи о путешествии по Северному Китаю.

В 1950-е годы Альфред Штайнман опубликовал статью на немецком языке [17], которая была посвящена описаниям и изображениям швейцарцев в «Хуан цин чжи гун ту».

В 1987 году вышла статья на английском языке Джулиано Бергуччоли «Китайские книги из собрания библиотеки итальянского географического общества в Риме, иллюстрирующие жизнь этнических меньшинств юго-запада Китая» [12]. Она содержит анализ китайских источников по исторической этнографии народов соответствующего региона Китая. Статья Лорето Ромеро [14] посвящена изучению альбомов серии «Чжи гун ту» в контексте их связи с изобразительным творчеством миссионера Мартина де Рада (1533–1578).

Говоря о публикационной активности западных ученых в XXI веке, исследующих «Хуан цин чжи гун ту», можно констатировать, что многие исторические исследования содержат косвенные упоминания данного письменного источника. Далее будут приведены лишь несколько из них. Ученый Лео Шин из Университета Британской Колумбии (Ванкувер, Канада) окказионально упоминает в своей книге «Создание Китайского государства: этническая принадлежность и экспансия на границах империи Мин» [15] ксилограф «Хуан цин чжи гун ту». Бельгийские синологи Вилли Ванде Валле и Ноэль Голверс опубликовали в Лёвенском католическом университете (Лёвен, Бельгия) исследование «История отношений между Историческими Нидерландами и Китаем в эпоху Цин (1644–1911)» [16], в котором также точно упомянули данный ксилографический памятник.

ВЫВОДЫ

Предпринятый обзор мировых исследований ксилографической книги «Изображения данников правящей династии Цин» показал, что российским и западным ученым об этом памятнике известно. Однако степень его изученности на данный момент находится на низком уровне. Доступные на европейских языках публикации малочисленны и, как правило, касаются памятника косвенным образом. Специальные же публикации обращены к темам, непосредственно связанным с историей контактов конкретных государств и народов с Китаем. Лучшее всего памятник изучен в китайской науке, однако там также имеются неисследованные темы. Благодаря многослойности содержащегося в источнике материала еще не одно поколение ученых сможет найти в нем благодатную почву для своих исследований.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00218 («Китайский историко-этнографический памятник “Изображения данников правящей династии Цин” (“Хуан цин чжи гун ту”) и его значение в изучении представлений китайцев о других странах и народах в середине XVIII в.»).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Изображение народов, которые платят дань китайским императорам / Пер. с кит. С. Липовцова. 1826 г. // АВРПИ. Ф. 152. Оп. 505. Ед. хр. 51. 42 л.; La frontière Sino-annamite: Description géographique et ethnographique, d'après des documents officiels chinois / Traduits pour la première fois par G. Devéria. Paris, 1886. 182 p.

- ² Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque impériale publique de Saint-Petersbourg / Ed. par V. Dorn et R. Rost. Spb., 1852. P. 604, 662.
- ³ «О народах, обитающих по берегам Амура от реки Уссури до устья его, по всему берегу Восточного моря от пределов Кореи до границы Российской и по всем островам вдоль сего берега лежащим». 1822. 59 с.
- ⁴ Изображение народов, которые платят дань китайским императорам / Пер. с кит. С. Липовцова. 1826 г. // АВРПИ. Ф. 152. Оп. 505. Ед. хр. 51. 42 л.
- ⁵ La frontière Sino-annamite: Description géographique et ethnographique, d'après des documents officiels chinois / Traduits pour la première fois par G. Devéria. Paris, 1886. 182 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Ред., вступ. ст., коммент. А. Н. Бернштам, Н. В. Кюннер. М.; Л., 1950–1953. Ч. 3. 1950. 328 с.
- Каталог фонда китайских ксилографов Института Востоковедения АН СССР / Сост. Б. Б. Вахтин, И. С. Гуревич и др. М., 1973. Т. 1. 452 с.
- Маяцкий Д. И. Традиционализм и новаторство: ксилографический памятник «Хуан цин чжи гун ту» и его место в серии китайских альбомов, посвященных «данникам» // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб., 2019. Т. 2. С. 111–114.
- Миринова Т. С. Специфика антропологического и этнографического содержания китайского ксилографического альбома «Изображения данников правящей династии Цин» (XVIII в.) // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб., 2019. Т. 2. С. 114–116.
- «Первый альбом» о Иакинфа (Н. Я. Бичурина). Исследования и комментарии / Отв. ред. В. С. Мясников; Сост. О. В. Васильева. СПб., 2010. 142 с.
- Попова И. Ф. «Изображение данников августейшей Цин» и «Первый альбом» о Иакинфа (Н. Я. Бичурина) // «Первый альбом» о Иакинфа (Н. Я. Бичурина). СПб., 2010. С. 38–44.
- Самойлов Н. А. Эволюция представлений о китайском миропорядке и даннической системе в эпоху Цин // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб., 2019. Т. 2. С. 116–117.
- Систематический каталог / Сост. К. С. Яхонтов; Науч. ред. Ю. Л. Кроль. СПб.: РНБ, 1993. № 9–10. 311 с.
- Сомкина Н. А. «Хуан цин чжи гун ту» как источник сведений о Центральной Азии в XVIII веке // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб., Т. 2. 2019. С. 117–119.
- Терентьев-Катанский А. П. Иллюстрации к старинным китайским географическим сочинениям // Страны и народы Востока. М., 1969. Вып. 8. С. 85–98.
- Черевко М. В. Характер сведений о народах Юго-Восточной Азии в цинском альбоме «Хуан цин чжи гун ту» // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб., 2019. Т. 2. С. 122–124.
- Bertuccioli G. Chinese Books from the Library of the Italian Geographical Society in Rome Illustrating the Lives of Ethnic Minorities in South-West China // East and West. 1987. Vol. 37. No 1/4 (December). P. 399–438.
- Popova I. Depictions of Tributaries of the August Qing 皇清職貢圖 and Hyacinth Bichurin's First Album. East Asian Studies: Festschrift in Honor of the Retirement of Professor Takata Tokio. Kyoto, 2014. P. 401–415.
- Romero L. The Likely Origins of The Boxer Codex: Martin de Rada and the Zhigong Tu // eHumanista. 2018. No 40. P. 117–133
- Shin Leo K. The Making of the Chinese State: Ethnicity and Expansion on the Ming Borderlands. Cambridge University Press, 2012. 270 p.
- Walle Willy Vande. Golvers, Noël. The history of the relations between the Low Countries and China in the Qing era (1644–1911). Leuven university press, 2003. 508 p.
- Steinmann A. Die Schweiz in chinesischer Darstellung (Ein Kuriosum chinesischen Geschichtsschreibung aus dem 18. Jahrhundert) // Sinologica. 1953. Vol. 3. No 3. P. 97–99.
- 白爱萍, 从《皇清职贡图》看东南亚国家的服饰文化特征//南宁职业技术学院学报2011年16卷06期。第22–24页。(Бай Айпин. Изучение культурных особенностей одежды населения Юго-Восточной Азии по материалам «Хуан цин чжи гун ту» // Вестник профессионально-технического института города Наньнина. 2011. Т. 16. № 6. С. 22–24)
- 郭天红, 《皇清职贡图》与赫哲族//黑龙江民族丛刊2011年6期。第134–136页。(Го Тяньхун. «Хуан цин чжи гун ту» и нанайцы // Народы Хэйлунцзяна. 2011. № 6. С. 134–136)
- 郝庆云、张嘉宾, 《皇清职贡图》记载的黑龙江流域各族//黑龙江民族丛刊2009年06期。第104–107页。(Хао Цинъюнь, Чжан Цзябинь. Народы бассейна реки Амур, описанные в «Хуан цин чжи гун ту» // Народы Хэйлунцзяна. 2009. № 6. С. 104–107)
- 侯瑞秋, 《皇清职贡图》与赫哲族民俗//满族研究1998年3期。第87–92页。(Хоу Жуйцю. Обычаи нанайцев в «Хуан цин чжи гун ту» // Маньчжуроведение. 1998. № 3. С. 87–92)
- 黄金东, 浅析《皇清职贡图》及其史料价值//兰台世界2012年12期。第2–3页。(Хуан Цзиньдун. Источниковедческая ценность «Хуан цин чжи гун ту» // Мир библиотековедения. 2012. № 12. С. 2–3)
- 季永海, 《皇清职贡图》研究//内蒙古民族大学学报2009年05期。第31–33页。(Цзи Юнхай. Изучение «Хуан цин чжи гун ту» // Вестник университета национальностей Внутренней Монголии. 2009. № 5. С. 31–33)
- 姜梅珍, 从《皇清职贡图》看西洋民族的服饰文化特征//人文天下2016年18期。第101–102页。(Цзян Мэйчжэнь. Изучение культурных особенностей одежды населения западных стран по материалам «Хуан цин чжи гун ту» // Гуманитарный мир. 2016. № 18. С. 101–102)
- 郎朗天, 《皇清职贡图》中西洋人物形象及服饰研究. 中央民族大学, 2013年. 48页。(Лан Лантянь. Изучение портретов и предметов материальной культуры западных людей по материалам «Хуан цин чжи гун ту»: Дис. на соискание степени магистра. Центральный университет национальностей, 2013. 48 с.)
- 李绍明, 清《职贡图》所见绵阳藏羌习俗考//西南民族大学学报2005年26卷10期。第1–4页。(Ли Шаоин. Изучение обычаев мяньянских тибетцев и цянпов по данным «Хуан цин чжи гун ту» // Вестник Юго-западного университета национальностей. 2005. Т. 26. № 10. С. 1–4)
- 李瑜, 《皇清职贡图》、《滇夷图》中的云南古宗图像解析//云南民族大学学报2016年04期。第148–153页。(Ли Юй. Разбор изображений юньнаньских гуцзунов в книгах «Хуан цин чжи гун ту» и «Дянь и ту» // Вестник Университета национальностей Юньнани. 2016. № 4. С. 148–153)

28. 李瑜, 清中期广西瑶族服饰特征解析—以《皇清职贡图》为中心//贺州学院学报2017年02期. 第28–32页。(Ли Юй. Анализ особенностей предметов одежды и быта гуансийского этноса яо в середине правления династии Цин: на основе материалов «Хуан цин чжи гун ту» // Вестник Хэчжоуского института. 2017. № 2. С. 28–32)
29. 林茨, 《皇清职贡图》与人类学影像//中国摄影家2007年04期. 第15–17页。(Линь Цы. Антропологические изображения в «Хуан цин чжи гун ту» // Китайский фоторепортер. 2007. № 4. С. 15–17)
30. 罗树杰, 从《皇清职贡图》看瑶族服饰//民族论坛2013年07期. 第33–36页。(Ло Шуцзе. Одежда и быт этноса яо в «Хуан цин чжи гун ту» // Форум национальностей. 2013. № 7. С. 33–36)
31. 吕树芝, 清职贡图中的鄂伦春族人物//历史教学1988年03期. 第86–87页。(Льюй Шучжи. Портреты ороочонов в цинском «Чжи гун ту» // Педагогика исторических наук. 1988. № 3. С. 86–87)
32. 马国君, 李红香, 《皇清职贡图》版本概况及文献价值述评—以卷八《贵州诸夷》为视野//贵州大学学报2016年05期. 第120–128页。(Ма Гоцзюнь, Ли Хунсян. Библиографический обзор изданий «Хуан цин чжи гун ту» и сопоставление его книговедческой ценности в соотнесении с «Гуй чжоу чжу и» // Вестник Гуйчжоуского университета. 2016. № 5. С. 120–128)
33. 潘洪钢, 清代官修民族图册《皇清职贡图》浅说//中南民族学院学报1992年04期. 第87–90页。(Пань Хунган. Коротко о казенном этнографическом альбоме «Хуан цин чжи гун ту» // Вестник Института национальностей Центрального Китая. 1992. № 4. С. 87–90)
34. 齐光, 解析《皇清职贡图》绘卷及其满汉文图说//清史研究2014年04期. 第28–38页。(Ци Гуан. Рукописный свиток «Хуан цин чжи гун ту» и его маньчжурские подписи // Исследования по цинской истории. 2014. № 4. С. 28–38)
35. 祁庆富, 《皇清职贡图》的编绘与刊刻//民族研究2003年05期. 第69–74页。(Ци Цинфу. Составление и издание «Хуан цин чжи гун ту» // Изучение народов. 2003. № 5. С. 69–74)
36. 秦永章, 李丽, 《皇清职贡图》与清初青海少数民族服饰习俗//青海民族学院学报1991年03期. 第35–39页。(Цинь Юнчжан. Ли Ли. «Хуан цин чжи гун ту» и этнография народов Цинхай в начале эпохи Цин // Вестник Цинхайского института национальностей. 1991. № 3. С. 35–39)
37. 阮立影, 从《皇清职贡图》看清前期贵州少数民族社会—兼论清前期的民族观, 西南大学, 2010年. 66页。(Жуань Линь. Реконструкция жизни социума национальных меньшинств Гуйчжоу раннецинского периода по данным «Хуан цин чжи гун ту»: Размышление о раннецинской этнологии. Юго-западный университет, 2010. 66 с.)
38. 佟颖, 《皇清职贡图》及其研究//满语研究2009年01期. 第53–57页。(Тун Ин. «Хуан цин чжи гун ту» и его изучение // Маньчжурское языкознание. 2009. № 1. С. 53–57)
39. 佟颖, 《皇清职贡图》满语词汇分析//满语研究2010年01期. 第29–36页。(Тун Ин. Анализ маньчжурской лексики в «Хуан цин чжи гун ту» // Маньчжурское языкознание. 2010. № 1. С. 29–36)
40. 佟颖, 《皇清职贡图》所载盘瓠信仰探析//伊犁师范学院学报2012年02期. 第138–140页。(Тун Ин. Научные изыскания о верованиях народа паньху, отраженных в памятнике «Хуан цин чжи гун ту» // Вестник Илийского педагогического института. 2012. № 2. С. 138–140)
41. 佟颖, 《皇清职贡图》研究, 黑龙江大学, 2010年. 100页。(Тун Ин. Изучение памятника «Хуан цин чжи гун ту»: Дис. на соискание степени магистра. Хэйлунцзянский университет, 2010. 100 с.)
42. 佟颖, 满语同义连用现象研究—以《皇清职贡图》为例//满语研究2012年01期. 第12–19页。(Тун Ин. Явление синонимичных связей маньчжурского языка: на примере «Хуан цин чжи гун ту» // Маньчжурское языкознание. 2012. № 1. С. 12–19)
43. 佟颖, 清代前期朝贡关系考辨—从《皇清职贡图》说起//满语研究2011年01期. 第26–33页。(Тун Ин. Изыскания о системе даннических отношений в начале эпохи Цин: по материалам памятника «Хуан цин чжи гун ту» // Маньчжурское языкознание. 2011. № 1. С. 26–33)
44. 万伊, 清代职贡图像研究—从《皇清职贡图》出发. 中央美术学院, 2018年. 128页。(Вань И. Изучение изображений данников цинской эпохи: на основе «Хуан цин чжи гун ту»: Дис. на соискание степени магистра. Центральная академия изящных искусств, 2018. 128 с.)
45. 袁俊华, 戚峰, 《皇清职贡图》与鄂伦春民族题材绘画的发生//美术大观2013年03期. 第73页。(Юань Цзюньхуа, Ци Фэн. «Хуан цин чжи гун ту» и сюжетные истоки живописи об ороочонах // Обзорение высокого искусства. 2013. № 3. С. 73)
46. 周轩, 《皇清职贡图》中的西域史实//伊犁师范学院学报2016年02期. 第23–30页。(Чжоу Сюань. Исторические факты о Западном крае в «Хуан цин чжи гун ту» // Вестник Илийского педагогического института. 2016. № 2. С. 23–30)

Поступила в редакцию 08.07.2019

Anna M. Kharitonova, Assistant Lecturer, Saint Petersburg University
(St. Petersburg, Russian Federation)

HISTORY OF STUDYING THE CHINESE XYLOGRAPH OF ILLUSTRATED TRIBUTARIES OF THE AUGUST QING DYNASTY*

The author of this article undertakes a summary review of the scientific literature written in various regions of the world and devoted to the study of an outstanding Chinese writing of the mid-eighteenth century – the xylograph of *Huang qing zhi gong tu*. The author analyzes the materials on this monument, published in China, Russia and Western countries, and establishes a range of key issues raised by its researchers. Poorly studied or unstudied aspects of the monument are identified. The author also characterizes the prospects for further study of this woodblock print. Special attention is paid to the search for the translations of its fragments into foreign languages. The undertaken review of the world studies of the xylograph has shown that it is currently understudied. In Russia, this xylograph is known, but has not received adequate attention of the scholars. There are few publications on it available in the European languages, and usually they are not addressing this literary work directly. Special publications refer to the topics directly related to the history of contacts between specific states or nations and China. The xylograph is best studied by Chinese scholars, but some topics still remain unexplored.

Keywords: imagology, history of China, ethnography of China, source studies of China, tributaries, peoples of China, translation of *Huang qing zhi gong tu*

* The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 19-09-00218 “The Chinese historico-ethnographic album *Illustrated Tributaries of the August Qing Dynasty (Huang Qing zhi gong tu)* and its role in studying the Chinese worldview of other countries and nations in the mid-eighteenth century”.

Cite this article as: Kharitonova A. M. History of studying the Chinese xylograph of *Illustrated Tributaries of the August Qing Dynasty*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 6 (183). P. 43–50. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.370

REFERENCES

1. Bichurin N. Ya. Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times (A. N. Bernshtam, N. V. Kjuner, Eds., Comm.). Moscow, Leningrad, 1950–1953. Part 3. 1950. 328 p. (In Russ.)
2. Catalog of the Chinese woodcuts collection of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences (B. B. Vakhtin, I. S. Gurevich et al., Comp.). Vol. 1. Moscow, 1973. 452 p. (In Russ.)
3. Maiatskii D. I. Traditionalism and innovation: a woodcut *Huang Qing zhi gong tu* and its place in a series of Chinese albums dedicated to “tributaries”. *XXX International congress on source studies and historiography of Asia and Africa: commemorating the 150th anniversary of academician V. V. Barthold (1869–1930)*. St. Petersburg, 2019. Vol. 2. P. 111–114. (In Russ.)
4. Mironova T. S. The specifics of the anthropological and ethnographic content of the Chinese xylographic album *Illustrated Tributaries of the August Qing Dynasty (XVIII century)*. *XXX International congress on source studies and historiography of Asia and Africa: commemorating the 150th anniversary of academician V. V. Barthold (1869–1930)*. St. Petersburg, 2019. Vol. 2. P. 114–116. (In Russ.)
5. Father Hyacinth’s (N. Ya. Bichurin’s) *First Album*. Research and commentaries (V. S. Myasnikov, Ed., O. V. Vasil’eva, Comp.). St Petersburg, 2010. 142 p. (In Russ.)
6. Popova I. F. *Depictions of Tributaries of the August Qing and Hyacinth Bichurin’s First Album. Father Hyacinth’s (N. Ya. Bichurin’s) First Album*. St. Petersburg, 2010. P. 38–44. (In Russ.)
7. Samoylov N. A. The evolution of ideas about the Chinese world order and the tributary system in the Qing era. *XXX International congress on source studies and historiography of Asia and Africa: commemorating the 150th anniversary of academician V. V. Barthold (1869–1930)*. St. Petersburg, 2019. Vol. 2. P. 116–117. (In Russ.)
8. Systematic catalog. (K. S. Yakhontov, Comp., Yu. L. Krol, Ed.). St. Petersburg, 1993. No 9–10. 311 p. (In Russ.)
9. Somkina N. A. *Huang Qing zhi gong tu* as a source of information about Central Asia in the XVIII century. *XXX International congress on source studies and historiography of Asia and Africa: commemorating the 150th anniversary of academician V. V. Barthold (1869–1930)*. St. Petersburg, 2019. Vol. 2. P. 117–119. (In Russ.)
10. Terentiev-Katansky A. P. Illustrations to old Chinese geographical writings. *Countries and peoples of the East*. 1969. Vol. 8. P. 85–98. (In Russ.)
11. Cherevko M. V. Character of the information about the peoples of Southeast Asia in the Qing album *Huang Qing zhi gong tu*. *XXX International congress on source studies and historiography of Asia and Africa: commemorating the 150th anniversary of academician V. V. Barthold (1869–1930)*. St. Petersburg, 2019. Vol. 2. P. 122–124. (In Russ.)
12. Bertuccioli G. Chinese books from the Library of the Italian Geographical Society in Rome illustrating the lives of ethnic minorities in South-West China. *East and West*. 1987. Vol. 37. No 1/4 (December). P. 399–438.
13. Popova I. *Depictions of Tributaries of the August Qing 皇清職貢圖* and Hyacinth Bichurin’s *First Album*. East Asian studies: Festschrift in honor of the retirement of Professor Takata Tokio. Kyoto, 2014. P. 401–415.
14. Romero L. The likely origins of The Boxer Codex: Martín de Rada and the Zhigong Tu. *eHumanista*. 2018. No 40. P. 117–133.
15. Shin, Leo K. The making of the Chinese State: Ethnicity and expansion on the Ming borderlands. Cambridge University Press, 2012. 270 p.
16. Walle W. V., Golvers N. The history of the relations between the Low Countries and China in the Qing era (1644–1911). Leuven university press, 2003. 508 p.
17. Steinmann A. Die Schweiz in chinesischer Darstellung (Ein Kuriosum chinesischer Geschichtsschreibung aus dem 18. Jahrhundert). *Sinologica*. 1953. Vol. 3. No 3. P. 97–99.
18. 白爱萍, 从《皇清职贡图》看东南亚国家的服饰文化特征//南宁职业技术学院学报2011年16卷06期。第22–24页。
19. 郭天红, 《皇清职贡图》与赫哲族//黑龙江民族丛刊2011年6期。第134–136页。
20. 郝庆云、张嘉宾, 《皇清职贡图》记载的黑龙江流域各族//黑龙江民族丛刊2009年06期。第104–107页。
21. 侯瑞秋, 《皇清职贡图》与赫哲族民俗//满族研究1998年3期。第87–92页。
22. 黄金东, 浅析《皇清职贡图》及其史料价值//兰台世界2012年12期。第2–3页。
23. 季永海, 《皇清职贡图》研究//内蒙古民族大学学报2009年05期。第31–33页。
24. 姜梅珍, 从《皇清职贡图》看西洋民族的服饰文化特征//人文天下2016年18期。第101–102页。
25. 郎朗天, 《皇清职贡图》中西洋人物形象及服饰研究。中央民族大学, 2013年。48页。
26. 李绍明, 清《职贡图》所见绵阳藏羌习俗考//西南民族大学学报2005年26卷10期。第1–4页。
27. 李瑜, 《皇清职贡图》、《滇夷图》中的云南古宗图像解析//云南民族大学学报2016年04期。第148–153页。
28. 李瑜, 清中期广西瑶族服饰特征解析——以《皇清职贡图》为中心//贺州学院学报2017年02期。第28–32页。
29. 林茨, 《皇清职贡图》与人类学影像//中国摄影家2007年04期。第15–17页。
30. 罗树杰, 从《皇清职贡图》看瑶族服饰//民族论坛2013年07期。第33–36页。
31. 吕树芝, 清职贡图中的鄂伦春族人物//历史教学1988年03期。第86–87页。
32. 马国君、李红香, 《皇清职贡图》版本概况及文献价值述评——以卷八《贵州诸夷》为视野//贵州大学学报2016年05期。第120–128页。
33. 潘洪钢, 清代官修民族图册《皇清职贡图》浅说//中南民族学院学报1992年04期。第87–90页。
34. 齐光, 解析《皇清职贡图》绘卷及其满汉文图说//清史研究2014年04期。第28–38页。
35. 祁庆富, 《皇清职贡图》的编绘与刊刻//民族研究2003年05期。第69–74页。
36. 秦永章、李丽, 《皇清职贡图》与清初青海少数民族服饰习俗//青海民族学院学报1991年03期。第35–39页。
37. 阮立影, 从《皇清职贡图》看清前期贵州少数民族社会——兼论清前期的民族观, 西南大学, 2010年。66页。
38. 佟颖, 《皇清职贡图》及其研究//满语研究2009年01期。第53–57页。
39. 佟颖, 《皇清职贡图》满语词汇分析//满语研究2010年01期。第29–36页。
40. 佟颖, 《皇清职贡图》所载盘瓠信仰探析//伊犁师范学院学报2012年02期。第138–140页。
41. 佟颖, 《皇清职贡图》研究, 黑龙江大学, 2010年。100页。
42. 佟颖, 满语同义连用现象研究——以《皇清职贡图》为例//满语研究2012年01期。第12–19页。
43. 佟颖, 清代前期朝贡关系考辨——从《皇清职贡图》说起//满语研究2011年01期。第26–33页。
44. 万伊, 清代职贡图研究——从《皇清职贡图》出发。中央美术学院, 2018年。128页。
45. 袁俊华、戚峰, 《皇清职贡图》与鄂伦春民族题材绘画的发生//美术大观2013年03期。第73页。
46. 周轩, 《皇清职贡图》中的西域史实//伊犁师范学院学报2016年02期。第23–30页。

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА ПОНЫРКО

доктор филологических наук, профессор, заведующий Отделом древнерусской литературы
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ponyrko@gmail.com

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ (ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ЕПИСКОПА ГЕРОНТИЯ (ЛАКОМКИНА))

Рассматривается понятие «древнерусская литература после Древней Руси». На материале Духовного завещания старообрядческого епископа Геронтия, написанного в XX веке, показаны глубинные связи старообрядческих сочинений нового времени с памятниками древнерусской литературы, ее мотивами, сюжетами и жанрами, с ее художественными приемами. Духовные завещания русских церковных иерархов XV–XVII веков, молитвенные тексты Феодосия Печерского, послания протопопа Аввакума обнаруживаются в художественном подтексте завещания-проповеди Геронтия. В этом проявляется живая связь старообрядческой литературы с русской культурной традицией.

Ключевые слова: древнерусская литература, старообрядчество, духовные завещания русских церковных иерархов, молитва Феодосия Печерского, боярыня Морозова, протопоп Аввакум

Для цитирования: Поньрко Н. В. Древнерусская литература после Древней Руси (духовное завещание старообрядческого епископа Геронтия (Лакомкина)) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 51–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.371

ВСТУПЛЕНИЕ

В своем грандиозном труде, осветившем с удивительной полнотой основные аспекты истории и культуры старообрядчества от начала раскола до середины XX века [7], Елена Михайловна Юхименко не могла обойти вниманием такую значимую в старообрядческом мире фигуру, как епископ Геронтий (Лакомкин). Она дает обзор деятельности епископа Геронтия, характеризует развитие Громовского центра в Петербурге, публикует (среди богатейшего и иллюстративного материала книги, издаваемого в большинстве случаев впервые) факсимильное воспроизведение автографа Исповедания веры Геронтия, данного им при епископской хиротонии, приводит переписку святителя с митрополитом Мелетием по поводу новосозданной службы протопопу Аввакуму, цитирует большой фрагмент из Воспоминаний владыки в разделе о сталинских репрессиях 30–40-х годов [7: 197–207, 453, 526–544]. В данном случае, как и во множестве других, Елена Михайловна раскрывает ранее неизвестные или мало известные широкой аудитории страницы нашей истории, позволяя тем самым по-новому взглянуть на особенности развития русской культуры.

В настоящей статье я предлагаю рассмотреть Духовное завещание епископа Геронтия с точки зрения понятия «древнерусская литература после Древней Руси», помогающего разглядеть ту часть русской культуры, которая досталась нам от Древней Руси, преемственно просуществовав до наших дней в старообрядческой среде. Понятие «древнерусская литература после Древней

Руси» было выработано в то время, когда задумывалось создание двадцатитомной книжной серии «Библиотека литературы Древней Руси»: тогда редколлегией нового издания для будущего заключительного тома серии и было сформулировано это понятие, предполагавшее охватить тот комплекс литературных памятников XVIII–XX веков, который продолжал сохранять, в большей или меньшей степени, господствующий дух древнерусской литературы и приверженность к ее жанрам.

Господствующий дух древнерусской литературы – это, прежде всего, ощущение постоянного Божьего присутствия, запечатленное во всех без исключения ее памятниках. Когда этот дух воплощается в сочинениях новейшего времени, при сохранении ими связей с древнерусскими литературными мотивами, сюжетами и жанрами, с традициями древнерусской поэтики, тогда мы видим перед собой произведения словесности, которые можно охарактеризовать названным понятием.

Большинство таких произведений находятся вне главенствующей линии развития русской литературы XVIII–XX веков, как она сложилась со времен реформ Петра I, что объясняется той культурной ситуацией, которая установилась в России к началу XVIII века. В свое время Владимир Павлович Рябушинский – представитель известной старообрядческой династии промышленников, закончивший жизнь в эмиграции бессменным главой общества «Икона» при Сергиевском институте в Париже, в работе 1936 года «Старообрядчество и русское религиозное чувство» так

охарактеризовал последствия резкого реформирования русской культуры, которое было начато в середине XVII века патриархом Никоном и с новой силой продолжено на рубеже XVII–XVIII веков Петром I: эти реформы «раскололи русских на два народа, каждый со своей культурой, – на мужика и на барина»². Во второй половине XVII века признаки такого культурного раздвоения еще только зарождались: боярыня Федосья Прокопьевна Морозова и протопоп Аввакум, окольный Федор Михайлович Ртищев и юродивый Афанасий, царь Алексей Михайлович Романов и духовный отец протопопа Аввакума инок Епифаний принадлежали к одному «народу», говорившему, в широком смысле, на одном языке и читавшему одни книги. Но уже к началу XVIII века пути «барина» и «мужика» стали зримо расходиться, языки, на которых они говорили, делались все менее понятны один другому, и книги, которые они читали, стали разными. С этого момента народная культура (культура «мужика») делалась все более чуждой, непонятной и неинтересной «барину», представителю господствовавшей культуры. Между тем в народе продолжали читать, сохраняя старинные рукописи и создавая их новые списки, пользуясь старопечатными изданиями и изданиями новейших типографий, такие памятники древнерусской словесности, как Прологи и Хронографы, творения таких раннехристианских авторов, как Ефрем Сирий, Василий Великий, авва Дорофей, продолжали переписывать жития византийских и русских святых, «хождения» в Святую Землю и т. д.

Епископ Геронтий (1877–1951), в миру Григорий Иванович Лакомкин, был типичным представителем русского народа. Он родился в деревне Большое Золотилово Нерехтского уезда Костромской губернии. Его предки, простые крестьяне, жили в Золотилове по крайней мере с XVII века, а дед, отец и старший брат последовательно служили здесь старообрядческими священниками. В 1906 году, вскоре после Высочайшего манифеста 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости», сан священника принял и Григорий Лакомкин. В 1912 году он был избран епископом на Петроградско-Гверскую епархию, где и подвизался в течение 30 лет, проявив выдающийся талант организатора, общественного деятеля и проповедника. За время его архипастырской деятельности в епархии было построено и перестроено около 20 храмов, создано более 15 училищ церковного чтения и пения, организовано Братство имени протопопа Аввакума, основан монастырь [1].

В 1932 году, в ночь с 13 на 14 апреля, после великопостной службы «Марьино стояние», епископ Геронтий был арестован ОГПУ и приговорен к 10 годам лишения свободы. Вместе с ним были арестованы все духовенство Успенского храма на Громовском кладбище и бывшие на

службе прихожане, всего 160 человек, включая подростков [3: 95–190], [6]. Свой срок в ГУЛАГе владыка избыл до конца, сменяя по воле начальства один концентрационный лагерь на другой. Вишерлаг, Саровлаг, Ветлаг, Севжелдорлаг: о пребывании здесь он написал впоследствии воспоминания, озаглавив их как «Краткое описание десятилетия вне свободы».

«На машине (черный ворон) я был быстро представлен в Шпалерку. Там опять снова обыски. Там я увидел много знакомых. Быстро все были размещены, и я оказался в одиночке. Камера была 6–7 квадратных метров, в ней и уборная, и кран для умывания, отопление центральное.

Я полагаю, что это была какая-то ошибка, не чувствуя за собой никакой вины, и что меня должны через 2–3 дня выпустить, а особенно к воскресенью. Но прошло воскресенье, 5 недель поста, и Вербное пришлось пробовать, думая, неужели мне придется и Пасху быть вне свободы? Да, пришлось быть. <...>

Давно у меня была мысль и желание, чтобы найти время и уединение, чтобы закончить свой пост и затвор пострига. По уставам, после пострига во иночество в особом затворе нужно быть или 40 дней, или 8 дней. 8 дней я отбыл, а за 32 дня считал я себя в долгу. Вот я, обдумав, и понял, что Сам Бог дал мне эти дни для этого. С первого дня начал я по два правила ежедневно молиться, и больше, но, к сожалению, только поклонами и молитвами. Книг никаких у меня не было. Но некоторые дежурные не позволяли молиться. Я им доказывал, что это моя гимнастика. Немало было с ними спора и пререканий. Лестовка и крест были отобраны. Из спичек я сделал крестик и на груди и на рубашке огарком спички написал крестики, а лестовку сделал из полотенца: *оторвал кромку вдоль и навязал узелков 50 штук – это было поллестовки* (здесь и далее курсив мой. – Н. П.). Но это изобретение часто отбирали. От полотенца осталась только ленточка. Но было еще одно полотенце в запасе. <...>

На Страстной, вспоминая все песнопения и чтения, очень было не легко быть лишенным свободы. О, как приятно было в душе пропеть: «Чертог Твой, Спасе, вижу мой украшен...». А в четверг, великий пяток и субботу неописуемо рвалась моя душа и сердце на свободу, но сознавая: а как раньше христиане еще больше терпели. Да, так, видимо, угодно Богу. За всё слава Богу!» [3: 351–352].

Умение отнестись к одиночной тюремной камере как к иноческому затвору – это ли не высшее проявление христианской свободы, дающей человеку возможность в любых условиях сказать: «Слава Богу за всё!» И еще одна особенность привлекает в процитированном отрывке: владыка вспоминает, как он изготовил из обрывков полотенца самодельную лестовку взамен отобранной надсмотрщиками. Точно так же в 1675 году, оказавшись в боровской земляной тюрьме, поступили боярыня Морозова и ее младшая сестра Евдокия Урусова. В Житии боярыни Морозовой, написанном ее родным братом Федором Прокопьевичем Соковниным, читаем такое свидетельство:

«А лествиц, сиречь чоток, не бе у них – и то мучители отняли. И мученицы *навязали пятьдесят узлов ис*

трепци и по тем узлам, аки по небесовосходной лестнице, обе напеременах молитву Богу возсылали» [5: 169].

Без сомнения, епископ Геронтий хорошо знал Житие боярыни Морозовой, и его находчивость, проявившаяся в «навязывании узелков» для самодельной лестовки, скорее всего, ориентировалась на это знание. Но совершенно ясно и то, что здесь мы имеем дело не с литературным влиянием, а с поведенческим стереотипом, зафиксированным обоими текстами, – Житием и Воспоминаниями.

Вернувшись из лагерей в 1942 году, в момент сталинского церковного послабления, продиктованного обстоятельствами войны, владыка Геронтий возглавил Ярославско-Костромскую епархию (после разгрома в 1932 году Ленинградско-Тверская епископия прекратила свое существование: храмы были взорваны, люди рассеяны по лагерям) и одновременно стал исполнять обязанности помощника архиепископа Московского Иринарха, поскольку старообрядческих епископов к тому времени на свободе оставалось только двое. 7 июня 1951 года епископ Геронтий скончался и был погребен на Рогожском кладбище в Москве. Перед смертью владыка Геронтий написал Духовное завещание. Через 40 лет оно было опубликовано в старообрядческом журнале «Церковь»³.

На Руси культура духовных завещаний церковных иерархов ведет свое начало от грамоты митрополита Киевского и всея Руси Киприана (1336–1406)⁴, который за 4 дня до своей кончины «написа грамоту незнаему и странноплепну, яко прощальную» и заповедал прочесть ее «велегласно» при своем погребении. Под влиянием завещания митрополита Киприана развивалась последующая традиция этого жанра: как говорит летописец, «по отшествии сего митрополита и прочии митрополити рустии и доньне, преписывающе сию грамоту, повелевают в преставление свое, в гроб въкладающеся, тако же прочитати в услышание всем»⁵. Помимо завещания митрополита Киприана, до нас дошли духовные завещания митрополита Киевского и всея Руси Фотия (?–1431)⁶, митрополита Московского и всея Руси Макария (ок. 1482–1563)⁷, патриарха Московского и всея Руси Иова (ок. 1525–1607)⁸, патриарха Московского и всея Руси Иоасафа II (?–1672)⁹, митрополита Новгородского, будущего патриарха Московского и всея Руси Питирима (?–1673)¹⁰, митрополита Рязанского и Муромского Илариона (?–1673)¹¹, патриарха Московского и всея Руси Иоакима (1621–1690)¹², патриарха Московского и всея Руси Адриана (1627–1700)¹³.

Анализ названных духовных завещаний показывает, что, при наличии индивидуальных черт, в каждом из них обязательно присутствуют традиционные элементы. Вводная часть начинается с обязательной формулы «Во имя Отца и Сына и Святого Духа» (вариант: «Во имя Свя-

той и Животворящей Троицы»); традиционно также упоминание о том, что автор пишет свое завещание «целым умом», к этому часто прибавляется описание страданий вследствие старости. Обязательной частью древнерусских святительских завещаний было исповедание веры того, кто писал духовную, и испрашивание им прощения собственных прегрешений с одновременным прощением грехов своей пастве [4].

«Во имя Святыя и Живоначальныя Троица. Аз грешный и смиренный Киприян митрополит смотрих, яко постиже мя старость, впадох бо в частыя и различныя болезни, имиже ныне сдержим есмь <...> достойно разсудих, якоже в завещании некая потребная мне отчасти писанием сим изъясвити», –

так начинал свою Духовную митрополит Киприан¹⁴. А вот начало Духовного завещания епископа Геронтия:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Аз, многогрешный и смиренный старообрядческий епископ Геронтий Костромской и Ярославский, проживающий в Москве, Рогожский поселок, д. 40, кв. 89, исполняющий должность помощника Старообрядческого Архиепископа, находясь в здравом уме и твердой памяти 7/20 октября 1950 г. свидетельствую перед Богом, что по добровольному своему желанию написал своею рукою следующее мое к вам духовное завещание. Из имущества у меня есть только святые книги, приобретенные мною, которые все жертвую во св. Покровский храм, что на Рогожском кладбище, в библиотеку св. храма...» [3: 372].

Мы видим, что формуляр начальной части завещания мало изменился со времен митрополита Киприана.

Далее епископ Геронтий сообщает, что к написанию Завещания его подвигло предчувствие близкой смерти:

«Все мы знаем, что нам всем сам Бог завещал через св. прав. Иисуса сына Сирахова, говоря: “Во всех делах твоих помни о конце твоём и во веки веков не согрешай” (кн. Сираха 8, 39). Это значит: всегда будь готов к переходу в загробную жизнь. В течение моей жизни мне неоднократно много приходилось переживать моменты, грозящие прекращению моей жизни, особо были ярко напоминающие смерть. Это было в 1949 году дважды при бывшей моей болезни, и на 15/X – 1950 г. было воспаление легких, температура всю ночь была 39,6 и 40, близок был и конец жизни, да еще и совпал день кончины дорогой старицы Веры Ивановны 7/20 октября, которая в тяжелые переживания приютила меня во свое жилище, не имеющего где главы подклонити. Я и решил в этот день, пока жив, написать это краткое мое духовное вам завещание. Вот, дорогие мои, слезно пишу всем, всем вам, и присутствующим и не присутствующим, это мое духовное предсмертное завещание, мою сердечную к вам просьбу, мой старческий вопль от искренности души и неопишуемой моей к вам любви»¹⁵.

Логичность подобного фрагмента в содержании Духовного завещания епископа Геронтия не освобождает нас от необходимости заметить, что раздел о предсмертных предчувствиях и о старческих страданиях составляет традиционную часть жанра духовного завещания (см. у митрополита Киприана), которую, как видим, не миновал и владыка Геронтий.

Неотъемлемой частью святительского завещания вплоть до начала XVIII века было исповедание веры, своего рода примета «завещательного характера» текста [4]. В Духовном завещании епископа Геронтия таковой раздел отсутствует; однако сохранилось Исповедание веры владыки, принесенное им при рукоположении во епископа, написанное его рукой¹⁶; оно воспроизводит текст Никео-Цареградского Символа веры, и сам факт его наличия при епископской хиротонии XX века говорит о сохранении старообрядческой Церковью древнерусской традиции включать в чин возведения на степени духовной иерархии исповедание веры поставляемого, основанное на полном тексте Символа веры¹⁷.

Просьба автора завещания о прощении его собственных согрешений с одновременным дарованием своего прощения всей пастве составляет неотъемлемую часть содержания духовных грамот. Присутствует этот раздел и у епископа Геронтия:

«Главное же мое завещание следующее: Дорогие иерархи и священнослужители, а также и вы все, дорогие братья и сестры христиане! Обращаюсь ко всем к вам и сердечно первым долгом прошу смиренно у всех вас христианского прощения. Простите меня за все мои грехи, живя в лености и слабости. Простите меня за все мои согрешения словом и делом, волею и неволею. Их было очень и очень много – без числа согреших. Не судите мя и не зазрите мя, – пишу со слезами и прошу всех, всех: во всем простите меня Господа ради. Особо прошу дорогих иерархов, духовных лиц и моего духовного отца, слезно прошу у всех моих грехах, во всех – от юности и до старости, яже по крещении согреших, и яже в сане иерейства, и в сане святительства, и в сане пострига иночества, яже помню и не помню. Слезно пишу моею рукою и каюсь пред Богом и пред вами и всех прошу: простите мя и благословите и помолитесь о мне, многогрешном епископе Геронтии» [3: 372].

Дарование же пастырского прощения в завещании епископа Геронтия облекается в последнее наставление пастве, которое и составляет главное содержание его Духовной.

«Вот, дорогие мои, слезно пишу всем, всем вам, и присутствующим и не присутствующим, это мое духовное предсмертное завещание, мою сердечную к вам просьбу, мой старческий вопль от искренности души и неопишуемой моей к вам любви, прошу и умоляю вас в следующем:

Запишите вы в вашей памяти, во-первых, указанное выше изречение из книги Иисуса сына Сираха (8, 39). Затем умоляю вас всех и прошу: не забывайте данные вами священные обеты при св. крещении. Затем прошу вас: не забывайте две великие заповеди Божии, как и сказано нам во св. Евангелии: “Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею, и всем разумением твоим... и возлюби ближнего твоего, как самого себя” (Матф. 22, 37, 40, зач. 40, зач. 92; Марка 12, 30–31, зач. 56; Луки 10, 29, зач. 23). <...>

Слезно умоляю и сердечно завещаю вам: твердо и неизменно соблюдайте святую правую веру нашу, ибо она есть правая и истинная. Счастливые вы, что пребываете в ней, как и апостол нам заповедал, говоря: “Бодрствуйте, стойте в вере, мужайтесь, утверждайтесь, вся вам лю-

бовию да бывает” (1 Кор. 16, 13–14), – но не забывайте, что при истинной и правой вере нужны и добрые дела, ибо вера без добрых дел мертва (Иаков 2, 20). Помните, дорогие, что мы веруем во св. соборную и апостольскую Церковь, Церковь Христову, и пребываем в той правой старой вере, в которой были св. угодники Божии, почему нас в отличие от других и называют староверами. И мы сохраним те св. предания и старые обряды, в каких пребывали все угодники Божии нашей страны. Вот поэтому нас и называют старообрядцами. Наши предки за нашу св. старую веру и за св. предания и старые обряды терпели неисчислимые гонения, и тысячи их были замучены и пролили свою св. кровь за правое верие Христовой Церкви и сподобились быть причисленными к лику святых угодников Божиих освященными соборами нашей св. Христовой Церкви. Об этом ясно указано и в календарях наших 1946 и 1949 г.

Слезно умоляю, прошу и даю отеческое мое завещание, чтобы в каждой семье был мир и любовь. Чтобы дети почитали родителей своих, сознавая, что если кто хочет быть счастливым и во благополучии, то почитай отца и мать свою, как и говорит 5 заповедь Божия. А родители – не раздражайте чад своих. Основание на это – смотрите Книги премудрости и Притчи Соломоновы и кн. Иисуса Сына Сирахова. Прочитайте их со вниманием, а также и другие св. книги. <...>

Не забывайте праздничных и воскресных дней (выходных), в них непременно нужно приходиться на общую церковную службу – Всенощную и Литургию. В церкви Божией стойте со страхом и в особом благоговении, без разговоров, как на небе. Без окончания службы не уходите из св. храма. На подаяние во св. храм и бедным не скупитесь. А дома ежедневно всегда молитесь утром, и на сон, и днем, а также перед пищею и после пищи, как указано во св. книгах (прочитайте в календарях за 1946 и 1948 гг.).

Молитвы совершайте не спеша, с особым благоговением <...> ибо молитва есть святая беседа с Богом и его святыми, молитва есть возношение ума и сердца к Богу. Не забывайте в молитве: пред кем стоим, кому кланяемся, о чем молимся, сознавая себя смиренно, как грешный мытарь, дабы услышана была ваша молитва, пение и чтение. При молитве нужна лестовка и подручники.

Когда-то писали предсмертное свое духовное завещание преп. Ефрем Сирин (его твор., часть 7, стр. 201–220), преп. Феодора (Четь-миня, сент. 11, стр. 252) и др. лица. Вот и я – повторяю – решил предсмертною своею, кроме бывших моих поучений, собственноручно, слезно написать сие предсмертное мое завещание и прошу за это: не зазрите мя многогрешного. Мое предсмертное духовное завещание есть искренний призыв всех ко спасению души, призыв к Богу, призыв к небу, призыв к небесным обителям».

Напряженное духовное внимание, отразившееся в этом, казалось бы, простом тексте, в высшей степени очевидно. Оно является выражением того животворящего Духа, который, в отличие от буквы, как сказано, животворит, а не мертвит (2 Коринф. 3: 6) и который не позволяет превратиться личному высказыванию в проявление всего лишь омертвелой традиции.

Столь же сильно насыщено животворящим Духом и пожелание «спастись» (удостоиться спасения души), адресованное епископом Геронтием своей пастве.

«Осмеливаюсь обратиться к вам, дорогие святители Божии и все священнослужители, иночествующие

и церковнослужители. Вы хотя и сами хорошо знаете пути спасения, но я слезно и смиренно, по-братски, обращаюсь к вам и умоляю вас о спасении души, слезно зываю к вам:

Спаситесь, сопредстольницы святительства моего, спаситесь все. Прославьте жизнь вашу нашего Всевышнего Бога и св. Церковь. Спаситесь, св. храмы Божии моя епархии и все наши св. храмы нашей св. Христовой Церкви. Спаситесь, и св. трапезы и жертвенники Божии, на нихже аз окаянный многи молитвы сотворях и бескровныя жертвы приносих. Спаситесь, престолы Божии и св. алтари Бога Вышнего, чтобы бескровная жертва была вовеки до второго пришествия Твоего, Христе.

Слезно прошу и умоляю вас и призываю: Спаситесь, все иереи Божии и дьяконы Церкви моя епархии и всея св. Церкви и всея соборные Церкви. Спаситесь, клирицы, чтецы, и певцы, и певицы, и весь священнический и церковный чин, с плачем пророка Иеремия умоляю всех вас, дабы в лице каждого и каждой из вас видеть членов ангелов среднего чина ангельского хора, хора Божия, хора, вечно славящего Бога. О, друзи мои, свято совершайте дело вашего служения, учтите, что вы подобие имущие средних чинов ангельских, учтите, что пение это особо святое дело, особая святая молитва, озаряющая и возжигающая горение христианских сердец, бывающих во св. храме, не гасите этого неоценимого света, этого Божьего дара, Божьего таланта, Божьей славы. Усиленно трудитесь, дабы и вам быть увенчанными от Бога нетленными венцами вечной славы Божьей. Пойте, пойте Богу, пойте разумно, пойте, чтобы пение ваше было угодно и Богу, и Его святым.

Спаситесь, духовные мои чада, сыны и дочери, услышьте последний мой отеческий глас, старческий вопль, голос особо пламенно любящего вас духовного отца. Моя болезнь и забота о вас больше, чем плотского отца о детях своих, ибо Бог за вашу погибель възщет от крови моя, как говорит пророк Иезекииль. О горе мне, ох, увы мне грешному! Пророк Иеремий горько плакал о согрешающих израильтянах. А я должен больше плакать о вас, кто не слушал меня и моих слов поучения. О, кто даст главе моей воду и глазам моим источник слез, и плакал бы я день и ночь о вас, дорогие чада мои, это те, которые погрязли во грехах (Иерем. 9, 1). Утешьте меня, старца, вашим послушанием, избавьте меня вечных наказаний, оботрите слезы плача на очах моих вашим добрым ко мне послушанием и молитвами, дабы я смело мог предстать пред Богом и сказать: «Господи, вот я, вот и дети, сыны и дочери мои!» Я слезно жажду видеть в лице вас наследников и наследниц небесных обителей.

Спаситесь, друзи мои и сродники мои, и весь чин дома моего, и все послужившие и служащие мне, грешному. В лице служащих я видел более и лучше, чем плотских детей. Неисчислимы их труды, неоценимы их переживания и услуги. О, дорогие! Господь сторицею вам воздаст, а я не в силах вас отблагодарить. Вечно обязан молить Бога за вас, жажду, чтобы Господь воздал вам сторицею Его неопикуемыми наградами и Его милостями в вечной жизни.

Спаситесь все, иже во власти сущии и всё христолюбивое воинство, ибо Церковь Божия о вас прежде всех совершает моления, прошения, благодарение за всех человек, дабы была жизнь для всех мирная, тихая и безмятежная во всяком благочестии и чистоте (1 Тим. 2, 1–4).<...>

Спаситесь, вси иночествующие, архимандриты и игумены и игуменши, иноки и инокини, схимники и схимницы и черноризцы, и всякая дающая обеты и имеющие послушание. Умоляю вас: неослабно трудитесь во всяком чине и звании.

Спаситесь, Церковь Божия! О, Господи! Молю Тя, утверди Церковь Твою, укрепи, расшири, умножи, умири и непреобориму адовыми вратами во веки сохрани шатания языческого, от ереси спаси и всяких распрей и раздоров. Силою Святаго Духа соблюди в полном благоверии и чистоте веры».

В этом тексте, поразительном по силе духовной наполненности, проявилось, без какой бы то ни было намеренной архаизации, естественное развитие принципов древнерусской эпидейктики. В органичности такой стилистики в устах владыки Геронтия убеждает стиль других его писаний, в том числе и цитированных выше Воспоминаний. Епископ Геронтий жил погруженным в мир духовных понятий, и в этом, прежде всего, проявляется свойственный его стилю дух древнерусской ментальности. Священное Писание для него – мерило жизни, и потому столь часты в его Завещании открытые и скрытые отсылки к книгам Ветхого и Нового Заветов.

Обратим внимание на следующий, намеренно пропущенный мною при вышеприведенной цитации, фрагмент, чтобы рассмотреть его пристальнее (он следует за обращением к «во власти сущим»):

«Спаситесь, все людие *вернии и невернии*, ибо и об них молимся, как говорится: *иже суть вернии, да будут вернейшии, иже суть неразумливи, Ты, Господи, вразуми их, а неверных обрати, Господи, на христианство* и на спасение. Спаситесь, *все находящиеся в разных бедах и напастех, в темницах, в пленениях, во оковах и во всяких ведомых и неведомых обстоятельствах*. Молю Тя, Господи, о всех их, о их спасении».

Из глубины веков идет церковная мольба о спасении всех людей, «верных и неверных». Впервые на Руси мы сталкиваемся со свидетельством о ней в молитве «за вся крестьяны» основателя Киево-Печерского монастыря преподобного Феодосия Печерского (?–1074):

«Владыко Господи человеколюбче! *Иже суть вернии, Господи, утверди я, да будут вернейши того. Иже суть неразумливи, Ты, Владыко, вразуми я. Иже суть погани, Господи, обрати я на христианство, и ти будут братья наша. Иже суть в темницах, или в оковех, или в нужи, Ты, Господи, избави я от всякой печали. Иже суть в затворех, и в столпех, и в печерах, и в пустыни, братья наша, Ты, Господи, подаждь им крепость к подвигу*»¹⁸.

Вряд ли епископ Геронтий был знаком с молитвой преп. Феодосия Печерского. Скорее всего, в этом случае он опирался на текст иерейской молитвы, известной русским Часословом с древнейших времен («*Иже суть Твои вернии, Господи, утверди я, да будут вернейши того. И яже суть неразумни, да и ти будут разумни. А иже суть погани, обрати я, Господи, да и ти будут братья наша...*») [2: 184, прим. 2]¹⁹, об этом говорит, как нам представляется, косвенная ссылка на эту молитву в его тексте: «...и об них *молимся, как говорится: иже суть вернии, да будут вернейшии...*». Очевидно, к молитвенному тексту

Часовника восходит и молитва преп. Феодосия Печерского. Нам важно отметить, что для старообрядческого архиерея из народа, жившего в XX веке, оставались актуальными нравственные установки русского христианина XI столетия, вербализуемые сходным образом.

Помимо сохранения нравственных тем, обращает на себя внимание сохранение поведенческих стереотипов с их сходной мотивацией. Когда мы слышим, какими словами епископ Геронтий наставляет паству благочинно вести себя в храме: «В церкви Божией стойте *со страхом* и в особом благоговении, без разговоров, как на небе. <...> Не забывайте в молитве: *пред кем стоим, кому кланяемся, о чем молимся*», – на ум приходит другая параллель из Поучения преп. Феодосия Печерского:

«Входяще в церковь <...> с великою боязнию и с *страхом* стати безмолвно при стене <...>. Ангелы бесплотныя видеша пророки поюща и поклоняющася и Богу хвалу воздающе с престоанием. Нам же кацем быти достоин, сподобившимся с ангелы Богу невидимому служити и престоати, от негоже мзды должныа чаем! Ть бо съевсть сердца наша, *кого дела пристоим* в святей церкви»²⁰.

Следует отметить и органичное сохранение в языке епископа Геронтия отдельных элементов речевой стихии старорусского языка: равноправное употребление личного местоимения в форме как «аз», так и «я», вкрапления аориста среди современных глагольных форм («жертвенники Божии, на *нихже аз* окаанныи многи молитвы *сотворях* и бескровныя жертвы *приносих*», «простите мя и благословите»), использование относительных местоимений «иже» и «яже» («все, *иже* во власти сущии», «во всех моих грехах <...> *яже* по крещении *согреших*»).

Непривычным на первый взгляд представляется употребление императивной формы глагола – «спаситесь» – при пожелании спасения души: «*Спаситесь*, сопрестольницы святительства моего, спаситесь все...» Но оно останется таковым только до тех пор, пока мы не вспомним

фразу из Послания «стаду верных» протопopa Аввакума: «*Спаситесь*, светы мои, от рода сего строптиваго и нас в молитвах своих поминайте, а мы о вас должны»²¹. Становится очевидным, что в языке народа вплоть до середины XX века продолжал жить этот словесный оборот, характерный для старорусского языка времен протопopa Аввакума.

К стилистике времен Аввакума отсылает нас и «оханье» епископа Геронтия: «О, горе мне, *ох*, увы мне грешному!» Вспомним Аввакумовские «охи», присутствующие в разных писаниях протопopa: «*Ох, ох, ох* души, отвсюду утеснившейся, моей!»²² или «оханье» княгини Евдокии Урусовой в письмах ее из тюрьмы сыну «Васеньке»: «*Ох*, возлюбленной мой, как не вижу пред очима своима тебя... *Ох*, мой любезной Васенька, не видишь ты моего лица...»²³. Об Аввакуме напоминает и следующая стилистическая конструкция в речи владыки Геронтия, обращенной к его духовным чадам: «Духовные мои чада <...> *Утешийте меня, старца*, вашим послушанием, избавьте меня вечных наказаний, оботрите слезы плача на очах моих». Как близок этот оборот к построению Аввакумовой фразы, адресованной боярыне Морозовой: «Чадо церковное, чадо мое драгое, Федосья Прокопьевна! Провешай мне, *старцу грешну*, един глагол, жива ли ты»²⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заканчивает владыка Геронтий свое Завещание словами: «Всех прошу сугубо молиться за меня. А я – за всех вас». И в этой концовке снова слышится аввакумовская нота. В свое время протопop Аввакум так закончил свое Житие: «Пускай раб-от Христов веселится, чтучи; а мы за чтущих и слушающих станем Бога молить. Как умрем, так оне помянут нас, а мы их там помянем» [5: 106]. Такая переключка через века показывает нам образец живой связи времен, которую старообрядцам удалось не прервать в тяжелых испытаниях истории, опираясь на дух древнерусской литературы после Древней Руси.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
РИБ – Русская историческая библиотека.
РНБ – Российская национальная библиотека (С.-Петербург).
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Библиотека литературы Древней Руси: В 20 т. СПб.: Наука, 1997–2015. Т. 1–19.

² Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство / Сост., вступ. очерк и коммент. В. В. Нехотина, В. Н. Анисимовой, М. Л. Гринберга. М.: Мосты культуры, 2010. С. 51.

³ Духовное завещание епископа Геронтия (Лакомкина) // Церковь. 1992. № 2. С. 12–17. В новейшее время переиздано: [3: 371–378].

⁴ Опубликована: Акты, относящиеся до юридического быта древней России / Изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1857. Т. 1. Стб. 544–547; ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5 (Софийская I летопись). С. 254–256; ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8 (Воскресенская летопись). С. 78–80; ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, ч. 2 (Степенная книга). С. 441–444.

⁵ См.: ПСРЛ. Т. 8 (Воскресенская летопись). С. 80.

⁶ См.: ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6 (Софийская II летопись). С. 144–148; ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, ч. 2 (Степенная книга). С. 483–488.

- ⁷ См.: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1. С. 328–331.
- ⁸ См.: Древняя российская вивлиофика / Изд. Н. Новикова. 2-е изд. М., 1788. Ч. 6. С. 107–125; Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819. Т. 2. № 82. С. 179–186.
- ⁹ См.: Древняя российская вивлиофика. Ч. 6. С. 337–352.
- ¹⁰ См.: ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3 (Краткий летописец Новгородских владык). С. 193–197.
- ¹¹ См.: Историческое обозрение Рязанской епархии. М., 1820. С. 135–140.
- ¹² См.: Древняя российская вивлиофика / Изд. Н. Новикова. 1-е изд. СПб., 1774. Ч. 4. С. 111–113; Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 2. С. 467–477; Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима. СПб., 1879. С. 102–139.
- ¹³ См.: РНБ, Соловецкое собр., № 871/981, конец XVII – начало XVIII века, л. 490–498 об.
- ¹⁴ ПСРЛ. Т. 5. С. 254–255.
- ¹⁵ Там же. С. 373.
- ¹⁶ Факсимиле опубликовано: [7: 202].
- ¹⁷ См.: Павлов А. С. Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1880. Ч. 1 (РИБ. Т. 6). С. 101–110.
- ¹⁸ Поучения и молитва Феодосия Печерского (подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Поньрко) // БЛДР. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 452 (древнейший из дошедших до нас списков молитвы датируется XIII веком, см.: [2: 164, 184]).
- ¹⁹ Древнейший из известных на сегодняшний день списков датируется XIII веком.
- ²⁰ Поучения и молитва Феодосия Печерского. С. 438–440.
- ²¹ Сочинения протопопа Аввакума (подготовка текста и комментарии Н. С. Демковой) // БЛДР. СПб.: Наука, 2013. Т. 17. С. 190.
- ²² Там же. С. 219; см. также: С. 189, 190, 198 и др.
- ²³ Письма Е. П. Урусовой (подготовка текста и комментарии Н. С. Демковой) // БЛДР. СПб., 2013. Т. 17. С. 291–292.
- ²⁴ Сочинения протопопа Аввакума. С. 215.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков В. В. Рогожское книгохранилище и старообрядческие книжники XX в. // Старообрядчество в России (XVII–XX века). М., 2010. Вып. 4. С. 450–456.
2. Еремин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. Л., 1947. Т. 5. С. 159–184.
3. Зонтиков Н. А. Старообрядческий епископ Геронтий (Лакомкин): крестный путь святителя. Кострома, 2015. 384 с.
4. Лилиенфельд Ф., фон. О литературном жанре сочинений Нила Сорского // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 80–98.
5. Поньрко Н. В. Три жития – три жизни. Протопоп Аввакум, инок Епифаний, боярыня Морозова: Тексты, статьи, комментарии. СПб., 2010. 292 с.
6. Шкаровский М. В. Из истории старообрядческой общины Громовского кладбища Санкт-Петербурга // Вестник церковной истории. 2011. № 3–4. С. 219–246; 2012. № 1–2. С. 313–350.
7. Юхименко Е. М. Старообрядчество: История и культура. М., 2016. 852 с.

Поступила в редакцию 03.06.2019

Natalia V. Ponyrko, Doctor of Philology, Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

OLD RUSSIAN LITERATURE AFTER ANCIENT RUS (SPIRITUAL TESTAMENT OF THE OLD BELIEVER BISHOP GERONTIUS (LAKOMKIN))

The article discusses the concept of “Old Russian literature after Ancient Rus”. The material of the spiritual testament of the Old Believer Bishop Gerontius, written in the XX century, shows the deep connections of the Old Believers’ works of the new time with the monuments of Old Russian literature, its motifs, subjects and genres, as well as with its artistic techniques. The spiritual testaments of the Russian church hierarchs from between the XV and the XVII centuries, the prayer texts of Theodosius of the Caves, and the messages of the Archpriest Avvakum are found in the artistic subtext of the testament and sermon of Gerontius. This is a manifestation of the living connection between the Old Believers’ literature and the Russian cultural tradition.

Keywords: Old Russian literature, Old Belief, spiritual testaments of Russian church hierarchs, prayer of Theodosius of the Caves, boyarynya Morozova, Archpriest Avvakum

Cite this article as: Ponyrko N. V. Old Russian literature after Ancient Rus (spiritual testament of the Old Believer Bishop Gerontius (Lakomkin)). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 6 (183). P. 51–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.371

REFERENCES

1. Volkov V. V. Book depository of Rogozhskoe cemetery and Old Believers’ scribes of the XX century. *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XX veka)*. Moscow, 2010. Issue 4. P. 450–456. (In Russ.)
2. Eremin I. P. Literary heritage of Theodosius of the Caves. *TODRL*. Leningrad, 1947. Vol. 5. P. 159–184. (In Russ.)
3. Zontikov N. A. Old Believer Bishop Gerontius (Lakomkin): the suffering path of the hierarch. Kostroma, 2015. 384 p. (In Russ.)
4. Lilienfeld F., von. The literary genre of the works by Nilus of Sora. *TODRL*. Moscow, Leningrad, 1962. Vol. 18. P. 80–98. (In Russ.)
5. Ponyrko N. V. Three lives of saints – three human lives. Archpriest Avvakum, Epiphanius the Monk, boyarynya Morozova: Texts, articles, comments. St. Petersburg, 2010. 292 p. (In Russ.)
6. Shkarovskij M. V. The history of the Old Believers’ community of Gromovskoe cemetery in St. Petersburg. *Vestnik tserkovnoy istorii*. 2011. No 3–4. P. 219–246; 2012. No 1–2. P. 313–350. (In Russ.)
7. Yuhimenko E. M. Old Belief: History and culture. Moscow, 2016. 852 p. (In Russ.)

Received: 3 June, 2019

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА ГУРЬЯНОВА

доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора археографии и источниковедения
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Российская Федерация)
gurian@academ.org

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ В ИЗУЧЕНИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА

Характеризуются подходы к изучению старообрядчества, которые позволяют найти объяснение его многовекового существования в противостоянии с официальной Церковью и причин его привлекательности для населения. Актуальность темы обусловлена необходимостью не только дополнить, но и углубить представления о расколе в Русской церкви, причинах возникновения оппозиции и успешных действиях против реформы, начатой патриархом Никоном, а также быстрого превращения ее в широкое религиозно-общественное движение. Обращено внимание на работы современных исследователей, посвященные изучению творческого наследия Сергия Шелонина, что позволило по-новому представить ранний этап формирования оппозиции церковной реформе и сделать вывод о перспективности расширения источниковой базы для изучения старообрядчества. Расширение источниковой базы, научная публикация памятников письменности, созданных в старообрядческой среде, их анализ с применением современных междисциплинарных подходов – весьма перспективный путь, в чем убеждают работы Е. М. Юхименко. Этот путь дает возможность объективно оценить удивительную способность этого религиозно-общественного движения адаптироваться к изменяющимся условиям жизни, сохранять привлекательность пропагандируемых идей не только для адептов, но и для новых членов.

Ключевые слова: старообрядчество, согласия, традиционализм, книжная культура, «канон священных текстов», духовная жизнь общин

Для цитирования: Гурьянова Н. С. О некоторых итогах и перспективах в изучении старообрядчества // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 58–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.372

ВВЕДЕНИЕ

Старообрядчество в качестве религиозно-общественного движения уже более века находится в центре исследовательского внимания ученых различных направлений гуманитарного знания. Профессора богословия, философы, историки, филологи, психологи пытались найти объяснение быстрого превращения внутрицерковной оппозиции в широкое движение и его длительного существования в противостоянии с официальной Церковью и светской властью. До настоящего времени проблема удивительной способности старообрядчества сохранять привлекательность идей для населения, а также адаптироваться к изменяющимся условиям окружающего мира продолжает интересовать исследователей.

Старообрядцы сумели сохранить верность принципам, которые были сформулированы первым поколением противников церковной реформы, начатой патриархом Никоном. Они справедливо считаются традиционалистами, поскольку основополагающим для них стал принцип следования старине. Привлекательность движения для населения и длительность его существования не могут быть объяснены консерватизмом идеологических постулатов движения. Распространение в народе популярных идей, обеспечивающих пополнение рядов сторонников, сле-

дует искать в богатстве духовной жизни общин, которая была обусловлена высочайшим уровнем книжной культуры защитников старого обряда. Представители этого религиозно-общественного движения оставили уникальную источниковую базу, позволяющую получить представление об идеологии, религиозной и бытовой жизни его участников.

Уже исследователи XIX века осознали, что, особенно после разделения на поповское и беспоповское направления, необходимо изучать не движение в целом, а по самостоятельным или родственным согласиям. Они обратились к памятникам письменности, написанным в защиту отстаиваемой точки зрения на обряд и богослужебную практику перед лицом официальной Церкви, а также в полемике внутри согласия или в дискуссиях с другими. Публикация этих текстов стала важным этапом в изучении старообрядчества, поскольку в них проступала напряженность духовных исканий авторов, попытки найти ими ответы на сложные богословские вопросы, решить проблемы религиозной и бытовой жизни общин.

История изучения старообрядчества достаточно хорошо освещена во введениях к монографиям по теме, а также в специальных историографических исследованиях (см., например:

[3], [4], [5], [10]). Особо следует отметить две статьи американского русиста Р. О. Крамми, исследовательские работы которого по истории старообрядчества давно стали классикой. В статье «Старообрядчество как народная религия: Новые подходы» были обозначены перспективные пути изучения этого религиозно-общественного движения с использованием современного методологического инструментария [19]. В статье «Прошлые и современные интерпретации староверия» был представлен взгляд западного ученого на процесс изучения старообрядчества [20]. В последнее время возобновился интерес к проблеме раскола в Русской церкви, к истории старообрядчества, формированию идеологии согласий, религиозной жизни общин, их участию в российских модернизационных процессах, а главное, в сохранении национальных культурных традиций.

Разумеется, это обусловлено наличием уникальной источниковой базы, опубликованной во второй половине XIX – XX веках, а также дошедшей до нас в рукописях, хранящихся в государственных и частных собраниях, в том числе и в общинных библиотеках. Не менее значимым для исследователей является наличие очагов, в которых продолжалась активная религиозная жизнь, несмотря на преследования, а в последнее время этому способствовал факт возрождения функционирования центров согласий. В научном плане столь частое обращение к теме старообрядчества вполне объясняется необходимостью углубить наши представления об этом религиозно-общественном движении, применяя новые подходы для решения научных проблем, которые появились благодаря последствиям методологических поворотов в исследованиях гуманитариев в конце XX – начале XXI века¹.

Много уже сделано на этом пути. Важно определить, в каком направлении следует двигаться в изучении старообрядчества, чтобы не только дополнить классические исследования отечественных и западных ученых решением частных вопросов, но и попытаться по-новому подойти к анализу письменных источников, в которых нашли отражение процесс оформления идеологии движения, интенсивная духовная жизнь общин, книжная и художественная культура защитников старого обряда. Речь идет не только об анализе уже известных памятников письменности, но и о необходимости расширения источниковой базы. Все это позволит углубить наши представления об этом религиозно-общественном движении, приблизиться к пониманию феномена старообрядчества.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ СЕРГИЯ ШЕЛОНИНА

Современные исследователи сделали много в этом направлении, продолжив введение в науч-

ный оборот новых памятников письменности, осуществив их научные публикации, сопровождаемые анализом с применением современных методов интерпретации текстов. В качестве примера, в котором исследователи продемонстрировали подобный подход и получили соответствующие результаты, можно указать на работы О. В. Панченко и О. С. Сапожникова. Три статьи О. В. Панченко посвящены введению в научный оборот новых письменных источников по истории Соловецкого восстания. Открытое и длительное противостояние царским войскам всегда было в центре внимания исследователей. О. В. Панченко сумел дополнить наши представления об этом событии, обнаружив неизвестные ранее памятники соловецкой книжности. Научные публикации этих текстов предварены введениями, в которых представлен профессиональный анализ содержания и охарактеризованы их возможности в качестве исторических источников. Такое сочетание делает выводы автора убедительными и открывает перспективы для использования этих текстов другими исследователями [6], [7], [8]. Подобным образом О. В. Панченко осуществил научную публикацию памятника исторической мысли XVII века – Хронографа особого состава Сергия Шелонина [9]. Во вводной статье автор привел веские аргументы в пользу самостоятельности и ценности этого историографического труда соловецкого книжника, который ранее рассматривался только в качестве литературного «конвоя» его знаменитого Азбуковника. При этом сделал совершенно справедливое замечание, что 15 исторических статей, присоединенных к Хронографу, которые представляют собой выписки из разных памятников исторического содержания, составляют с его текстом единое целое [9: 363]. Далее О. В. Панченко дал научное описание сборника, включая подробную роспись содержания [9: 364–369], охарактеризовал литературные источники Хронографа, указал конкретные рукописи Соловецкой библиотеки, которые были использованы Сергием [9: 370–374]. Детальный исследовательский комментарий текста Хронографа, явившийся результатом включения его в контекст современных исторических сочинений с характеристикой авторских приемов соловецкого книжника, особенностей повествования, позволил показать ценность этого историографического труда для изучения исторической мысли XVII века, а также формирования основ идеологии будущего религиозно-общественного движения [9: 374–392].

Весомый вклад в углубление изучения творческого наследия русского книжника XVII века Сергия Шелонина внесла О. С. Сапожникова. В монографии «Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. Редакторская деятельность» она

обратилась к уточнению биографии и провела работу по выявлению круга рукописей, связанных с именем Сергия Шелонина [12]. Разыскания О. С. Сапожниковой подтвердили высказываемое ранее исследователями мнение о влиянии Сергия на формирование оппозиционных настроений в Соловецком монастыре по отношению к реформе в Русской церкви, начатой патриархом Никоном. Более того, в монографии благодаря тщательному, профессиональному анализу текстов рукописей, связанных с именем Сергия, сделан убедительный вывод о том, что именно он заложил основы для формирования платформы из фрагментов текстов, которые будут служить аргументами при доказательстве незаконности нововведений в обряд и богослужебную практику Русской церкви. Автор сумела значительно расширить круг привлекаемых для этого источников.

Обращение современных исследователей к углубленному изучению творческого наследия Сергия Шелонина позволило внести существенное уточнение в наши представления о начальном этапе религиозно-общественного движения. Соловецкий книжник охарактеризован не только как вершина древнерусской учености, но и как представитель того слоя противников церковной реформы, которые своими трудами заложили основы идеологии движения и обусловили высочайший уровень книжной культуры старообрядцев.

ИССЛЕДОВАНИЯ Е. М. ЮХИМЕНКО

Труды другого современного исследователя, Елены Михайловны Юхименко, посвящены изучению научных проблем, связанных с историей существования религиозно-общественного движения в широком хронологическом диапазоне – от начального этапа до современности. Ее фундаментальные работы и многочисленные статьи по истории Выговской поморской пустыни и других центров старообрядчества, опирающиеся не только на анализ известных памятников письменности, но и на вновь введенные ею в научный оборот, внесли существенный вклад в углубление наших представлений об этом движении [14], [16], [17]. Несомненной заслугой Е. М. Юхименко является осуществленная ею научная публикация значительного количества письменных источников [1], [13], [15].

Не менее значимы для определения новых подходов к изучению старообрядчества пять выпусков сборников научных статей «Старообрядчество в России (XVII–XX вв.)», издание которых осуществлено Е. М. Юхименко начиная с 1994 года. Выступая ответственным редактором, составителем и автором, она сумела, включая статьи историков, филологов, экономистов, искусствоведов, специалистов по рукописной и старопечатной книге, показать перспективность и необходимость междисциплинарного подхода

для решения научных проблем изучения этого религиозно-общественного движения. В монографии «Старообрядчество: История и культура» Е. М. Юхименко обобщила результаты многолетнего исследования сложного религиозно-общественного движения, каковым является старообрядчество. В работе, благодаря использованию значительного количества документальных источников, как известных ранее науке, так и вновь введенных в научный оборот, их высоко профессиональному анализу с использованием современных методов, автору удалось представить историю старообрядческих центров. Убедительно показан процесс образования центров распространения старообрядчества, разделения его на два направления – поповское и беспоповское, в которых стали формироваться самостоятельные согласия. Е. М. Юхименко сумела охарактеризовать основные центры старообрядчества двух направлений и показать их роль в распространении учения и в формировании идеологии движения. Все рассуждения, заключения и выводы сопровождаются не только ссылками на источники, цитированием важных фрагментов, но и иллюстрациями, в которых воспроизведено изображение документа или материала, способного передать дух эпохи. Особый раздел монографии посвящен анализу дискуссионных вопросов истории старообрядчества. Е. М. Юхименко вносит определенный вклад в их решение, представив новые документальные свидетельства, в которых опровергаются существующие мифы, показана реальная судьба центров согласий, старообрядческих общин перед и после революции 1917 года. Все это сопровождается большим количеством иллюстративного материала [18].

Разумеется, ряд исследователей, определивших направление поиска путей для новых подходов к изучению старообрядчества, можно продолжить. Объем статьи позволил только обозначить этот процесс, сосредоточив внимание на весьма перспективном курсе. Обращение к творческому наследию Сергия Шелонина, выявление новых рукописей, документальных свидетельств и анализ их с применением современных методов позволили петербургским исследователям по-новому представить ранний этап формирования оппозиции церковной реформе, начатой патриархом Никоном. Еще более убеждают в правильности такого подхода работы Е. М. Юхименко, посвященные изучению старообрядческого движения в целом. Предпринятые ею научные издания значительного количества памятников письменности, как известных ранее, так и вновь вводимых ею в оборот, их профессиональный анализ, исследовательские статьи и монографии позволили прояснить даже известные события из истории старообрядческого движения, показать богатство духовной жизни общин. Естественно, особое внимание при этом

обращено на сохранение защитниками старого обряда национальных традиций, но не менее важным представлена и способность их адаптироваться к изменяющимся условиям жизни. Такой подход к изучению старообрядчества дает возможность приблизиться к объяснению его многовекового существования в качестве общественно-религиозного движения, пережившего периоды жестоких гонений, преследований Церковью и светской властью. Принцип следования национальным традициям в религиозной жизни, провозглашенный в качестве основополагающего первым поколением противников церковной реформы, несомненно, сыграл свою роль в превращении оппозиции в широкое религиозно-общественное движение. Разыскания оппозицией аргументов в виде фрагментов текстов, найденных в старинных рукописях и старопечатных книгах, в пользу своей точки зрения закончилось формированием, как точно обозначил этот фонд Р. О. Крамми, «канона священных текстов» [19].

ЗАЩИТНИКИ СТАРОГО ОБРЯДА И КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

Иноки Соловецкого монастыря начали поистине свидетельств о незаконности нововведений в обряд и богослужебную практику Русской церкви с первых шагов патриарха Никона. Они во многом определили круг авторитетных книг и рукописей, обеспечили высочайший уровень книжной культуры при оформлении найденных выписок в защиту отстаиваемой точки зрения и представили их безусловно авторитетными для оппонентов. В следующем столетии защитники старого обряда сумели не только использовать отобранные ранее фрагменты, но и значительно увеличить их количество, расширить круг исходных текстов, а также дополнить вполне научными для того времени методами работы с памятниками письменности.

Богатство духовной жизни общин и привлекательность идей, сформулированных лидерами движения, вполне объясняются высочайшим уровнем книжной культуры, которая была унаследована от первого поколения противников церковной реформы и стала характерной чертой для центров согласий. Это было обусловлено необходимостью защищать перед лицом официальной Церкви право оставаться в оппозиции к новшествам, а после образования самостоятельных согласий, оформления их идеологии не менее бурные дискуссии развернулись по вопросам религиозной и бытовой жизни внутри движения. Все это стимулировало повышать уровень книжной культуры, дополнив его вполне научными методами работы с памятниками письменности, которые старообрядцы освоили на целое столетие раньше официальной науки². Разумеется, речь идет не об освоении каждым членом общины текстов рукописей и старопечатных книг,

привлекаемых в качестве аргументов при доказательстве отстаиваемой точки зрения на новшества, введенные в обряд и богослужебную практику Русской церкви, а только об использовании в сочинениях и в дискуссиях «канона священных текстов». В его формировании приняли участие многие поколения защитников старого обряда. Его составили фрагменты из Священного Писания, святоотеческого предания, авторитетных рукописей и старопечатных книг.

Рукописные сборники давали возможность не только сохранить уже отобранные цитаты, но и увеличить их количество, а также круг используемых рукописей и старопечатных книг. Каждый фрагмент копировался с точным указанием на исходный текст, и приводились свидетельства о его авторитетности. Состав этого фонда текстов постоянно увеличивался, но основа, отобранная первым поколением противников реформы, сохранялась. Соловецкими иноками в круг авторитетных текстов были включены издания Московского печатного двора первой половины XVII века, в которых нашла отражение ориентация Русской церкви на творческое наследие Киевской митрополии. В период оформления идеологии вновь образованных согласий эти тексты стали важными аргументами в пользу отстаиваемой точки зрения. Постепенно отобранные несколькими поколениями старообрядцев выписки стали обозначаться в качестве «священных текстов» и восприниматься как «Божественное Писание». Основа «канона священных текстов» была общей для всего движения, отличаясь только внесенными дополнениями, отражающими особенности религиозной жизни направления, согласия или общины. Опираясь на эти цитаты, старообрядцы отстаивали свою точку зрения на обряд и богослужебную практику перед лицом представителей официальной Церкви, а также излагали основы идеологии, предлагали решение дискуссионных вопросов религиозной и бытовой жизни внутри движения. С этими текстами все члены сообщества знакомились в письменной или устной форме. Это позволяло принимать участие в обсуждении актуальных вопросов религиозной и бытовой жизни не только лидерам, но и рядовым членам общин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Особенностью старообрядчества как религиозно-общественного движения было осознание каждым его членом возможности обращаться к текстам Священного Писания с целью прояснить смысл, то есть предложить толкование отдельного фрагмента или какого-либо религиозного постулата. Этим обстоятельством следует объяснить уникальность источниковой базы, в которой нашла отражение интенсивность духовной жизни общин, поскольку сохранилось большое количество памятников письменности

с изложением авторами своей точки зрения на актуальные вопросы религиозной жизни, политических взглядов и социальных чаяний.

Все это делает изучение старообрядчества привлекательным для гуманитариев, поскольку обеспечивает ученых источниками для решения актуальных научных проблем на современном методологическом уровне с применением междисциплинарных подходов. Отметив огромное количество опубликованных в России и за рубежом монографий и статей, посвященных исследованию старообрядчества, в статье созна-

тельно обращено внимание на характеристику некоторых современных работ, чтобы продемонстрировать перспективность реализованного авторами подхода. Введение в оборот новых памятников письменности, их научное издание и анализ дают возможность если не объяснить, то более объективно оценить удивительную способность этого религиозно-общественного движения адаптироваться к изменяющимся условиям жизни, сохранять привлекательность пропагандируемых идей не только для адептов, но и для новых членов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О последствиях методологических поворотов в историографии см.: [11].

² Об этом подробно см.: [2: 22–44]; Дружинин В. Г. Поморские палеографы начала XVIII столетия. Пг.: 9-я Гос. тип., 1921. 66 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Под. ред. Д. С. Лихачева и др. Т. 19: XVIII век / [Подгот. текстов и коммент. Е. М. Юхименко]. СПб.: Наука, 2015. 851 с.
2. Козлов В. П. Тайны фальсификации. 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 1996. 272 с.
3. Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества: возникновение и эволюция (вторая половина XVII – начало XX в.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2011. 180 с.
4. Молзинский В. В. Очерки русской дореволюционной историографии старообрядчества. СПб.: СПбГУКИ, 2001. 304 с.
5. Молзинский В. В. Старообрядческое движение второй половины XVII века в русской научно-исторической литературе. СПб.: СПбГАК, 1997. 240 с.
6. Панченко О. В. «Сказание о чудесах и явлениях преподобного отца Сумского нового чудотворца» // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 473–482.
7. Панченко О. В. Соловецкие повести о «видениях» 1668 г. // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 465–472.
8. Панченко О. В. Соловецкий сборник Повестей о чудесах и знамениях 1662–1663 гг. // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 444–464.
9. Панченко О. В. Хронограф Сергия Шелонина // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря / Отв. ред. О. В. Панченко. СПб.: Наука, 2010. С. 361–512.
10. Пушкарев С. Историография старообрядчества // Журнал Московской Патриархии. 1998. № 7. С. 62–72.
11. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с.
12. Сапожникова О. С. Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 560 с.
13. Семен Денисов. История об отцах и страдальцах соловецких: Лицевой список из собрания Ф. Ф. Мазурина / Изд. подгот. Н. В. Понырko и Е. М. Юхименко. М.: Языки славянской культуры, 2002. 272 с.
14. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература: [В 2 т.] / Науч. ред. Н. В. Понырko. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. 544 с.; Т. 2. 480 с.
15. Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития: [В 2 т.]. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 1. 688 с.; Т. 2. 568 с.
16. Юхименко Е. М. Поморское старование в Москве и храм в Токмаковом переулке. М.: [б. и.], 2008. 168 с.
17. Юхименко Е. М. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. М.: Языки славянской культуры, 2005. 238 с.; 2-е изд. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 280 с.
18. Юхименко Е. М. Старообрядчество: История и культура. М.: Криница, 2016. 852 с.
19. Grumey R. O. Old Belief as Popular Religion: New Approaches // Slavic Review. 1993. No 52. P. 700–712.
20. Grumey R. O. Past and Current Interpretations of the Old Belief // Russian Dissident Old Believers 1650–1950. (G. V. Michels and R. L. Nichols, Eds.). Minnesota: Minnesota Press, 2009. P. 39–51. (Minnesota Mediterranean and East European Monographs, No 19).

Поступила в редакцию 18.06.2019

Natalia S. Gurianova, Doctor of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

SOME RESULTS AND PROSPECTS IN THE STUDY OF THE OLD BELIEVERS

The article characterizes the approaches to the study of Old Belief which will enable to find an explanation of its centuries-old existence in opposition to the official church, as well as its appeal for ordinary people. The relevance of the topic is due to the need not only to complement, but also to deepen our understanding of the schism in the Russian Orthodox Church, the genesis of the opposition and successful actions against the reform of Patriarch Nikon, as well as its rapid transformation into a broad religious and social

movement. The article focuses on the works of modern researchers studying the creative legacy of Sergius Shelonin. This led to the conclusion about the potential of expanding the set of sources for the study of the Old Believers. The works of E. M. Yukhimenko also convinced us that the expansion of the set of sources, academic publishing of texts written by the Old Believers, and their analysis using modern interdisciplinary approaches would be very promising. This approach makes it possible to estimate, if not explain, more objectively the amazing ability of this religious and social movement to adapt to changing conditions of life and to preserve the attractiveness of the propagated ideas not only for its adherents, but also for new members.

Keywords: Old Belief, community, traditionalism, literary culture, “canon of sacred texts”, the spiritual life of communities

Cite this article as: Gurianova N. S. Some results and prospects in the study of the Old Believers. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 6 (183). P. 58–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.372

REFERENCES

1. Library of literature of Old Russia. (D. S. Likhachyov et al., Ed.). Vol. 19: XVIII century. (E. M. Yukhimenko, Prep., Comm.). St. Petersburg, 2015. 851 p. (In Russ.)
2. Kozlov V. P. Secrets of falsification. 2nd ed. Moscow, 1996. 272 p. (In Russ.)
3. Kuzoro K. A. Ecclesiastical historiography of Old Belief: origin and evolution (second half of the XVII – the early XX centuries). Tomsk, 2011. 180 p. (In Russ.)
4. Molzinskiy V. V. Essays on the Russian pre-revolutionary historiography of Old Belief. St. Petersburg, 2001. 304 p. (In Russ.)
5. Mozlinskiy V. V. The Old Believers movement of the late XVII century in Russian scientific historical literature. St. Petersburg, 1997. 240 p. (In Russ.)
6. Panchenko O. V. “Tale of miracles and visitations of the Reverend Father and wonder-worker of Suma”. *Centers of book production in Old Russia: The Solovetsky Monastery*. St. Petersburg, 2001. P. 473–482. (In Russ.)
7. Panchenko O. V. Solovetsky tales of “visions” in 1668. *Centers of book production in Old Russia: The Solovetsky Monastery*. St. Petersburg, 2001. P. 465–472. (In Russ.)
8. Panchenko O. V. Solovetsky miscellany of tales of miracles and signs in 1662–1663. *Centers of book production in Old Russia: The Solovetsky Monastery*. St. Petersburg, 2001. P. 444–464. (In Russ.)
9. Panchenko O. V. Chronograph of Sergius Shelonin. *Centers of book production in Old Russia: Book heritage of the Solovetsky Monastery*. (O. V. Panchenko, Ed.). St. Petersburg, 2010. P. 361–512. (In Russ.)
10. Pushkarev S. Historiography of Old Belief. *Zhurnal Moskovskoy Eparkhii*. 1998. No 7. P. 62–72. (In Russ.)
11. Repina L. P. Historical science at the turn of the XX and XXI centuries: social theories and historiographical practice. Moscow, 2011. 560 p. (In Russ.)
12. Sapozhnikova O. S. Russian scribe of the XVII century Sergius Shelonin. Editorial work. Moscow, St. Petersburg, 2010. 560 p. (In Russ.)
13. Simeon Denisov. Fathers of the Solovetsky Monastery and their sufferings: Illustrated copy from the collection of F. F. Mazurin. (N. V. Ponyrko and E. M. Yukhimenko, Prep.). Moscow, 2002. 272 p. (In Russ.)
14. Yukhimenko E. M. The Vyg Old Believers’ Monastery: Spiritual Life and literature. In 2 vols. (N. V. Ponyrko, Ed.). Moscow, 2002. Vol. 1. 544 p.; Vol. 2. 480 p. (In Russ.)
15. Yukhimenko E. M. Literary heritage of the Vyg Old Believers’ Community. In 2 vols. (N. V. Ponyrko, Ed.) Moscow, 2008. Vol. 1. 688 p.; Vol. 2. 568 p. (In Russ.)
16. Yukhimenko E. M. Pomor Old Belief in Moscow and the church in Tokmakov Lane. Moscow, 2008. 168 p. (In Russ.)
17. Yukhimenko E. M. Old Believers’ Center behind the Rogozhskaya Outpost. Moscow, 2005. 238 p.; 2nd ed. Moscow, 2012. 280 p. (In Russ.)
18. Yukhimenko E. M. Old Belief: History and culture. Moscow, 2016. 852 p. (In Russ.)
19. Crumme R. O. Old Belief as popular religion: New approaches. *Slavic Review*. 1993. No 52. P. 700–712.
20. Crumme R. O. Past and current interpretations of the Old Belief. *Russian dissident Old Believers 1650–1950*. (G. B. Michels and R. L. Nichols, Eds.). Minnesota, 2009. P. 39–51. (Minnesota Mediterranean and East European Monographs, No 19).

Received: 18 June, 2019

АЦУО НАКАДЗАВА

PhD in Philology, почетный профессор гуманитарного факультета
Государственный университет города Тояма (Тояма, Япония)
nakazawa820@nifty.com

ИДЗУМИ МИЯДЗАКИ

PhD in Language and Culture, доцент факультета международного бизнеса
Государственный технологический институт, Тояма колледж (Тояма, Япония)
i-miyazaki@nc-toyama.ac.jp

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА В ЯПОНИИ: ТРАДИЦИОННЫЕ ТЕМЫ И НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена истории изучения русского старообрядчества в Японии с самого начала (60–70-е годы XX века) до наших дней. Авторы излагают традиционные задачи и методы японских специалистов в разных научных дисциплинах (историков, этнографов, литературоведов, искусствоведов и др.), представляют некоторые результаты комплексных исследований, проведенных в наше время, знакомят читателей с основными темами и направлениями в изучении старообрядчества. Особое внимание уделено сотрудничеству японских исследователей с иностранными коллегами в организации экспедиций, конференций и издании книг. Представлены подробные библиографические данные.

Ключевые слова: старообрядчество, исследования в Японии, Восточная Азия, переселенцы-староверы, эмиграция

Для цитирования: Накадзава А., Миядзаки И. Изучение русского старообрядчества в Японии: традиционные темы и новые исследования // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 64–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.373

ВВЕДЕНИЕ

Из исторических источников мы знаем, что японцы уже давно имели контакты с русскими старообрядцами. В 1898 году три старовера-казака, в поисках легендарного Беловодья, добрались с Урала до «Опоньского царства» и посетили г. Нагасаки. Другие путешественники-староверы приехали из Владивостока на остров Хоккайдо в 1910 году. Имеется свидетельство о том, что в 1910–1920-е годы отдельные старообрядческие семьи переселились на южную оконечность острова Хоккайдо и некоторые время устраивали здесь свою жизнь [9: 94–101 (статья «Староверы в Японии»), 102–112 (статья «Староверы Южного Сахалина)]. Однако эти контакты, будучи случайными и непостоянными, не оставляли у японцев никаких представлений о православных христианах, сохранивших старую веру в России.

Японцы сравнительно недавно познакомились со словом «раскольников», или «староверы». Представление о старообрядцах они получили, прежде всего, из произведений русской классической литературы, которые пользовались популярностью в японских читательских кругах в 30-е – 70-е годы XX века. На японский язык переведен ряд произведений, в которых большое внимание уделено старообрядчеству: «Запечатленный ангел» Н. С. Лескова, «Казаки» Л. Н. Толстого, «Тихий Дон» М. А. Шолохова, «Великий Ван» Н. А. Байкова и др. По этим сочинениям японские читатели имеют возможность знакомиться

со сложным и богатым духовным миром русского христианства. На японский язык переведены также сочинения Ф. М. Достоевского. Литературоведы Японии, изучающие творчество этого великого писателя, показали японскому читателю, насколько в решении проблемы духовных ценностей для него была важна старообрядческая тематика (некоторые персонажи в произведениях Ф. М. Достоевского имеют старообрядческие корни) [12]¹.

ПЕРЕВОД СТАРООБРЯДЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ НА ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК

Помимо ознакомления со старообрядчеством через русскую художественную литературу XIX–XX веков, с 1960-х годов филологи Японии стали заниматься переводом на японский старообрядческих сочинений второй половины XVII – начала XVIII века. В 1966 году Сигэо Мацуи опубликовал свой перевод «Жития протопопа Аввакума» в журнале «Slavic Studies» (университет Хоккайдо)². Ёсикадзу Накамура начал изучение древнерусской литературы также с перевода «Жития протопопа Аввакума» на японский язык. В ходе этой работы он установил дружбу с выдающимся исследователем русской рукописной книжности и основателем Древлехранилища ИРЛИ (Пушкинского Дома) В. И. Малышевым [10]. Выполненный Ёсикадзу Накамура перевод Жития был опубликован в составе книги «Хрестоматия древнерусской литературы»

(1970)³. Один из авторов настоящей статьи, Ацуо Накадзава, перевел текст Жития в Пустозерском сборнике на японский язык в своей магистерской диссертации (1986). Он также опубликовал статьи о стилистике и символике в «Житии протопопа Аввакума» [6], [7], [8]. Другое значимое для ранней старообрядческой литературы произведение – «Житие боярыни Морозовой» – стало доступно японскому читателю благодаря переводу Юкико Маруяма⁴.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ряд статей о русском старообрядчестве («раскольничестве», по его терминологии) в 1970–1980-е годы опубликовал на японском языке Хитоси Ясумура – профессор университета Тюкё. Он уделит внимание историческим лицам и идейным направлениям оппозиционных партий эпохи церковной реформы второй половины XVII века⁵.

В 1980-е годы у профессора Ёсикадзу Накамура круг интересов в области русского старообрядчества значительно расширился. Он стал заниматься изучением историко-культурного наследия староверов XVII–XIX веков; в его поле зрения вошли легенда о невидимом граде Китеже, утопические образы легендарной страны Беловодье, их связь с Японией, история казаков-некрасовцев XVIII–XX веков, их утопические предания, тяжелая судьба московских старообрядцев XIX века. Итогом этих неустанных трудов стала публикация в 1990 году его книги «В поисках святой Руси: утопические предания старообрядцев»⁶. Эта работа пользовалась большой популярностью у японских читателей; в том же году автора наградили авторитетной премией «Осараги Дзиро» за лучшую книгу года по гуманитарным наукам в Японии.

После издания данной монографии Ё. Накамура заинтересовался историей переселения староверов в восточную часть России и их эмиграции в страны Восточной Азии в конце XIX – начале XX века. В архивах и библиотеках он обнаружил много новых материалов по истории, этнографии и фольклору старообрядцев-переселенцев, бежавших из центральной части России и из Сибири в Маньчжурию, Японию и на Сахалин, но при этом сохранивших вдали от родины традиционный уклад жизни. В это же время исследователь принимал участие в международных конференциях по старообрядческой тематике в Новосибирске (1992), Цехановце (1993), Тулче (1994), Владивостоке (1996), Имарте (1997), пос. Эрие в штате Орегон США (1999) и других местах, где выступал с докладами об истории староверов-переселенцев в Восточной Азии. Статьи, написанные на основе этих докладов, были опубликованы в сборнике его научных работ «Незримые мосты через Японское море» [9: 113–124]⁷. Итоговым трудом по этой тематике стал фотоальбом

«Дни в Романовке» (2012), составленный совместно с российскими и американскими коллегами и включающий более ста фотографий, на которых зафиксированы разнообразные аспекты жизни беженцев-часовенных в Маньчжурии на рубеже 1930–1940-х годов⁸.

Ацуо Накадзава принял участие в археографической экспедиции Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) 2001 года на Северную Двину. В ходе этой поездки было собрано много рукописей, которые составили собрание Н. С. Бурмагиной в Древлехранилище им. В. И. Малышева в Пушкинском Доме [1].

Указанные исследования Ё. Накамура, сформулированные им задачи и предложенные подходы во многом определили направление дальнейшего изучения старообрядчества в Японии. Хидэаки Сакамото, профессор университета Тэнри, также занимался историко-этнографическим исследованием старообрядческих переселенцев и эмигрантов. Он организовал экспедиции на Дальний Восток России, в США (штат Орегон), Австралию (Сидней и Мельбурн), Украину (Белая Криница), неоднократно совершал поездки в Маньчжурию и Трехречье, где обосновались бежавшие из СССР староверы-часовенные. В результате многолетней работы с полевым и архивным материалом он подготовил и издал две книги на японском языке: брошюру «Старообрядцы села Романовка в Маньчжурии» (совместно с Нахо Игауэ) (2007)⁹ и монографию «Общество и жизнь русских переселенцев в Маньчжурии. Их контакты и взаимоотношения с японцами» (2013)¹⁰.

ЯПОНСКОЕ ОБЩЕСТВО ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ СТАРООБРЯДЧЕСТВА (ЯОИС)

Х. Сакамото внес важный вклад в организацию исследований японских специалистов. В 2012 году по его инициативе было создано Японское общество исследователей старообрядчества (ЯОИС), объединившее более тридцати японских специалистов в разных отраслях науки, интересующихся русским старообрядчеством: историков, филологов, фольклористов, искусствоведов, музыковедов и даже социологов и политологов. Общество было организовано, прежде всего, с целью содействовать сотрудничеству в научной работе и расширять обмен информацией не только между японскими, но и иностранными исследователями. Члены ЯОИС создали свой интернет-сайт и решили каждый год проводить общее собрание с участием иностранных исследователей. С 2012 по 2019 год Общество организовало восемь собраний в разных городах Японии: в Токио (1-е, 4-е, 7-е), Нара (3-е), Киото (8-е), Саппоро (5-е) и Тояма (2-е, 6-е). Кроме ежегодных общих собраний Обществом были организованы симпозиумы и семинары, а также совместные экспедиции в те места, где раньше проживали

и сейчас проживают русские старoverы. Члены ЯОИС принимают активное участие в международных конференциях, которые в последние годы постоянно проводятся в разных странах мира.

В настоящее время некоторые исследователи Общества ставят новые для японской науки задачи и используют методы, которые ранее не применялись в Японии в изучении старообрядчества. Молодой историк и этнограф Цутому Цукада уделяет особое внимание современному состоянию старообрядческих поселений в России и за ее пределами, проводит полевые исследования на Алтае и Дальнем Востоке, в Китае, в странах Южной Америки, в Украине. Некоторые свои наблюдения и выводы он изложил в докладах на международных конференциях и в публикациях [14], [15], [16], [17]. Хитоси Ясумура, прежде занимавшийся историей раннего старообрядчества, тоже проявляет интерес к русским эмигрантам-старoverам в Канаде и Австралии¹¹.

Нахо Игауэ, профессор университета Тюо, долгое время исследует историю и современное положение забайкальских старoverов – семейских, те изменения в их духовной и материальной жизни, которые произошли после революции 1917 года до наших дней. Она ездила в Забайкалье и Южную Сибирь, проводила опросы, брала интервью в поселках семейских [2]¹², а также принимала участие в экспедициях в Северо-Восточный Китай (Маньчжурия, Трехречье) и в США (штат Орегон). Ее статьи на эти темы опубликованы в сборнике «Россия в Маньчжурии» (2012)¹³.

Оригинальные выводы о роли старообрядцев в рабочем и революционном движении в России в конце XIX – первой половине XX века сделаны известным политологом, профессором университета Канагава Нобуо Симотомаи. Исследователь указал на важное значение города Иваново-Вознесенска (в настоящее время – Иваново), где за счет капитала старoverов развивалась текстильная промышленность, как места формирования «советов» в профсоюзном движении. В его статьях и книгах подчеркивается, что старoverы являлись одной из главных движущих сил революции 1905 года и что представители старообрядческих предпринимателей захватили реальную власть в ходе Февральской революции 1917 года [19]¹⁴. Этот вывод вызывает жаркую дискуссию у историков и политологов Японии.

СОТРУДНИЧЕСТВО ЯОИС С ИНОСТРАННЫМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ

Необходимо осветить одну из главных задач ЯОИС – сотрудничество с иностранными исследователями. В 2012–2019 годах по приглашению Общества на его собраниях в Японии выступили с докладами такие видные исследователи старообрядчества, как Григорий Поташенко (Вильнюс, Литва), Доминик Мартин (Кембридж, Великобритания), Елена М. Юхимен-

ко (Москва, Россия), Светлана В. Васильева (Бурятия, Россия), Сергей Таранец (Киев, Украина), Наталья В. Поньрко (Санкт-Петербург, Россия), Александр В. Пигин (Санкт-Петербург и Петрозаводск, Россия), Юлия В. Аргудяева (Владивосток, Россия), Глеб В. Маркелов (Санкт-Петербург, Россия) и др. Их участие в работе ежегодных собраний ЯОИС, обсуждения их докладов позволяют японским ученым уточнять и углублять собственные исследования по той или иной теме в области старообрядческой истории и культуры. Каждая новая встреча дает важный импульс к расширению сотрудничества Общества с иностранными учеными.

Особенно плодотворным для японских коллег в последние годы оказалось общение с Еленой Михайловной Юхименко. В 2015 году по приглашению Общества Е. М. Юхименко выступала на 4-м очередном собрании в Токио и еще в двух городах – в Тоюме и Осаке. Участники заседаний с большим интересом слушали доклады замечательного специалиста по старообрядчеству.

Рис. 1. 4-е собрание ЯОИС. Университет электрокоммуникации, Токио, 30 мая 2015 года.

Верхний ряд, слева направо: Коити Тоёкава, Цутому Цукада, Тэцую Мотидзуки, Киёхару Миура, Ацуо Накадзава, Нахо Игауэ, Санами Такахаси.

Нижний ряд, слева направо: Идзуми Миядзаки, Ёси-кадзу Накамура, Е. М. Юхименко, Хидэаки Сакамото

Но сотрудничество с Е. М. Юхименко не ограничивается ее выступлениями в ЯОИС. Один из авторов этой статьи, Идзуми Миядзаки, занимающаяся исследованием резных икон Выговской старообрядческой пустыни, познакомилась с Е. М. Юхименко в 2000 году, вскоре после защиты Еленой Михайловной докторской диссертации о литературе и духовной жизни Выговской пустыни. Е. М. Юхименко предоставила И. Миядзаки возможность изучать резные иконы в Государственном историческом музее (Москва), давала ей ценные советы и консультации. При этом она поразила японскую исследовательницу не только эрудицией в области филологии и выговской литературы, но и глубоким знанием

старообрядческой иконописи. И. Миядзаки стала принимать участие в международных конференциях (Петрозаводск (2006), Ярославль (2018)), продолжила исследование старообрядческих икон в российских музеях и хранилищах, опубликовала статьи в серийных сборниках «Старообрядчество в России (XVII–XX вв.)», составленных и отредактированных Е. М. Юхименко, и в других изданиях [3], [4], [5]. Благодаря содействию Е. М. Юхименко И. Миядзаки смогла взять интервью у митрополита Русской Православной Старообрядческой Церкви (РПСЦ) Корнилия, что позволило ей познакомить японских читателей с современным положением РПСЦ.

В 2016 году Общество стало обсуждать план издания книги о русском старообрядчестве для японских читателей. В этом же году вышла в свет монография Е. М. Юхименко «Старообрядчество: История и культура» [18] – прекрасно иллюстрированный фундаментальный труд, освещающий историю старообрядчества начиная с церковных реформ XVII века до середины XX века (см. рецензию на это издание: [13]). Сразу стало понятно, что книга Е. М. Юхименко должна послужить образцом для японского издания о старообрядчестве. Наша книга – «Русское старообрядчество: История и культура» под редакцией Х. Сакамото и А. Накадзава – была издана в Токио в январе 2019 года¹⁵. Эта коллективная монография состоит из 16 глав; старообрядчество рассматривается в ней в разных аспектах: церковно-историческом, социально-историческом, этнографическом, культурологическом и др. Е. М. Юхименко и С. В. Таранец стали соавторами японских коллег в этом исследовании. В марте 2019 года при содействии Е. М. Юхименко была организована

презентация этой книги в С.-Петербурге (Пушкинский Дом) и в Москве (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына).

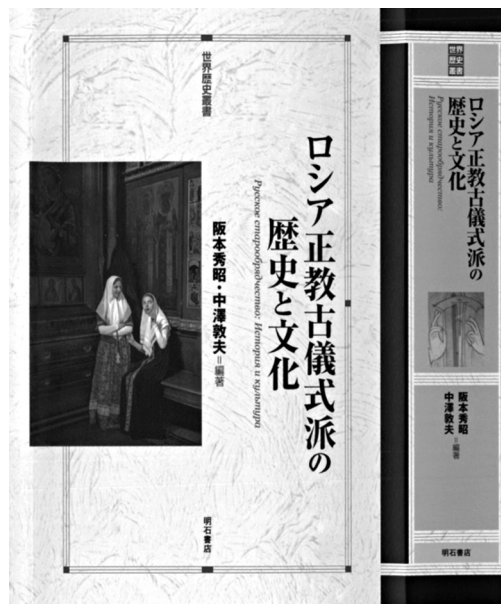

Рис. 2. Обложка книги: Русское старообрядчество: История и культура / Под ред. Х. Сакамото и А. Накадзава. Токио: Акаси-Сэтэн, 2019

Книга «Русское старообрядчество: История и культура» является, таким образом, не только итоговой работой японских исследователей, но и результатом многолетнего сотрудничества ЯОИС с иностранными коллегами. Эта книга должна стать отправным пунктом для дальнейших совместных исследований в области старообрядчества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- См. также работы на японском языке: Эгава Таку. 1) Разгадка романа «Преступление и наказание». Токио: Синтёся, 1986; 2) Разгадка романа «Братья Карамазовы». Токио: Синтёся, 1991; 3) Разгадка романа «Идиот». Токио: Синтёся, 1994; Камэяма Икуо. Достоевский: Силы на сострадание. Токио, 2009. В японском достоевсковедении старообрядческая и сектантская тематика стала очень популярна благодаря работам известного литературоведа Таку Эгава.
- Мацуи Сигэо. «Житие протопопа Аввакума»: Перевод на японский язык с комментариями // *Slavic Studies*. 1966. Vol. 10. P. 85–144 (на яп. яз.).
- Хрестоматия древнерусской литературы / Под ред. Ё. Накамура. Токио: Тикума-Сёбо, 1970. С. 120–162 (на яп. яз.).
- Маруяма Юкико «Житие боярыни Морозовой»: Памятник русского старообрядства XVII века: Перевод и комментарии // *Kodai Rosia Kenkyu (Studia philologica palaeorussica)*. 2000. Vol. 20. P. 123–166 (на яп. яз.).
- Укажем названия статей Хитоси Ясумура в русском переводе и годы публикации: «Церковная реформа Никона и раскол» (1974), «Некоторые вопросы по раскольниковству» (1975), «О разветвлении направления раскольников» (1979), «Библиография исследовательских работ по раскольниковству» (1980), «Современные старообрядцы» (1983), «Догматико-полемические вопросы о Христе у первых расколоучителей» (1984).
- Накамура Ёсикадзу. В поисках Святой Руси – утопические предания старообрядцев. Токио: Хэйбонся, 1990 (на яп. яз.). Второе издание вышло в карманной серии «Библиотека Хэйбонся» (2003).
- Статья Ёсикадзу Накамура о Романовке ранее была опубликована в 1992 году [11].
- Дни в Романовке: японские фотографии, запечатлевшие русское старообрядческое село в Маньчжурии на рубеже 1930-х – 1940-х годов из собрания Приморского государственного объединенного музея им. В. К. Арсеньева во Владивостоке. М., 2012.
- Сакамото Хидэаки, Игауэ Нахо. Старообрядцы села Романовка в Маньчжурии. Токио: Тоё-Сэтэн, 2007 (серия booklet «Евразия», № 103) (на яп. яз.).
- Общество и жизнь русских переселенцев в Маньчжурии. Их контакты и взаимоотношения с японцами / Под ред. Х. Сакамото. Токио: Минерва-Сёбо, 2013 (на яп. яз.).
- Ясумура Хитоси. Сто лет жизни и деятельности русских эмигрантов-духоборцев в Канаде // *Law and Culture of Australia and Canada*. Токио, 2008. P. 17–59 (на яп. яз.); Он же. Русские эмигранты в Австралии по вероисповедальной причине // *Society of Commonwealth Multiculturalism Nation*. Токио, 2008. P. 23–49 (на яп. яз.).

- ¹² См. также работы на японском языке: Игауэ Нахо. 1) Связь между настоящим и прошлым: идентификация забайкальских старообрядцев в постсоветское время // Симпозиум языков и культур / Под ред. Ютака Сэнба, Коити Такаока, Юки-тэру Хосоя. Токио, 2006. С. 215–230; 2) Столетняя история старообрядцев (семейских) в Южной Сибири: Партизаны, репрессия, «герои социалистического труда» и царизм // «Агата». 2017. Vol. 20. P. 284–298.
- ¹³ Игауэ Нахо. 1) Отношения между маньчжурскими приходами и епископами старообрядческой церкви: По материалам переписки членов эмигрантского сообщества с адресантами в СССР и в Румынии // Manshu no nakano Roshia (Россия в Маньчжурии). Токио, 2012. P. 237–266 (на яп. яз.); 2) Сознание размежевания в веровании старообрядцев часовенного согласия в Штате Орегон, США // Manshu no nakano Roshia (Россия в Маньчжурии). Токио, 2012. P. 19–65 (на яп. яз.).
- ¹⁴ См. также работы на японском языке: Симотомай Нобуо. 1) Россия и СССР: Люди, исчезавшие из истории: Как старообрядцы изменили историю Сверхдержавы. Токио, 2013; 2) Бог и революция: Неизвестные факты о Российской революции. Токио, 2017.
- ¹⁵ Русское старообрядчество: История и культура / Под ред. Х. Сакамото и А. Накадзава. Токио: Акаси-Сэтэн, 2019 (на яп. яз.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобров А. Г. Японский профессор в Санкт-Петербурге: Книга и экспедиция // Санкт-Петербург – Япония: XVII–XXI вв. СПб.: Европейский Дом, 2012. С. 239–257.
2. Жамбалова С. Г., Игауэ Нахо. Калейдоскоп: этнографические картинки XX – начала XXI в. в устных рассказах народов Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 387 с.
3. Миядзаки Идзуми. Иконографические особенности группы резных деревянных икон из Выговской старообрядческой пустыни // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. Сыктывкар. 2008. № 3. С. 56–62.
4. Миядзаки Идзуми. Резные иконы в Выговской старообрядческой пустыни // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М.: Языки славянской культуры, 2004. Вып. 3. С. 297–310.
5. Миядзаки Идзуми. Сызранская икона «Святой Архангел Михаил и святой Георгий Победоносец» в собрании музея Нисида (Япония) // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М.: Языки славянских культур, 2010. Вып. 4. С. 611–617.
6. Накадзава Ацуо. Некоторые замечания о символике «Жития протопопа Аввакума» // Икюо Kenkyu (Hitotsubashi University). 1988. Vol. 13 (3). P. 61–73.
7. Накадзава Ацуо. Об особенностях символики «Жития протопопа Аввакума» // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2000. С. 197–202.
8. Накадзава Ацуо. Юродство в «Житии протопопа Аввакума» // Japanese Slavic and East European Studies. 1988. Vol. 9. P. 39–54.
9. Накамура Ёсикадзу. Незримые мосты через Японское море: История и литература в поле русско-японских взаимодействий. СПб.: Гиперион, 2003. 271 с.
10. Накамура Ёсикадзу. Пример неумоимости: Воспоминания о Владимире Ивановиче Малышеве и его письма в Японию // Санкт-Петербург – Япония: XVII–XXI вв. СПб.: Европейский Дом, 2012. С. 258–273.
11. Накамура Ёсикадзу. Романовка – поселок староверов в Маньчжурии (1936–1945 гг.) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск: Сибирское отделение изд-ва «Наука», 1992. С. 247–253.
12. Накамура Кэнносукэ. Словарь персонажей произведений Ф. М. Достоевского / Пер. с яп. А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 2011. 399 с.
13. Пигин А. В. Старообрядчество: опыт трех столетий (Юхименко Е. М. Старообрядчество: История и культура. М., 2016. 852 с., ил.) [рецензия] // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2017. № 1 (67). С. 138–142.
14. Таранец С. В., Цукада Цutomу. Старообрядцы чернобыльского согласия: до и после аварии на атомной станции // Старообрядческая культура и современный мир: Сб. науч. трудов и материалов. Киев, 2018. Вып. 8. С. 261–294.
15. Цукада Цutomу. Культурная работа, проводившаяся в 1950 г. среди русского населения округа Или (КНР) // На периферии и на чужбине – сравнительное исследование маргиналий русской культуры: Сб. ст. № 2. Саппоро, 2011. С. 94–99.
16. Цукада Цutomу. Старообрядцы-кержаки в поселке Уластай (Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР) // Международные Заволокинские чтения. Рига, 2010. Сб. 2. С. 65–76.
17. Цукада Цutomу. Участие в войнах русских старообрядцев в округе Алтай (Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР) // Международные Заволокинские чтения. Рига, 2016. Сб. 4. С. 520–530.
18. Юхименко Е. М. Старообрядчество: История и культура. М.: Криница, 2016. 852 с.
19. Shimotomai Nobuo. Bolsheviks, Soviets and Old Believers // Japanese Slavic and East European Studies. 2015. Vol. 35. P. 1–21.

Поступила в редакцию 19.06.2019

Atsuo Nakazawa, PhD in Philology, Professor Emeritus,
University of Toyama (Toyama, Japan)

Izumi Miyazaki, PhD in Language and Culture, Associate Professor,
National Institute of Technology, Toyama College (Toyama, Japan)

THE STUDY OF RUSSIAN OLD BELIEVERS IN JAPAN: TRADITIONAL THEMES AND NEW RESEARCH

This paper examines the history of the study of Russian Old Believers in Japan from the very beginning (1960s–1970s) to the present day. The authors not only describe the traditional themes and methods of Japanese specialists in various academic disciplines (historians, ethnographers, literary researchers, art historians and others), but also present their joint and integrated research carried out in our time, and analyze the trend of the research subjects. Particular attention is paid to the work of Japanese researchers in

collaboration with their foreign colleagues in organizing expeditions, conferences and publishing books in recent times. The paper contains a detailed bibliography of the Japanese Old Belief study.

Keywords: Old Believers, Japanese studies, East Asia, Old Believers' emigration, overseas migration

Cite this article as: Nakazawa A., Miyazaki I. The study of Russian Old Believers in Japan: traditional themes and new research. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 6 (183). P. 64–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.373

REFERENCES

1. Bobrov A. G. Japanese Professor in St. Petersburg. His book and expedition. *Sankt-Peterburg – Yaponiya: XVII–XXI vv.* St. Petersburg, 2012. P. 239–257. (In Russ.)
2. Zhabalova S. G., Igaue Naho. Kaleidoscope: ethnographic pictures of the XX and the beginning of the XXI centuries in the oral tales of Buryat peoples. Ulan-Ude, 2010. 387 p. (In Russ.)
3. Miyazaki Izumi. Iconographic features of wood-carved icons from the Vygovsky Old Believers's Hermitage. *Historical and cultural problems of northern countries and regions*. Syktyvkar, 2008. No 3. P. 56–62. (In Russ.)
4. Miyazaki Izumi. Wood-carved icons in the Vygovsky Old Believers's Hermitage. *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.)*. Moscow, 2004. Issue 3. P. 297–310. (In Russ.)
5. Miyazaki Izumi. Syzran icon of St. Michael the Archangel and St. George in the Nishida Museum collection (Japan). *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.)*. Moscow, 2010. Issue 4. P. 611–617. (In Russ.)
6. Nakazawa Atsuo. Some remarks on the symbolism of *The Life of Archpriest Avvakum*. *Ikyo Kenkyu (Hitotsubashi University)*. 1988. Vol. 13 (3). P. 61–73. (In Russ.)
7. Nakazawa Atsuo. The peculiarities of the symbolism of *The Life of Archpriest Avvakum*. *Staroobryadchestvo Sibiri i Dal'nego Vostoka. Istoriya i sovremennost'*. *Mestnye traditsii. Russkie i zarubezhnye svyazi*. Vladivostok, 2000. P. 197–202. (In Russ.)
8. Nakazawa Atsuo. Holy foolishness in *The Life of Archpriest Avvakum*. *Japanese Slavic and East European Studies*. 1988. Vol. 9. P. 39–54. (In Russ.)
9. Nakamura Yoshikazu. Invisible bridges over the Sea of Japan: History and literature in the field of Russian-Japanese interactions. St. Petersburg, 2003. 271 p. (In Russ.)
10. Nakamura Yoshikazu. The example of indefatigability: Memories of Vladimir Ivanovich Malyshev and his letters to Japan. *Sankt-Peterburg – Yaponiya: XVII–XXI vv.* St. Petersburg, 2012. P. 258–273. (In Russ.)
11. Nakamura Yoshikazu. Romanovka – the village of the Old Believers in Manchuria (1936–1945). *Traditsionnaya dukhovnaya i material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poseleniy v stranakh Evropy, Azii i Ameriki*. Novosibirsk, 1992. P. 247–253. (In Russ.)
12. Nakamura Kennosuke. A dictionary of F. M. Dostoevsky's characters. (A. N. Meshcheryakov, Japanese-Russian Trans.). St. Petersburg, 2011. 399 p. (In Russ.)
13. Pigin A. V. Old Belief: the experience of three centuries (Yukhimenko E. M. Old Belief: History and culture. Moscow, 2016. 852 p.) [Review]. *Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki*. 2017. No 1 (67). P. 138–142. (In Russ.)
14. Taranets S. V., Tsukada Tsutomu. Old Believers of the Chernobyl group: Before and after the Chernobyl disaster. *Staroobryadcheskaya kul'tura i sovremennyy mir: Sbornik nauchnykh trudov i materialov*. Kiev, 2018. Issue 8. P. 261–294. (In Russ.)
15. Tsukada Tsutomu. Cultural activities among the Russian population of Ili District (China) in 1950. *Na periferii i na chuzhbine – sravnitel'noe issledovanie marginaliy russkoy kul'tury: Sbornik statey*. No 2. Sapporo, 2011. P. 94–99. (In Russ.)
16. Tsukada Tsutomu. Old Believers-Kerzhaks in the village of Ulatai (Xinjiang Uygur Autonomous Region of the People's Republic of China). *Mezhdunarodnye Zavolokinskie chteniya*. Riga, 2010. Book 2. P. 65–76. (In Russ.)
17. Tsukada Tsutomu. Participation in the wars of Russian Old Believers in the Altai district (Xinjiang Uygur Autonomous Region of the People's Republic of China). *Mezhdunarodnye Zavolokinskie chteniya*. Riga, 2016. Book 4. P. 520–530. (In Russ.)
18. Yukhimenko E. M. Old Belief: History and culture. Moscow, 2016. 852 p. (In Russ.)
19. Shimotomai Nobuo. Bolsheviks, Soviets and Old Believers. *Japanese Slavic and East European Studies*. 2015. Vol. 35. P. 1–21.

Received: 19 June, 2019

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ СТАРИЦЫН

главный библиограф
Институт научной информации по общественным наукам
РАН (Москва, Российская Федерация)
profitens@yandex.ru

НАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЧАЖЕНЫГСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Впервые в отечественной историографии поднимается проблема типологии староверческого поселения. Задача исследования – выяснить, по каким правилам была устроена жизнь староверов на реке Чаженьге, насколько эти правила соответствовали названию поселения, которое возникло как сельскохозяйственный филиал Выго-Лексинского общежительства. На основе широкого круга источников уточняется время основания поселения, имя его основателя, состав и численность поселенцев. Особое внимание уделяется управленческой структуре и типологии поселения, которое в историографии было принято именовать скитом. Так как Чаженьгское поселение было отделением Выговского общежительства, то оно копировало его устройство. Поэтому жители поселения жили по общежительным уставным правилам, характерным для общежительного монастыря. Поселение не имело постоянных жителей, его заселяли на время сельскохозяйственных работ насельники Выговского монастыря. В статье рассмотрены вопросы о первых постройках и локализации поселения. В результате произведенного исследования установлено, что Чаженьгское поселение неправильно именовать скитом.

Ключевые слова: старообрядчество, староверческие поселения, внутреннее устройство, локализация

Для цитирования: Старицын А. Н. Начальная история Чаженьгского поселения // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 70–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.374

ВВЕДЕНИЕ

Историография существовавшего около 150 лет в Каргопольском уезде Чаженьгского староверческого поселения крайне скудна. Долгое время единственным источником сведений о нем было сочинение И. Филиппова «История Выговской пустыни». В конце XXXI главы, озаглавленной «О Лексинской обители», помещена небольшая вставка, посвященная истории основания поселения на реке Чаженьге¹. Отсутствие других источников, вероятно, не позволяло исследователям приступить к изучению Чаженьгского поселения. Только в начале XX века каргопольский краевед К. А. Докучаев-Басков, добившийся разрешения работать в архиве Каргопольского земского суда, обнаружил новые документы и на их основе написал обстоятельную статью по истории поселения староверов на Чаженьге². Последующие попытки обратиться к истории Чаженьгского поселения сводились в основном к повторению уже известных сведений, содержащихся в сочинениях указанных авторов [1], [2]. Материалы, изложенные К. А. Докучаевым-Басковым, были дополнены в статье Л. Н. Хрушкой [5].

В настоящей статье значительно расширяется круг источников за счет новых находок, сделанных в Архиве древних актов и в Новгородском областном архиве. Привлечение материалов переписей и двух ревизий, картографических источников, выговских литературных памятников и уставов позволяет поставить вопросы о време-

ни возникновения поселения, его локализации, типологии, внутренней структуре, составе и численности поселенцев за двадцатилетний период, с 1710-х до 1730-х годов.

При отборе источников массового характера учитывались географический и гендерный факторы. Чаженьгское поселение, располагавшееся в Каргопольском уезде, как известно, находилось в подчинении Выговского общежительства, являясь своего рода кормовой базой всего Выговского суземка. Выговское общежительство и большинство зависимых от него скитов находились на территории Олонецкого уезда. Поэтому описание поселения на Чаженьге производилось как во время переписей Каргопольского уезда в 1712–1713 и 1718–1719 годах, так и во время I и II ревизий Олонецкого уезда в 1720-е и 1740-е годы. Переписные книги Каргопольского уезда содержат сведения о мужском и женском населении Чаженьгского поселения³. Материалы I ревизии Олонецкого уезда имели сложную структуру и состояли из сказок от 29 марта 1720 года (фиксировались только мужчины)⁴, доношения от 9 августа 1721 года (только мужчины)⁵, осмотра от 26 февраля 1723 года (только мужчины)⁶, переписи вновь явившихся в канцелярии Петровских заводов 1724 года (только мужчины)⁷, сказок 1727 года (только женщины)⁸. Сведения из несохранившихся документов (доношение 1721 года и сказка 1727 года) нашли отражение в материалах II ревизии, что обусловило привлечение этого более позднего описания⁹.

О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ

Начавшийся в 1705 году и длившийся 7 лет¹⁰ голод вынудил выговцев искать в различных местах России пашенные земли, обработка которых обеспечила бы Выговское общежитие хлебом. В Каргопольском уезде вблизи обитаемой Заднедубровской волости на реке Чаженьге поселанцы с Выга нашли пригодные для хлебопашества пустующие земли, некогда бывшие на оброке у старца Михаила Копылова¹¹. Староверы обратились с челобитьем о разрешении им взять земли на оброк не к своему непосредственному начальнику олонецкому вице-коменданту А. С. Чоглокову, управлявшему заводами и приписанными к ним областями, а к доверенному лицу А. Д. Меншикова ингерманландскому ладрихтеру Я. Н. Римскому-Корсакову. Вероятно, официальное положение Выговского общежития еще не было достаточно прочным, и многое зависело от личной заинтересованности или симпатии влиятельных лиц. Выговцы пока рассчитывали только на покровительство светлейшего князя А. Д. Меншикова. Получив указ на имя каргопольского коменданта С. И. Хвостова с предписанием организовать торги, выговские староверы благополучно взяли приглянувшиеся им земли на оброк¹². Произошло это событие в июне 1710 года¹³. Еще за год до официального приобретения земельных владений на Чаженьге пришельцы с Выга устроили там поселение и принялись активно осваивать территорию. Такое наблюдение позволило сделать обнаруженный в Новгородском областном архиве документ, озаглавленный: «Донесения церковнослужителей г. Каргополя о приходских людях, бывших и не бывших на исповеди и у причастия 1711 г.»¹⁴ В донесении священника Успенской церкви Заднедубровской волости Иоанна Иоаннова, сделанном в ноябре 1711 года, говорилось:

«Только де от той ево Заднедубровской волости за шесть верст на речке Чаженьге в 709-м году пришел неведомо по какому случаю из Олонецкого уезду с Выгу от церковного противника Данилы Викулова Василий Ерофеев прозванием Ремень, поселился на черном лесу и построил многие себе новые большие избы и мельницу. И в те в два года собрал к себе блис ста человек, а какие люди не ведаем, и с ним Василием живут и тех ево приходских людей в раскол прельщают и в народе пушают великой соблазн, а к церкви Божии и на исповедь не приходят и Святую Церковь ругают и Животворящему Кресту не поклоняются и ево попа с причетники называют волками, и церковную у него попа землю и у крестьян и сенные покосы отнимают сильно. И из той Заднедубровской волости ево попа хотят выгнать вон. А тое волости крестьяном з женами и з детьми в церковь Божию и на исповедь к нему попу итти он Василий Ремень с товарищи запрещают и за то возбраняют»¹⁵.

Из донесения о. Иоанна следует, что Василий Ерофеев Ремень (годы жизни 1662–1741)¹⁶ был основателем и первотселенцем поселения староверов на Чаженьге, но он не стал руководителем официально оформленного поселения.

В 1720 году Василий Ерофеев был назван в сказке старосты Кириллы Иванова жителем Выгорецкого общежития, здесь же был указан его возраст – 58 лет¹⁷. В 1724 году Василий Ерофеев в числе уважаемых людей Выговского общежития выступил в роли посредника в споре старца Гавушезерского скита Арсения и жителя того же скита Федора Миронова¹⁸. В материалах следственного дела по доносу Ивана Круглого от 1738 года обнаруживаются дополнительные сведения о Василии Ерофееве. И. Круглый, назвав его прозвище Ремез вместо Ремень, пояснил, что он происходил из посадских людей г. Ладоги и жил на Выгу в келье вместе со своим братом, имени которого не назвал¹⁹. Земли, взятые на оброк выговцами, простирались на 16 верст на восток за рекой Лельмой и на 15 верст на север от дорской дороги, занимая пустые земли и леса в урочищах по рекам Чаженьга, Ожма, Лельма и Ола²⁰.

В 1713 году судьба поселения на Чаженьге могла круто измениться. Руководители Выговского общежития на общем совете постановили переселиться с Выга на Чаженьгу. Главными аргументами для принятия такого решения были: плохие земли в Олонецком уезде, где находились основные поселения староверов, наличие обширных плодородных земель и дешевизна хлеба (без перевозки) в Каргопольском уезде²¹. В декабре 1713 года в Новгород для хлопот о получении разрешения на переезд был послан Семен Денисов, а на Чаженьге приступили к заготовке леса для большого строительства. Между тем в Новгороде Семена Денисова узнал бывший старовер и бывший житель поселения у Белого озера, входившего в состав Волозерского скита, Семен Лысков, который донес на него в Новгородский архиерейский разряд²². По свидетельству Григория Яковлева, на Денисова донос сделал некий Огнев, которого Семен наказал за какую-то провинность в общежитии²³. Семен был арестован 10 декабря 1713 года, заключен в митрополичью тюрьму, называемую Орловой, где пребывал до 8 сентября 1717 года, совершив побег вместе с охранявшим его солдатом Матвеем Полетним²⁴. Выговцы сочли эти события знаком Божественной воли, согласно которой они решили остаться на прежнем месте

«и вышеписанное прехождение на Каргопольскую землю отложиша, начаша тут жити и строитися и пашни пахати и всячески промышляти, а оную землю на оброк пахаху с монастыря к лету людей с лошадми посылаху и тако держаше и по сие время»²⁵.

ТИПОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПОСЕЛЕНИЯ

В переписных книгах Каргопольского уезда Чаженьгское поселение названо в 1713 году: «На речке Чаженьге на оброчной земли новопостроенные избы, а по скаскам кельи Олонецкого уезду

из Выгорецкой пустыни по указом общежительники», в 1719 году: «Да за Заднедубровской волостью на оброчной земле Выгорецкого общежительства»²⁶. В материалах первых двух ревизий Олонецкого уезда в названии поселения повторялись определения: «дальнеотхожая пашня», «на отхожей оброчной пашни»²⁷. Переписчики подтверждали официальный статус поселения, его хозяйственное назначение и принадлежность Выгорецкому общежительству. В административном отношении Чаженьгское поселение, так же как и Выговское общежительство, подчинялось руководству Олонецких Петровских заводов:

«А по присланном ордере с Олонецких Петровских заводов, которые присланы в Каргополь к порутчику Лариону Матфеевичю Челищеву в прошлом 718-м году декабря в 27-м, в нынешнем 719-м февраля в 26-м числех за руками алтелерии полковника и каменданта Вилима Генина да лантрата Григорья Муравьева написано: оные де вышеписанные жители Иван Филипов с товарищи посланные Выговского общежительства на одной оброчной земле живут времянно и имянным де великого государя приказанием ведомы во всем к Олонецким заводом и всякие ево великого государя работы работают и приискывают и поднимают железные руды и известь. И по присланному де ево великого государя указу оному лантрату Муравьеву переписать их велено. И оные де вышеименованные жители в переписной у них книге и написаны и в табель сведены особ имянно. И той их переписке по имяном мужеска и женска полу в лета явствует ордер за рукою оног лантрата Муравьева подлинно»²⁸.

В 1712–1713 годах староверческое поселение представляло собой 7 жилых изб, которые выговские поселенцы в своих сказках называли кельями. В числе «постоянных» обитателей были названы всего 11 мужчин. Из временных обитателей – 24 сезонных рабочих. В поселении также проживало 14 женщин – две старицы и 12 белих. Женщины жили отдельно от мужчин. Общее число зафиксированных переписью насельников – 35 мужчин и 14 женщин, всего 49 человек²⁹. Временные рабочие, приезжавшие из Выговской пустыни, занимались пашенной, хлебной и сенокосной работами. О разведении скота (от самого основания поселения в 1710 году) упоминает И. Филиппов³⁰. Об этом может также свидетельствовать наличие в поселении женщин, обычно работавших на монастырских скотных дворах. О них так и говорилось в документах: «посланные... для питомства скотскаго женска пола... староверки»³¹.

По данным переписи 1718–1719 годов, в трех кельях проживало 20 мужчин и в неизвестном числе келий 10 женщин. Среди построек упоминается скотный двор³². В материалах I ревизии за 1720–1727 годы содержатся сведения о 20 мужчинах и 25 женщинах³³.

В 1712–1713 годах поселение возглавлял 25-летний Никифор Семенов, его ближайшими помощниками были 10 человек, средний возраст которых составлял 50 лет: Лука Федоров, Никита

Иванов, Иван Андреев, Дмитрий Федоров, Афанасий Павлов, Иван Зиновьев, Изот Емельянов, Никон Фотиев, Елизар Васильев, Федор Володимиров³⁴. Григорий Яковлев утверждал, что первоначально чаженгскими старообрядцами руководил Семен Денисов, затем его сменил Никифор Семенов³⁵. В 1718–1719 годах поселение на Чаженьге возглавлял Иван Филиппов. Его помощниками были Никита Иванов, Сидор Григорьев, Михайло Павлов, Федор Иванов и Изот Емельянов. В 1720 году снова первым значился Никифор Семенов, который сохранил за собой первенство до 40-х годов XVIII века – времени II ревизии³⁶. В 1726, 1729–1733 годах Никифор Семенов уезжал в Сибирь, где недолго работал приказчиком на Демидовских заводах [7: 385, 408]. Помощники Никифора Семенова в 1720 году, Пахом Семенов, Никита Иванов, Изот Емельянов, Михаил Павлов, Антип Ермолин и Ерофей Степанов, были названы в документе «престарелые, которые над трудами надсматривают»³⁷. Большинство жителей Чаженьгского поселения приезжали сюда из Выговского общежительства на временные работы. Но некоторые имена повторяются из описания в описании. Такими «постоянными» жителями поселения, вероятно, от самого основания были Афанасий Павлов, Никита Иванов и Изот Емельянов. Двое последних во время II ревизии проживали на Чаженьге. Михаил Павлов и Ерофей Степанов умерли в 1739 году, Пахом Семенов – в 1740 году, Антип Ермолин – в 1742 году³⁸. О Михаиле Павлове и Изоте Емельянове упоминает И. Филиппов в «Истории Выговской пустыни». По словам Филиппова, Михаил хорошо знал Священное писание, был духовным наставником в женской части Чаженьгского поселения³⁹. Изот (Зотик) Емельянов Старцов не жил постоянно на Чаженьге, приезжал только на время летних работ, а зимой возвращался в общежительство, где занимался перевозкой грузов⁴⁰. На основании переписи Олонецкого уезда 1678 года устанавливается, что оба были выходцами из соседних деревень Шунгского погоста. Михаил Павлов по фамилии Крохин родился в 1666 году в деревне «в Кипине губе Кузнецовская», а Изот Емельянов Старцов – в 1676 году в деревне «на Каш озере Клишки Нестерова»⁴¹. Данные переписи 1678 года не согласуются с данными переписей 1713, 1719 и ревизий 1720-х и 1740-х годов. На основании данных XVIII века год рождения Михаила Павлова вычисляется 1658, а Изота Емельянова – 1666. Возможно, записанные со слов старосты сведения о возрасте крестьян в материалах ревизий XVIII века имеют существенную погрешность, равную приблизительно 10 годам.

Состав женской половины поселения также менялся, но при этом оставалось ядро «постоянных» насельниц. В 1712–1713 годах женской половиной руководили старицы Марья и Фотинья. В 1718–1719 годах они также зафиксированы, но

из 12 белиц остались только 5: Агафья Амосова, Ирина Иванова, Пелагия Лукина, Прасковья Фотиева и Евфросинья Амосова. В 1727 году из числа первоначальниц зафиксированы 70-летняя старица Фотинья, девки Агафья Амосова, Ирина Иванова и Пелагия Лукина. В сказке 1727 года к именам некоторых женщин добавлены прозвища по месту их происхождения – Важская (дважды), Шунская, Толвуйская, Заонежская⁴².

В изданном в 2008 году Г. В. Маркеловым сборнике «Выгорецкий Чиновник»⁴³, представляющем собой комплекс уставных документов Выговского общежития, содержатся 4 документа, освещающие внутреннее устройство Чаженьского поселения. Автором всех документов, по мнению публикатора, является Семен Денисов: «Соборное установление о Чаженгской службе» (док. № 50), 1730-е годы; «Наставление старшим соборным сестрам на Чаженге» (док. № 51), 1720-е – начало 1730-х годов; «Соборное установление о чинах на Чаженге для лексинских постниц» (док. № 52), 1720-е – начало 1730-х годов (авторство Семена Денисова устанавливается предположительно); «Соборное установление на Чаженгу старице Фотинии» (док. № 53), 1730–1733 годы [3: 417–427].

В документе № 50 говорится о должностях и обязанностях присланных из общежития соборных старцев Архипа, Михаила и Никиты. Архип был назначен исполнять должность стряпчего и приказчика. Он ведал вопросами сношения с внешним миром, занимался наймом работников⁴⁴. Имя Архипа в материалах ревизий не выявлено, но в показаниях Ивана Круглого от 1738 года есть упоминание уроженца Новгородского уезда Сермяжской волости Архипа Андреева Стебельдяева, о котором сказано, что он «в том ските... главный раскольник»⁴⁵. Михаилу было поручено надзирание за постницами. На этом основании его легко отождествить с Михаилом Павловым Крохиным, который по вышеупомянутому свидетельству И. Филиппова был духовным наставником в женской половине поселения. Никита исполнял должность нарядника, наблюдал за деятельностью старост и трудников. Должность старосты, упомянутая в документе, не имеет ничего общего со скитским старостой. Так назывались начальники младшего звена, руководившие трудниками. Никиту можно отождествить с Никитой Ивановым. Его помощник Андрей Федотов, названный в документе, в материалах переписей и ревизий не выявлен. В поселении были должности келаря, который следил за расходом продуктов и отвечал за питание насельников, и казначея, который ведал различными припасами, в частности одеждой, а также должность привратника, контролировавшего проход за ограду поселения⁴⁶.

Документы № 51 и 52 сообщают, что в женской части поселения «в постниц предел на

Чаженге» также существовали должности надзирательницы, нарядницы, келаря, казначеи и привратницы. Руководила женской половиной «надзирательная матка»⁴⁷. Во второй половине 20-х годов эту должность исполняла старица Евдокия, которая в переписных книгах не отмечена. Г. В. Маркелов предположил, что речь идет о Евдокии Андреевой, уроженке Кижского погоста, матери Луки Федорова, при этом он сослался на И. Филиппова [3: 425]. Но такая идентификация вызывает сомнение, потому что И. Филиппов не упомянул, что Евдокия Андреева жила на Чаженьге⁴⁸. Должности нарядницы и казначеи совмещала старица Фотиния, ей помогала девка Ксения⁴⁹. Последняя отождествляется с Ксенией Тимофеевой Заонежской. Документ № 53 информирует, что в начале 30-х годов «надзирательной маткой» стала старица Фотиния, она же исполняла должность казначеи. Нарядницей стала Анастасия Нигижемская, келарем Софья Петрова, привратницей Пелагия Андреева, в помощь которой определена Анна Петрова Важская. Старице Фотинии предписывалось советоваться с нарядницей, келарем, а также с Марьей Иоакимовной и Михайловной, которые, вероятно, входили в малый собор. По данным II ревизии, девка Пелагия Андреева умерла в 1739 году, а о вдове 70-летней Анне Петрове Важской сообщается, что ее муж Парфен был дворцовым крестьянином Важского уезда⁵⁰. О Софье Петровой и Анастасии Нигижемской дополнительных сведений не обнаружено.

Если женскую половину поселения возглавляла «надзирательная матка», то возникает вопрос, как называлась должность руководителя мужской половины поселения? Просто «надзиратель»? Такой должностью, например, был облечен Исакий Ефимов в Лексинском монастыре⁵¹. Однако его обязанности надзирать за благочинием больше совпадали с обязанностями Михаила Павлова в Чаженьском поселении. В написанном Семеном Денисовым в 1730-х годах уставе, озаглавленном «Предел на рыбных ловитвах пребывающим...» (док. № 35), есть упоминание должности «надзиратель большей»⁵², возможно, именно так должны были называться чаженьские руководители.

В документах, адресованных на Чаженьгу, указаны должность келаря и другие признаки, характерные для устройства общежития монастыря: общая трапеза, запрет на частную собственность, запрет на отдельное питание. Семен Денисов в послании на Чаженьгу, написанном в 1730-х годах, обращался к трудникам как к «общежителней на Чаженге дружине»⁵³. Важно отметить, что жители Чаженьского поселения, как филиала Выговского общежития, жили по общежительным уставным правилам в отличие от жителей скитов. Даже внешне Чаженьское поселение повторяло облик выговских

монастырей – было окружено оградой. Г. Яковлев, описывая деятельность Никифора Семенова, упомянул, что он

«устроив тамо и ограды наподобие монастыря, и часовни две с иконами и книгами, – едину мужского соборания, а другую женского, – со звонами учини и всемошныя бдения устави быти с повседневною службою в них, на подобие во всем выговских лжемонастырей»⁵⁴.

На существование ограды указывает также должность привратника на Чаженьге.

Документ № 53 содержит информацию о существовании путей сообщения между Чаженьгским и Пормскими поселениями⁵⁵. Эта информация подтверждается сведениями, полученными при осмотре местности и из беседы с местными охотниками. По словам охотников, сохранилась дорога, ведущая от деревни Чаженьги до деревни Карасово, от которой шла тропа в сторону озера Кенгозеро. Дальше через болото охотники добрались до рек Охтонга и Малая Порма.

Произведенный анализ уставных документов раскрывает внутреннее устройство Чаженьгского поселения, позволяя охарактеризовать его как сельскохозяйственный филиал общежительного монастыря. Именование поселения скитом не встречается ни в одном выговском произведении, ни в официальных документах первого тридцатилетия XVIII века. Первым назвал поселение скитом в своем доносе И. Круглый⁵⁶, что характерно для простонародного крестьянского восприятия всех выговских поселений.

СТРОЕНИЯ И ЛОКАЛИЗАЦИЯ ПОСЕЛЕНИЯ

В Чаженьгском поселении были две часовни – мужская и женская, но время их постройки неизвестно. В деле «О поджоге мачтового леса», опубликованном в 1900 году в «Олонецких епархиальных ведомостях», неизвестный автор утверждал, что в 1710 году «Иван Филиппов устроил часовню близ р. Чаженки и основал скит». Но еще К. А. Докучаев-Басков, обративший внимание на эту публикацию, выразил сомнения в правильности датировки, заметив, что сам И. Филиппов в своем сочинении «История Выговской пустыни» ничего не сообщил о постройке часовни в Чаженьгском поселении⁵⁷. Сведения о часовне содержатся в обнаруженном и опубликованном А. В. Пигиным рукописном памятнике, относящемся к выговской литературной школе, – «Чюдо преподобнаго отца Александра, игумена Ошевенскаго, каргополскаго чюдотворца, како избави мужа некоего именем Евтропия от лютаго бесовскаго томления»⁵⁸.

По всей видимости, первой была мужская часовня (это можно понять из приводимого ниже текста), после постройки которой чаженьгские староверы озаботились украшением своего храма подобающими иконами. История приобретения иконы особо чтимого на Чаженьге святого

Александра Ошевенского подробно излагается в «Чюде...»:

«И се вдова оная во врата дому того, в немъ же брат он, идяше, несущи образ преподобнаго, и, вшедши в дом, взяв цену достойную, юже хотяше, и вваде образ той оному брату. Он же приим, веселыми стопами в новопоселенное место пойде. Пришедша же братия с радостию сретоша и, взявше образ преподобнаго, с молебным пением и с подобающим торжеством во оный молитвенный храм внесше, поставиша, идеже и донныне стоит, подавая с верою приходящим желаемая прошения» [4: 219].

В 1739 году на Чаженьгу были переданы несколько пожертвованных Демидовым небольших колоколов⁵⁹.

Центром Чаженьгского сельскохозяйственно-го комплекса была деревня Чаженьга, где стояли часовни. На ландкарте Каргопольского уезда 1728 года деревня обозначена на правом берегу реки Чаженьги⁶⁰. Более точное местоположение деревни устанавливается при помощи планов генерального межевания Каргопольского уезда 1788 года⁶¹. При сопоставлении картографических данных XVIII века с современной картой место деревни определяется на расстоянии 500 м на север от моста через речку Чаженьгу на ее правом берегу. До недавнего времени сохранялось здание женской часовни, переделанной под православную церковь в 1838 году⁶². Фотографии церкви, сделанные в 1971 году, были обнаружены Л. Г. Шаповаловой и опубликованы в 2011 году [6: 220]. При визуальном обследовании местности, руководствуясь указаниями старожилов, была обнаружена прямоугольная площадка, заросшая кустарником и деревьями. Площадка четко просматривается в траве и выделяется рыжевато-бурым цветом от превратившихся в труху бревен. Предположительно на этом месте стояла переделанная из староверческой часовни православная церковь. Выговское общежитительство с Чаженьгским поселением связывала дорога, которая функционировала только в зимнее время: через Водлозеро, Кенгозеро, по реке Кене, всего протяженностью около 220 верст⁶³. В каталоге координат Каргопольского уезда, составленном в 1727 году геодезии подмастером А. Ф. Клешниным, отмечено, что на Чаженьгу летом можно было проехать из ближайшей Заднедубровской волости по конной дороге. Также указывалось на наличие двух скотных дворов в поселении⁶⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании собранного материала можно утверждать, что поселение на Чаженьге возникло на несколько месяцев (в ноябре 1709 года) раньше его официального оформления (в июне 1710 года). Основателем поселения следует считать Василия Ерофеева по прозвищу Ремень (Ремез). Чаженьгское поселение было создано как вспомогательная сельскохозяйственная ферма (пашенный двор) Выговского общежитительства и поэтому не имело постоянных жителей. Его заселяли на время

сельскохозяйственных работ. За первые 20 лет существования среднее число жителей приближалось к количеству 40 человек обоего пола. Поселение имело сложную внутреннюю структуру, в основном повторяющую устройство Выговского общежительного монастыря. Как и на Выгу, в основе жизненного уклада Чаженьского поселения лежал общежительный устав, на этом основании его нельзя считать скитом. Так как обитателями

поселения становились на летнее время жители Выговского общежительства, среди них практически отсутствовали выходцы из Каргопольского уезда, а преобладали уроженцы Кижского, Шунгского, Толвуйского и других погостов Олонецкого уезда. Место, где существовало в начале XVIII века Чаженьское поселение, устанавливается с высокой степенью точности на правом берегу реки Чаженьги в 500 м к северу от моста.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. Издана по рукописи Ивана Филипова. С соблюдением его правописания, одиннадцатью портретами знаменитых старообрядцев и двумя видами Выговских мужского и женского общежительных монастырей. СПб.: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1862. С. 137–139.
- ² Докучаев-Басков К. А. Чаженьский раскольнический скит (1710–1854 гг.) // Чтения в Императорском Обществе истории древностей российских при Московском университете. 1912 год. М., 1912. Кн. 1. С. 40–68. (Разд. 5: Смесь).
- ³ Российский государственный архив древних актов. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 1. Д. 168, 169 (далее – РГАДА).
- ⁴ Там же. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 2. Д. 2359.
- ⁵ Не сохранилось.
- ⁶ РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 2. Д. 2367, 2373.
- ⁷ Не сохранилась.
- ⁸ Не сохранилась.
- ⁹ РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 2. Д. 2383; Ф. 288 (Раскольническая контора). Оп. 1. Д. 964; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 17 (Собрание Барсова). № 5 (далее – ОР РГБ).
- ¹⁰ Выго-Лексинский летописец / Подгот. текста и примеч. Е. М. Юхименко // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России: Сб. науч. статей и материалов. СПб., 2003. С. 310.
- ¹¹ Имя старца Михаила Копылова стало известно благодаря находке К. А. Докучаевым-Басковым «Дела о вырубке мачтового леса 1778 г.» (См.: Докучаев-Басков К. А. Указ. соч. С. 49). О старце Копылове в «Истории Выговской пустыни» сообщается, что он хотел поставить на Чаженьге монастырь, но не успел, так как был послан патриархом Никоном в Константинополь и Иерусалим и там умер (см.: Филиппов И. Указ. соч. С. 138). Попытки обнаружить монаха Михаила Копылова среди спутников Арсения Суханова и Ионы Маленького, ездивших в Константинополь и Иерусалим в середине XVII века, не увенчались успехом.
- ¹² Филиппов И. Указ. соч. С. 138.
- ¹³ Докучаев-Басков К. А. Указ. соч. С. 49.
- ¹⁴ Государственный архив Новгородской области. Ф. 480 (Новгородская духовная консистория). Оп. 1. Д. 5 (далее – ГАНО).
- ¹⁵ ГАНО. Ф. 480 (Новгородская духовная консистория). Оп. 1. Д. 5. Л. 26–26 об.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 2. Д. 2383. Л. 1 об.
- ¹⁷ Там же. Д. 2373. Л. 7.
- ¹⁸ Описание документов и дел святейшего правительствующего Синода. СПб., 1883. Т. 6. С. 392.
- ¹⁹ Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. Извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии Г. Есиповым. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1861. Т. 1. С. 417, 477. Трудно сказать, кто указал ошибочное прозвище: священник Иоанн или Иван Круглый.
- ²⁰ Докучаев-Басков К. А. Указ. соч. С. 49.
- ²¹ Филиппов И. Указ. соч. С. 144.
- ²² Там же. С. 144–145.
- ²³ Яковлев Г. Бывшаго беспоповца Григория Яковлева извещение праведное о расколе беспоповщины (С приложением «карты Суземка раскольнического» и «Летописца Выговского»). М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1888. С. 76.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 4. Кн. 190. Л. 664–665.
- ²⁵ Филиппов И. Указ. соч. С. 150.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 1. Д. 168. Л. 162; Д. 169. Л. 1029.
- ²⁷ Там же. Оп. 2. Д. 2359. Л. 885 об.; Ф. 288 (Раскольническая контора). Оп. 1. Д. 964. Л. 42.
- ²⁸ Там же. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 1. Д. 169. Л. 1029–1029 об.
- ²⁹ Там же. Д. 168. Л. 162–162 об.
- ³⁰ Филиппов И. Указ. соч. С. 138.
- ³¹ РГАДА. Ф. 288 (Раскольническая контора). Оп. 1. Д. 964. Л. 159.
- ³² Там же. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 1. Д. 169. Л. 1029.
- ³³ Там же. Оп. 2. Д. 2359. Л. 886; Ф. 288 (Раскольническая контора). Оп. 1. Д. 964. Л. 159–159 об.
- ³⁴ Там же. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 1. Д. 168. Л. 162.
- ³⁵ Яковлев Г. Указ. соч. С. 76, 82.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 1. Д. 169. Л. 1029; Ф. 288 (Раскольническая контора). Оп. 1. Д. 964. Л. 155.
- ³⁷ Там же. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 2. Д. 2359. Л. 886.
- ³⁸ Там же. Ф. 288 (Раскольническая контора). Оп. 1. Д. 964. Л. 155.
- ³⁹ Филиппов И. Указ. соч. С. 289.
- ⁴⁰ Там же. С. 319.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 1137. Л. 72–72 об.; 79 об.–80.
- ⁴² Там же. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 1. Д. 168. Л. 162 об.; Д. 169. Л. 1029; Ф. 288 (Раскольническая контора). Оп. 1. Д. 964. Л. 159.
- ⁴³ Выгорецкий Чиновник: В 2 т. / Под ред. Г. В. Маркелова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 556 с. (далее – Выгорецкий Чиновник).
- ⁴⁴ Там же. С. 223.
- ⁴⁵ Есипов Г. Указ. соч. Т. 1. С. 433.

- ⁴⁶ Выгорецкий Чиновник. С. 225–226, 228–230.
⁴⁷ Там же. С. 232–239.
⁴⁸ Филиппов И. Указ. соч. С. 352–355.
⁴⁹ Выгорецкий Чиновник. С. 242–243.
⁵⁰ РГАДА. Ф. 288 (Раскольническая контора). Оп. 1. Д. 964. Л. 159.
⁵¹ Выгорецкий Чиновник. С. 84.
⁵² Там же. С. 175.
⁵³ Семен Денисов. Послание трудникам в Чаженский скит // Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. М., 2008. Т. 1. С. 378.
⁵⁴ Яковлев Г. Указ. соч. С. 82–83.
⁵⁵ Выгорецкий Чиновник. С. 248.
⁵⁶ Есипов Г. В. Указ. соч. Т. 1. С. 433.
⁵⁷ Докучаев-Басков К. А. Указ. соч. С. 43, 46.
⁵⁸ Выражаю искреннюю признательность А. В. Пигину за указание на эту публикацию. «Чюдо...» датируется первой половиной – серединой XVIII в. См.: [4: 84].
⁵⁹ Филиппов И. Указ. соч. С. 310.
⁶⁰ Ландкарта Каргопольского уезда 1728 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.runivers.ru/maps/kirilov/24 (дата обращения 30.04.2015).
⁶¹ РГАДА. Ф. 1356 (Планы генерального межевания). Оп. 1. Д. 3291. Ч. 12.
⁶² Докучаев-Басков К. А. Указ. соч. С. 66.
⁶³ Там же. С. 45.
⁶⁴ РГАДА. Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 18. Кн. 1201. Л. 450.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Макаров Н. А. Чаженский раскольнический скит // Земля Плесецкая: годы, события, люди. Архангельск, 2002. С. 123–128.
- Макаров Н. А. Чаженский старообрядческий скит // Церковные приходы и монастыри Кенозерья и Среднего Поонежья. Архангельск, 2007. С. 135–140.
- Маркелов Г. В. Комментарии // Выгорецкий Чиновник. СПб., 2008. Т. 2: Тексты и исследование. С. 283–464.
- Пигин А. В. Памятники рукописной книжности Олонецкого края: Учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 226 с.
- Хрушкая Л. Н. Из истории Чаженского старообрядческого жилища // Культурное и природное наследие Европейского Севера: Сб. Архангельск, 2009. С. 307–315.
- Шаповалова Л. Г. Чаженская находка // Культура Поонежья X–XXI веков: общерусские черты и региональные особенности: Материалы XI Каргопольской науч. конф. (18–22 августа 2010 г.). Каргополь, 2011. С. 217–222.
- Юхименко Е. М. Комментарии // Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. М., 2008. Т. 2. С. 337–503.

Поступила в редакцию 24.04.2019

Aleksandr N. Staritsyn, Lead Bibliographer, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

INITIAL HISTORY OF CHAZHENGА SETTLEMENT

The problem of typology of the Old Believers' settlement is raised for the first time in Russian historiography. The objective of the study is to find out what guided the way of the life of the Old Believers living on the Chazhenga River, and how these rules corresponded to the name of the settlement which emerged as an agricultural branch of the Vyg-Leksa Community. On the basis of a wide range of sources, the time of the settlement foundation and the name of its founder, as well as the composition and the number of settlers are specified. Particular attention is paid to the management structure and typology of the settlement, named skete in historiography. Since the Chazhenga settlement was a branch of the Vyg Community, it copied its structure and organization. Therefore, the inhabitants of the settlement lived by the coenobitic charter characteristic of a coenobitic monastery. The settlement had no permanent residents – it was inhabited by the brethren of the Vyg Monastery for the period of agricultural work. The article deals with the issues of the first buildings and localization of the settlement. The study showed that it is wrong to classify the Chazhenga settlement as a skete.

Keywords: Old Belief, Old Believers' settlements, internal structure, localization

Cite this article as: Staritsyn A. N. Initial history of Chazhenga settlement. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 6 (183). P. 70–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.374

REFERENCES

- Макаров Н. А. The Chazhenga schismatic skete. *Zemlya Plesetskaya: gody, sobytiya, lyudi*. Arkhangelsk, 2002. P. 123–128. (In Russ.)
- Макаров Н. А. The Chazhenga Old Believers' skete. *Tserkovnyye prikhody i monastyri Kenozerya i Srednego Poonezh'ya*. Arkhangelsk, 2007. P. 135–140. (In Russ.)
- Markelov G. V. Comments. *Vygoretskiy Chinovnik*. St. Petersburg, 2008. Vol. 2: Texts and research. P. 283–464. (In Russ.)
- Pigin A. V. Handwritten literary monuments of Olonets: Textbook. Petrozavodsk, 2010. 226 p. (In Russ.)
- Khrushkaya L. N. The history of the Chazhenga Old Believers' home. *Kul'turnoe i prirodnoe nasledie Evropeyskogo Severa: Sb.* Arkhangelsk, 2009. С. 307–315. (In Russ.)
- Shapovalova L. G. The Chazhenga finding. *Kul'tura Poonezh'ya X–XXI vekov: obshcherusskie cherty i regional'nye osobennosti: Materialy XI Kargopol'skoy nauchnoy konferentsii (18–22 avgusta 2010)*. Kargopol, 2011. P. 217–222. (In Russ.)
- Yukhimenko E. M. Comments. *Yukhimenko E. M. Literary heritage of the Vyg Old Believers' Community*. Moscow, 2008. Vol. 2. P. 337–503. (In Russ.)

Received: 24 April, 2019

АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ ПИГИН

доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора фольклористики с фонограмм-архивом Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
av-pigin@yandex.ru

**ПЕТР I И ПЕТЕРБУРГ В СОЧИНЕНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ-СТАРООБРЯДЦЕВ
ВЫГОВСКОЙ ПОМОРСКОЙ ПУСТЫНИ***

Анализируются образы Петра I и основанной им столицы в сочинениях XVIII – первой трети XIX века писателей старообрядческой Выговской пустыни. Данные произведения свидетельствуют об исключительно позитивном восприятии выговцами Петра I как милосердного и мудрого правителя, чему способствовала проводимая царем политика веротерпимости. В некоторых из них освещены отдельные факты из истории пребывания Петра I в Олонецком крае. Рассмотрены нарративы, в основе которых лежит популярный в сочинениях о Петре I сюжет «царский суд». В качестве литературного контекста привлекаются рассказы («анекдоты») о Петре I из сборников И. И. Голикова и А. К. Нартова. Анализируется и впервые вводится в научный оборот выговское сочинение о наводнении в Петербурге в 1824 году.

Ключевые слова: старообрядчество, Выговская поморская пустынь, Петр I, Петербург, петербургское наводнение 1824 года, сюжет о «царском суде»

Для цитирования: Пигин А. В. Петр I и Петербург в сочинениях писателей-старообрядцев Выговской поморской пустыни // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 77–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.375

ВВЕДЕНИЕ

История взаимоотношений Петра I со старообрядчеством хорошо освещена в научной литературе в разных аспектах – историко-культурном, социально-экономическом, семиотическом и т. д. [9]. При этом восприятие императора «ревнителями благочестия» изучалось преимущественно в русле эсхатологических воззрений старообрядцев, на материале созданных ими сочинений о конце света. Действительно, интерпретация Петра I как антихриста наиболее традиционна для старообрядческих сочинений. Учение о Петре-антихристе сложилось уже при жизни императора, но большинство произведений на эту тему датируется концом XVIII – XIX веком. Такие сочинения входили в книжный репертуар практически всех старообрядческих согласий – как беспоповцев, так и поповцев, хотя значительная их часть вышла из-под пера старообрядцев-странников (бегунов) – представителей самого радикального старообрядческого крыла [1: 37–60], [2]. Аргументы в пользу своей теории старообрядцы находили как в личном поведении императора, так и, прежде всего, в сути осуществленных им реформ. Брадобритие, введение европейского платья, нового календаря, перепись населения и тяготы подушного налога, титул императора, именование «Отцом отечества», воспринимавшееся традиционалистами как посягательство на духовную власть патриарха

[12: 52–53], – таковы лишь некоторые, наиболее значимые основания для отождествления царя с антихристом. Деяния императора трактовались старообрядцами как исполнение древних пророчеств о «последних временах» в Откровении Иоанна Богослова и в святоотеческих сочинениях. Особенно популярной среди старообрядцев являлась теория расчлененного антихриста, согласно которой антихрист получает последовательное воплощение в сменяющихся друг друга правителях. Петр является «первым» именно по той причине, что с него и начинается этот ряд, доведенный в рукописях XIX–XX веков до последних Романовых. В некоторых старообрядческих нарративах легенда о Петре I – антихристе объединялась с легендой о «подменном царе» [13: 135–136].

В апокалиптическом ключе трактовалось старообрядцами и любимое детище Петра – созданная им новая столица и разнообразные топысы петербургского культурного ландшафта. Так, согласно одной из старообрядческих легенд, Медный всадник (памятник Э. Фальконе, 1782 год) «есть всадник Апокалипсиса, а конь его – конь бледный, появившийся после снятия четвертой печати» [11: 149].

Особое место среди старообрядческих сочинений о Петре I и Петербурге занимают произведения писателей Выго-Лексинского поморского общезиительства, которое находилось к северо-востоку от Онежского озера и просуществовало

полтора века, с конца XVII до середины XIX-го, являясь крупнейшим центром старообрядческой культуры и литературы в России этого времени. Феномен Выга получил разностороннее освещение в трудах Е. М. Юхименко. На обширном рукописном материале исследовательница представила Выг как явление общероссийского масштаба. Важный вывод Е. М. Юхименко заключается также в том, что выговцы, при всех противоречиях, не стремились к самоизоляции, не избегали сотрудничества с государством и российским обществом, более того – занимали твердую патриотическую позицию¹. Об этом свидетельствует, в частности, отношение выговцев к Петру I и основанной им столице.

ПЕТР I В СОЧИНЕНИЯХ ВЫГОВСКИХ КНИЖНИКОВ

Сочинения о Петре-антихристе известны в составе поморских рукописей и, вероятно, вызывали у какой-то части поморцев сочувствие [2: 136–137]. Однако в тех произведениях, которые были созданы непосредственно на Выгу, образ Петра лишен каких-либо inferнальных черт и осмыслен исключительно позитивно. Причем, как справедливо отмечал П. С. Смирнов, такому отношению к Петру на Выгу не мешало и общее для беспоповцев учение о принадлежности императора «к “церкви”, где царствует антихрист»: выговцы «восхваляли Петра» «независимо от содержимой им “веры”»².

Причины такого восприятия выговцами царя заключаются в том, что уже в начальный период существования пустыни в их взаимоотношениях с властью был достигнут компромисс. Как известно, в период правления Петра I происходило смягчение государственной политики по отношению к старообрядцам. Исходя из принципа государственного прагматизма, Петр стремился извлечь доход из религиозного инакомыслия: он обложил старообрядцев двойным налогом и тем самым, по точному выражению А. Г. Брикнера, перенес вопрос о расколе «из круга церковного ведомства в бюджетные соображения»³. Выговцы приняли предложенные властью условия: они платили налоги, были приписаны к Олонецким Петровским заводам, на которых выполняли важные производственные обязанности (по изысканию и разработке руды) – и тем самым обеспечили общезнанию легальное положение.

Понимание того, что отношение власти к старообрядчеству меняется, пришло к выговцам в 1702 году, когда Петр I совершил вместе с войском переход по Осударевой дороге из Белого моря к Повенцу на Онежском озере. Появление царя близ Выговского общежития вызвало у его насельников «боязнь и страх»: некоторые хотели бежать, другие готовы были «огнем скончаться». Однако Петр, по свидетельству выговского историографа Ивана Филиппова, узнав,

что на Выгу живут староверцы-пустынники, сказал: «Пускай живут», и «проехал смирно»⁴. Не случайно запись об этом переходе Петра вошла и в Выголексинский летописец: «1702 года. Император Петр Великий ехал от города Архангельска чрез Повенец» [16: 63].

Несколькими указами 1704–1714 годов за Выговским монастырем закреплялось право вести богослужение по старопечатным книгам, общежителю признавалось самостоятельной хозяйственной единицей, ему была обещана защита от всякого «утеснения» со стороны светских и духовных властей [14: 39–42]. Как писал в Житии Кирилла Сунарецкого выговский агиограф,

«елма убо правосудию Петрову во всей Росии храбрость свою показующу, случися и гонителным за древлецерковныя законы некий отдох прияти, ибо самодержец, аще новин и не истребляше, обаче и древняго благочестия любителей в конечную обиду не отдаваше. <...> Отворишася тогда Выговския пустыни врата...» [10: 495–496].

В том же духе высказывался и автор Жития Ивана Внифантьева:

«Гонению бо тогда на староверцы утишившуся, <...> Петру Первейшему престол великороссийскаго царствия держашу и благоразсудившу не гонити староверцы, зане прародителей его царских книги держат» [16: 180–181].

Примечательно, что в качестве причины прекращения гонений на старообрядцев выговские авторы указали не политические или экономические расчеты царя, но его «правосудие» и уважение к вере своих «прародителей».

В выговской литературе нет произведений, которые были бы целиком посвящены Петру I и его государственной деятельности, но в некоторых сочинениях царю принадлежит весьма важная и в целом положительная, созидательная и благая роль.

Особый интерес у выговских авторов вызывали те факты из жизни и «деяний» Петра, которые имели отношение к Выговской пустыни и истории его пребывания на Петровских Олонецких заводах и на открытом рядом с ними в 1719 году первом российском курорте «Марциальные воды». Вполне в духе официальной (или лояльной к власти) историографии XVIII–XIX веков выговцы описывали само возникновение Петровских заводов: Петр Великий («государь, храбростию и премудростию всю вселенную удививший») повелевает «изыскивать в своей империи железныя и медныя руды и на тех местах умножать заводы» – «ради политическаго интереса и общенароднаго покоя»; появление заводов трактуется как результат «трудоу и прилежания премудраго государя»⁵. Выговцы посылали царю на Олонецкие заводы «гостинцы» (олений, птицу и прочую живность), передавали ему письма:

«И императорское величество все у них милостивно и весело приимаше и писма их вслух всем читаше, хотя

в то время от кого со сторон и клеветы быша, он же к тому не внимаше»⁶.

Во время пребывания Петра на Олонецких заводах и в Марциальных Водах выговцы молились о его благополучии – об этом свидетельствует, в частности, письмо выговского настоятеля Андрея Денисова в Султозерский скит (начало 1720-х годов) [17: 314–315].

В 1722 году на Олонецкие заводы по указу Петра I был послан для увещевания старообрядцев синодальный миссионер иеромонах Неофит, предложивший выговцам для дискуссии 106 вопросов. Один из списков составленных выговцами ответов на эти вопросы («Поморские ответы») был доставлен царю, который, согласно Житию Семена Денисова, «прочте до пяти ответов и, силу написания уразумев, не без похвалы оныя остави, ведяше бо прежде премудрых тамо быти мужей...»⁷. На вопрос Неофита об отношении выговцев к царю выговцы ответили (52-й ответ):

«его <...> величество всепресветлейшаго императора Петра Великаго, Отца отечества, богохранимаго самодержца всемилостивейшаго нашего государя всегвейно почитаем и всеусердно прославляем и всежеланно благодарствуем и благодарствовати и почитати когда не престанем»⁸.

Некоторые выговские истории о Петре I могут быть отнесены к сюжетному типу «царский суд» («милостивый царский/княжеский суд – прощение виновного <...> по ходатайству доверенных лиц/вследствие раскаяния»)». В национальной памяти Петр остался не только царем-реформатором, но и милосердным правителем, способным великодушно прощать провинившихся, преступников и даже своих личных врагов [7: 141–168]. Рассказы («анекдоты») на эту тему вошли в сборник, создание которого приписывалось современнику Петра А. К. Нартову¹⁰, в состав многотомного сочинения о Петре И. И. Голикова (конец XVIII века)¹¹, послужили основой для целого ряда произведений русской литературы XIX века («Пир Петра I» А. С. Пушкина, «Быль 1703 года» К. П. Масальского и др.). Свою лепту в создание этой литературной ипостаси Петра внесли и выговские книжники, причем в числе первых среди российских писателей. В образе доброго милосердного правителя выражались утопические идеалы преследуемых старообрядцев и их надежды на социальную справедливость¹². В выговских рассказах о Петре I интерес представляет также соотношение литературного (прежде всего агиографического) и документального начала.

К 1722 году относится событие, описанное во «втором чуде» выговского Сказания о чудесах Тихвиноборского образа Спаса¹³. Некая крестьянка Прасковья умертвила своего новорожденного младенца, была доставлена в Петрозаводскую канцелярию и приговорена к смерти. Однако, раскаявшись в своем преступлении, она долго молилась в темнице перед образом Богородицы

с «превечным младенцем» на руках. По законам агиографического жанра, она получила освобождение и осталась жить в выговских селениях «неисходно». Спасение Прасковьи от смерти трактуется в Сказании как результат чудесного заступничества Богородицы и Христа (его иконы в Тихвиноборском скиту), но само повеление о помиловании дает Петр, находившийся в это время на заводе по пути в Марциальные Воды. В Сказании приводятся пространные монологи Петра и его «преславной августы» Екатерины I, умолившей супруга отпустить несчастную «колодницу» и дать ей «покаянию время». Царь уподобляется «великодержавному орлу», внимающему «сладчайшему чвебетанию» своей «августейшей ластовицы» [16: 195–200]. Независимо от того, насколько достоверной является эта история, имеющая, несомненно, литературную природу¹⁴, она очень ярко характеризует отношение выговских книжников к царю. Петр предстает здесь как милостивый правитель, орудие Божией воли, явленной через почитаемую на Выгу икону, и, по сути, как покровитель Выговской пустыни: освобожденная им крестьянка пополняет число «ревнителей» старой веры в общежительстве.

История помилования крестьянки-детоубийцы как будто вступает в противоречие со свидетельством И. И. Голикова: «Сколь ни склоняли монарха на милость раскаяния, ежели оныя были чистосердечны, однако же исключались из сея милости смертоубийцы»¹⁵. Примечательно, что единственный рассказ самого И. И. Голикова о прощении Петром I убийцы – разбойника, выбравшего «поручкой» своей честности Николая Чудотворца, тоже имеет, как и «чудо» о Прасковье, христианскую легендарно-агиографическую основу¹⁶.

Еще один «темничный сюжет» (в «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова), посвященный аресту на Петровских заводах выговского отца Даниила Викулина в 1718 году, хотя и не развернут в агиографическое повествование, включает элемент чудесного. Даниил Викулин был взят под стражу «к розыску» по доносу, но вскоре, по ходатайству за него перед царем начальника заводов В. И. Геннина, отпущен. Иван Филиппов, рассказывая об этом решении царя, предполагает божественное вмешательство. Петр находился в дороге из Новгорода в Петербург, спал в карете, но неожиданно проснулся и повелел написать указ об освобождении заключенного. При этом свидетели слышали, что «его величество в просонии говорил неоднократно вслух, что “скоро спустити велю тот час”, а кому он говорил – про то никто не знает, токмо Господь весть своими праведными судьбами». Не случайно освобождение Даниила Викулина трактуется как чудо: «И видеша сие преславное чюдо градские и заводские люди, вси удивившася и прославиша Бога»¹⁷.

Несколько ранее выговцы пережили арест и длительное заключение в новгородской тюрьме (1713–1717) другого выговского отца – Семена Денисова. Этому важному в истории Выга событию посвящен целый цикл выговских сочинений – прежде всего, послания разным лицам самого Семена Денисова [15], а также главы в житиях Андрея Денисова и Семена Денисовых¹⁸. Арестованный по доносу в Новгороде 10 декабря 1713 года Семен стойко переносил жестокое обращение и унижения. Отказ перейти в «новую веру», открытая полемика по религиозным вопросам с новгородским митрополитом Иовом могли закончиться для арестанта мучениями и казнью. 29 марта 1714 года узника доставили в Петербург для «освидетельствования» его самим царем. Как сообщал об этой встрече в одном из своих посланий Андрей Денисов, «смирнейший государь» не явил ни «ярости», ни «прещения», но «на желание мучения архиерейская и прочих государь возрази и отказа и отпущена от своего величества учини и вины на нем быти никакой не сказа <...> и мучити не повеле» [16: 120]¹⁹. Согласно Житию Андрея Денисова, царь высоко оценил «умные разговоры» Семена, его познания в православном богослужении²⁰. В отличие от рассмотренных ранее двух историй, царь не освобождает узника, чуда не происходит – Семен Денисов по-прежнему остается в распоряжении новгородского владыки, враждебность которого к заключенному только возросла, но казнь ему уже не грозит. В послании из Новгорода в пустынь выговца Леонтия Федосеева приводятся слова ученого грека Иоанникия Лихуда, посетившего Семена Денисова в тюрьме для очередного его «увещевания»: «Не печалуй, не прибудет ти ни едино досадительно, яко от царского вел<и>чества» ни перстом вредити приказано»²¹ [16: 134].

Примечательно, что в этом же послании, написанном Леонтием Федосеевым специально для того, чтобы передать на Выг последние новости о пребывании Семена Денисова в новгородской тюрьме («о настоящем его житии»), автор с нескрываемым восхищением сообщает и о «преславной победе» Петра I над шведами в битве при Гангуте (27 июля 1714 года) [16: 135]. Позднее, в 1721 году, выговцы столь же искренне радовались победоносному завершению Северной войны и заключению Ништадтского договора, неизменно трактуя все государственные успехи как личные заслуги «пресветлаго царьскаго величества»²².

Прославлению Петра I, его добродетелей и воинских подвигов посвящены также различные примеры к теоретическим разделам в сочинениях по риторике, которые были очень популярны на Выгу. Некоторые примеры заимствовались из Риторике (1710 год) Козмы Афоноверского (греческого монаха из московского

Чудова монастыря), другие составлялись самими выговцами, в основном Андреем Денисовым [5: 74–86].

ПЕТЕРБУРГ В СОЧИНЕНИЯХ ВЫГОВСКИХ КНИЖНИКОВ

Уважительное отношение выговцев к Петру I распространялось и на созданную им новую столицу – Петербург, который именуется в выговских сочинениях не иначе как «преименитославнейший российский град» и «высокословущий Петрополь». Выговцы поддерживали тесные связи со своими петербургскими благодетелями (Долгими, Галашевскими и др.); выговские настоятели регулярно посещали столицу по делам пустыни. В конце XVIII века на улице Моховой в Петербурге была открыта поморская Долгова (Пиккиева) моленная в честь Богоматери Знамения [8]; своеобразным подворьем Выговского монастыря служила и квартира на Большой Никольской петербургского купца Алексея Семенова Копнина [6: 269–273].

Разумеется, привыкшие к тишине и покою среди лесов, рек и озер Обонежья, выговцы не могли воспринимать Петербург в полной мере как «свое» пространство. Не случайно в выговских сочинениях встречается противопоставление «шумного и ликующего града» «мирной» Выговской пустыни. В начале 1830-х годов выговская благотворительница Н. К. Галашевская решила оставить Петербург и навсегда поселиться в Лексинской обители. В одном из выговских слов, созданных в связи с освящением ее дома на Лексе, выговский книжник писал:

«Яко остави Петроград, именованнейшую столицу, и в ней вся соблазны мирозрительных позорищ: преогромнейших каменнозданий и борзоходнейших коней ристаний и дугозаложенных колесниц бряцания и вся яже в домех и на торжищих вселаскательныя приветства. <...> ...и избравшую лутчую жизнь в тишине северо-востока в месте Выголексинскаго общежительства обители Крестовоздвиженския девическаго всекраснейшаго лика» [17: 304].

Однако и в этом описании, построенном на антитезе «тишины» северной обители «соблазнам» пышного города, нет осуждения и неприятия Петербурга – он является для автора «именительнейшей столицей». Антитеза нужна, скорее, для того, чтобы точнее передать мысль о нравственном выборе, который совершила Н. К. Галашевская, отказавшись от мирских радостей во имя душевного покоя.

В одной из выговских рукописей сохранилось описание петербургского наводнения 7 ноября 1824 года – самого разрушительного за всю историю города. Описание входит в подборку небольших, точно датированных документальных статей, в которых повествуется о событиях в Петербурге и Выговском суземке в период с 1809 по 1827 год²³. Наводнение описано глазами очевидца и, судя по точности деталей и неподдельной

эмоциональности, – вскоре после самого события. Упоминание выговской моленной Знамения на Моховой («...на Моховом прищепке (вода. – А. П.) бысть более аршина, а по прочим к вышележащим местам, как то к Знамению, толко по прашпектом») не оставляет сомнения в том, что статья составлена старообрядцем-поморцем²⁴. В сочинении ярко изображена картина разбушевавшейся стихии: вода «иде по граду с страшным шумомъ, к крыше шествуемы, единъ за другим, страшныя и несказанныя валы, бревно повсюду разливаясь»; «даже и самое камение, вода ископаяя и превращая равно положенная въ стропотная для охранения положенная оружия зѣло тяжелая, и до двухъсотъ пудовъ, – вся унесе въ море» и др. Смерть настигает горожан внезапно:

«...и на борзых конех утекати и спасатися не возмогша», «Мнози тогда и в карѣтахъ едуше погибоша. А на пешии народъ ходящий что и глаголати? Страшно и помyslити о том! Что тогда бѣднии сироты и не имущи главы подклонити въ храмину, гдѣ тогда быша, что пострадаша?».

Рассказ об этом бедствии сопровождается горестными восклицаниями автора: «Оле, оле! <...> О, братие! Что се бысть и за что?» При этом автор очень сочувственно отзывается о поведении царя: Александр I не только «плакашася зело», наблюдая за всем «во оконце», но и отдал приказ укрывать от стихии всех, кто оказался рядом, – как «вельмож и высокоблагородных», так и «нищих» – прямо в «царских чертогах». Достоверность этого сообщения подтверждается и другими свидетельствами очевидцев о том, что царь во время наводнения лично заботился о погибавших [11: 200]²⁵.

Документальности описания нисколько не противоречит неизбежное в сочинении старообрядца провиденциальное осмысление события. Наводнение несколько раз именуется «потопом», что вызывает отчетливые библейские ассоциации и позволяет разглядеть в случившемся некие божественные знаки. На предстоящее бедствие, как пишет автор, задолго до него, еще во времена нашествия Наполеона, указывали «многа и различна знамения воздушна» и падение на землю «звезды или планеты». В соответствии с учением о «Божиих казнях» (см. о нем, например: [3]) петербургская катастрофа 1824 года трактуется как Божие наказание за грехи («Разве за грехи непокаявшихся бысть таковая искушения попушена от Бога?»). После наводнения «некоей благочестивой вдове» в Петербурге было видение: к ней явилась сама Богородица и заповедала передать «всему христианскому роду и прочим людям» о том, что «потоп» был Божиим наказанием и что люди должны впредь почитать церковные праздники (не осквернять их пьянством, чревоугодием, работой по воскресеньям), подавать милостыню нищим и каяться в своих грехах. Богородица умолила своего сына Христа не губить пока город «без памяти», но времени для покая-

ния осталось мало, «Бог может вся во един час вся истлити». Такие пророческие видения, включающие мотив заступничества Богородицы перед Христом, стали популярны в русской литературе начиная с периода Смуты начала XVII века («Повесть о видении некоему мужу духовну» и др.).

Казалось бы, старообрядческий автор имел прекрасную возможность истолковать «потоп» как Божию кару «новой столице» за преобразования и европейский выбор Петра I²⁶. Но логика его рассуждения совсем иная. Описанию наводнения в рукописи предшествует рассказ некоего петербургского мещанина Даниила Григорьева – как можно понять из текста, прихожанина поморской моленной на Моховой. Однажды в видении в июне 1819 года ему было открыто, что «зело согрешают в своей они моленной»: служба совершается «по правилу и по уставу церковному», но при этом «отцы их чад своих в слабости содержат». Некий чудесный «муж» разъяснил визионеру, в чем заключается эта «слабость»: пьянство и «многопищие» в дни церковных праздников, неприлежание в «церковном правиле», отступления от старинных русских традиций в одежде («прибавление немецких украшений» и др.). Чудесный «муж» понуждает Даниила рассказать обо всем увиденном одноверцам для их вразумления, а «ежели не послушают», их ждет наказание. Логика текста такова, что наводнение 1824 года является карой, в том числе и за грехи староверов.

Таким образом, выговские старообрядцы не отделяли себя от остального российского общества, не противопоставляли себя ему, но в полной мере разделяли с ним ответственность за судьбу своего отечества. «Весь христианский род и прочие люди», к которым в видении «некоей вдовы» обращается Богородица, – это царь и его придворные, нищие и вельможи, прихожане господствующей церкви и ревнители древлего благочестия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проводимая Петром I политика веротерпимости дала важные результаты: около полутора веков на севере России просуществовало Выго-Лексинское общечестительство, являвшееся в XVIII–XIX веках крупнейшим центром старообрядческой культуры. Выговцы не только сохраняли лояльность по отношению к государству и власти, но и прославляли в своих сочинениях Петра как милосердного человека, талантливого полководца и «премудрого государя», радеющего под Божиим покровом о благе отечества.

В Приложении публикуется текст ново-найденного выговского описания петербургского наводнения 1824 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ

// (л. 3 об.) Передъ потопом царствующаго града Санкт-Петербурга многа и различна знамения воздушна видяхуся во многоразлична времена. Егда вѣторжеся

въ росийския границы Божиим попусцием Наполеонъ съ силами, напрежде бысть усмотрено астрономами, что прираститце к земле звѣжда или планета в самой Питеръ. Но Богъ осуети ихъ умышления. Точно приразилась планета, но не на Питеръ, но на пустое мѣсто въ Нерчинскомъ уѣздѣ. Симъ видомъ: прежде показался огонь, как столпъ, за огнемъ водянный столпъ, и изры землю на восменатцеть версть в длину и в ширину мало уже. И стало на том мѣстѣ озеро. И деревню, тутъ стоящую, всю потопило и разнесло. Толко спаслись два человѣка на овѣщение. // (л. 4) Въ послѣ вторгался неприятель къ Питеру въ Новгородской губернии въ Луковскомъ уѣздѣ, неприятельской силы тамо убито более трехъ тысячь.

В послѣ Наполеона, егда изгнали вонъ с России, такъ въ Питере ночныя караулы видѣли много разъ над дворцомъ государевымъ овогда огонь яко воздушныя огненныя понявицы надходяща и исчезающа, овогда яко змию огнену надлетающа и с трескомъ счезающа. Овогда при мори видешася яко столпие огнени стояща: овогда единъ, овогда два. И прочая такова явления страшна. Нынѣшняи мудрецы ни во что сия полагаху. И гл<агол>юще: многи и различны на воздухѣ таковыя есть, и творятъ къ разнымъ погодомъ таковая приведѣния. И не веляху никому сихъ повѣдовати, дабы народъ о томъ не смущался, а жили бы безъ печали. // (л. 4 об.)

Въ лѣто 7332-го (1824) месяца ноября въ 7 день Божиимъ повелѣниемъ бысть вѣтръ полуденный зѣло великъ, и дождь припре воду съ моря зѣло высоко. И иде по граду съ страшнымъ шумомъ, к крыше шествуемы, единъ за другимъ, страшныя и несказанныя валы, бревно повсюду разливаяся. Столь спѣшно шествие ея бысть, яко и на борзыхъ конехъ утекати и спасатися не возмогоса. И столь высоко вода возвысися, и повсюду видящася, яко Морская ино въ приморскомъ бреге бысть, и до семи аршинъ противъ Михайловска замка бысть, на Фонтанке въ три аршина и выше, на Моховомъ прищепке бысть болѣе аршина, а по прочимъ къ вышельжащимъ мѣстамъ, какъ то къ Знамению, толко по прашспектомъ.

Оле, оле! // (л. 5) Божие с милостию наказание за молитвы христианския! Недолго постояла в вышину, толко три часа, а от прилития и избѣжания паки в свое мѣсто двадесять два часа. Гдѣ тогда спастись было въ нижнихъ предѣлахъ живущимъ людямъ? Увы, вся тая вода потопи! Развѣ могущи возмогли нѣкако спастися в высокихъ зданяхъ по глаголу, сказанному от тамошнихъ, никтоже не надѣяшася уже спастися, но вся пред очима видяху всякъ свою уже смерть.

И самъ царь, сѣдя во оконце и зѣря тако свирѣпѣющую водянную бурю, плакаше зѣло, и вси предстоящи ему таяжде творяху. Приказано было, аще кто можетъ, и в самыхъ царскихъ чертогахъ спастись, да некоторымъ таковымъ хотя и нищимъ, а не то велможамъ и высокоблагороднымъ, // (л. 5 об.) кои обычаи свои завсегда имѣютъ тамо входить, но имже запрещено и зѣрѣти, тии тамо тогда спасахуся.

Мнози тогда и в карѣтахъ едуще погибоша. А на пешии народъ ходящии что и глаголати? Страшно и помыслити о томъ! Что тогда бѣднии сироты и не имущии главы поклонити въ храмину, гдѣ тогда быша, что пострадаша? Оле, развѣ нечаемо смерть, мнози в таковое время не имуща смысла другъ съ другомъ и послѣднего прощения получить, развѣ тогда от всѣхъ единъ гласъ слышашася: «Оле, погинулъ! Охъ, залило! Охъ, бѣда, куды уйти! Некуды!». В самыхъ предѣлахъ, идѣже живяху, ту и умроша от воды.

О, братие! Что се бысть // (л. 6) и за что? Развѣ за грѣхи непокаявшихся бысть таковая искушения попушена от Бога! Сколки дома погибоша, сколко изъяны сотворишася и самымъ высокоименитымъ персонамъ, мнози от богатства въ нищету приидоша. Аще бы не сие, еже сотвори Богъ наказати, еже разнесло снопаки, и вся въ море снесло, бочки и бревны, даже и самое камение, вода ископаяя и превращая равно положенная въ стропотная для охранения положенная оружия зѣло тяжелая, и до двухъсотъ пудовъ, – вся унесе въ море, яже потомъ и не обрѣтется нигдѣже. И многа таковая сотворишася, яже бесъ памяти уже бысть. И будутъ таковая паки обносилися на языкъ, а нынѣ о тѣхъ умолчу.

По потопѣ видѣние бысть вскорѣ нѣкою христианскою женѣ. // (л. 6 об.) Бысть нѣкая вдова благочестива, молящися во едину ночь на правилѣ своемъ (в Санктъ-Пе<те>рбурге), и по правилѣ усну, и бысть ей видѣние нѣкое. Прииде жена багры носящи зѣло свѣтоносна и глагола ей: «Азъ умолихъ Сына своего еще на мало время еже вовсе не погубити безъ памяти таковаго града. А ты, жено, повѣдай всему христианскому роду и прочимъ людемъ Божие наказание и посѣщение с милостию. Первое: дабы престали сквернити неупражнениемъ своимъ от трудовъ и излишняго попечения, и пиянствомъ и многопициемъ почитаютъ праздники Божия и мои, и работаютъ въ воскресныя дни, того всего ненавидитъ Богъ, и симъ всѣмъ раздражаютъ Его милосердную утробу. Второе: дабы наполняли маломощнымъ руки от с// (л. 7) воего праведнаго добытия, и прочее. Третье: калясия бы грѣховъ своихъ безпрестанно, и начастъ бы приходили к службы Божии, и стояли бы у службы со страхомъ Божиимъ, и просили бы у Бога отпуста грѣховъ своихъ, и помнили бы таковое Божие наказание. Понеже Богъ можетъ вся во единъ часъ вся истлити, но ожидая нашего покаяния и обращения къ Нему. Повѣдай вся сия и не стыдися. Аще не повѣси, то за то осудишися въ вѣчную муку. Азъ сама тя имамъ наказати за преслушание на семь свѣтѣ, и по смерти предана будещи во адова заточения».

По потопѣ единъ продавецъ нача продаяти тройной ценой товаръ лакомной, то есть чай, сахаръ, за что тайно узнать от градоначетчика, и донесено о немъ царю, за что, озлобяся, великий государь сослалъ в сылку.

РГБ, собр. Барсова, № 1197.16, л. 3 об.–7.

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН (тема № АААА-А18-118030190094-6).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН – Библиотека Российской академии наук (С.-Петербург).
РГБ – Российская государственная библиотека (Москва).
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ К сходным выводам приходили и предшественники Е. М. Юхименко (см., например: Барсов Е. В. Петр Великий в его отношении к Поморскому расколу // Русское обозрение. 1894. Январь. С. 137–146; Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909). Однако в работах Е. М. Юхименко этот вопрос решен гораздо более обстоятельно, с привлечением широкого круга новых источников (см., например: [18], [19]).
- ² Смирнов П. С. Споры и разделения... С. 348–349.
- ³ Брикнер А. Г. Иллюстрированная история Петра Великого. СПб., 1903. Т. 2. С. 236.
- ⁴ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. М.: Третий Рим, 2005. С. 113.

- ⁵ Семен Петров. Слово на 4-й день по преставлении Никифора Семенова (см.: [17: 104]). История Олонецких Петровских заводов в панегирическом ключе была впервые подробно описана петрозаводским историком Т. В. Баландиным в 1814 году (см.: Баландин Т. В. «Петрозаводские северные вечерние беседы» и другие сочинения и письма / Сост. и отв. ред. А. В. Пигин. СПб., 2016). При этом некоторые факты Т. В. Баландин почерпнул из сочинения И. И. Голикова «Деяния Петра Великого» (1788–1789).
- ⁶ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. С. 134. Это известие повторяется и в Житии Андрея Денисова (БАН, собр. Дружинина, № 647, л. 152, список XIX века).
- ⁷ БАН, собр. Дружинина, № 985, л. 33 (Житие Семена Денисова, список XIX века).
- ⁸ БАН, собр. Дружинина, № 810, л. 224 об. (Поморские ответы, список 1736 года).
- ⁹ Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 2006. Вып. 1. С. 144–145.
- ¹⁰ Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. Приложение к 57 тому «Записок императорской академии наук». № 6. СПб., 1891. № 28, 43, 48 и др.
- ¹¹ Голиков И. И. Дополнение к Деяниям Петра Великого, содержащее анекдоты, касающиеся до сего великого государя. М., 1796. Т. 17. № 3, 4, 7, 10 и др.
- ¹² Об утопических воззрениях выговцев см.: [4: 167–236], [5].
- ¹³ Исследование памятника см. в.: [20].
- ¹⁴ О соотношении подлинных реалий и вымысла в этом сочинении см.: [14: 237–241]. Добавим к этому, что среди исторических «анекдотов» о Петре встречаются и такие, в которых именно императрица ходатайствует перед царем за осужденного (см.: Голиков И. И. Дополнение к Деяниям Петра Великого... С. 342–346 (№ 92); Майков Л. Н. Рассказы Нартова... С. 90. № 138; С. 98. № 148).
- ¹⁵ Голиков И. И. Дополнение к Деяниям Петра Великого... С. 292.
- ¹⁶ Там же. № 75. С. 289–293.
- ¹⁷ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. С. 143–144.
- ¹⁸ БАН, собр. Дружинина, № 647, л. 184–191 об. (Житие Андрея Денисова); БАН, собр. Дружинина, № 985, л. 20 об.–31. (Житие Семена Денисова).
- ¹⁹ Ср. в Житии Семена Денисова: «... императорское же величество не вняв архиерейскому клеветанию, но кротко с тихостию на словах испытал его о последовании древнему благочестию; <...> видев же монарх мужа разумом исполнена и кротостию цветуща, не склонил свое сердце озлобить его ничимъже, ниже архиерею повеле испытал жестоко, ниже отпустил его повеле, но тако его остави...» (БАН, собр. Дружинина, № 985, л. 28–28 об.).
- ²⁰ БАН, собр. Дружинина, № 647, л. 188–188 об.
- ²¹ В сентябре 1717 года Семену Денисову удалось бежать из тюрьмы вместе с охранявшим его солдатом. Петр I, узнав о побеге, якобы сказал только: «Добре, Бог с ним» (БАН, собр. Дружинина, № 985, л. 30 об.; Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. С. 143).
- ²² Андрей Денисов. Послание В. И. Генину (см.: [17: 311]).
- ²³ РГБ, собр. Барсова, № 1197.16, рукопись форматом 8⁰, 16 листов, выговская скоропись (почерк атрибутировать не удалось).
- ²⁴ Сообщение о наводнении 1824 года вошло и в Выголексинский летописец: «... в Питербурге наводнение превеликое з бурей от моря было, корабли ломало, дома с людьми в море унесло, людей и скота много погибло...» [16: 75].
- ²⁵ См. также: Аллер С. Описание наводнения, бывшего в Санкт-Петербурге 7 числа ноября 1824 года. СПб., 1826. С. 49–51.
- ²⁶ В старообрядческих сочинениях встречается эсхатологическое осмысление петербургского наводнения. Так, согласно странническому сочинению, озаглавленному «Цветник уральский», наводнение предшествует Второму пришествию Христа: «За три лета до пришествия Христова покажет Небесный Царь земному царю на небеси знамение – честный и животворящий крест осмиконечный яко хоругвь царскую своего пришествия. И сие совершилося по потопе питерском. Сам государь наш сего знамения самовидец бысть» (БАН, Вятское собр., № 164, л. 57–57 об., конец XIX – начало XX века).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурьянова Н. С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск: Наука, 1988. 192 с.
2. Гурьянова Н. С. Старообрядческие сочинения XIX в. «о Петре I – антихристе» // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск: Наука, 1980. С. 136–153.
3. Добровольский Д. А. «Теория казней Божьих»: от Начального свода к Повести временных лет // Локальные исторические культуры и традиции историописания. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2011. С. 144–154.
4. Журавель О. Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2012. 442 с.
5. Журавель О. Д. «Той, от него же вся Россия поколебася»: еще раз об отношении старообрядцев Выга к царской власти // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2015. С. 70–86.
6. Зотова Е. Я., Юхименко Е. М. Уникальный владельческий меднолитой складень 1718 г. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М.: Языки славянской культуры, 2004. Вып. 3. С. 259–273.
7. Никанорова Е. К. Исторический анекдот в русской литературе XVIII века. Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 468 с.
8. Пивоварова Н. В. Пиккиева моленная в Петербурге: Страницы истории // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы VIII Междунар. науч. конф. 13–15 ноября 2007 г. Москва. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 2007. Т. 1. С. 109–115.
9. Реснянский С. И., Киенков А. А. Церковно-государственная политика Петра I в отечественной историографии. М.: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2016. 372 с.
10. Руди Т. Р. Житие Кирилла Сунарецкого (публикация текста) // ТОДРЛ. СПб.: Росток, 2016. Т. 64. С. 448–500.
11. Синдаловский Н. А. История Санкт-Петербурга в преданиях и легендах. СПб.: Норинт, 1997. 358 с.
12. Успенский Б. А. *Historia sub specie semioticae* // Успенский Б. А. Избранные труды. М.: Гнозис, 1994. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 50–59.
13. Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 544 с.
14. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. 544 с.
15. Юхименко Е. М. «Егда же к нам, недостойным, принесется честная епистолия твоя...» (круг памятников, связанных с новгородским заключением Семена Денисова в 1713–1717 гг.) // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 57. С. 806–838.

16. Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 1. 688 с.
17. Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 2. 568 с.
18. Юхименко Е. М. О патриотизме выговских старообрядцев (по литературным памятникам) // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. 26–28 июня 2001 г. Улан-Удэ, 2001. С. 320–323.
19. Юхименко Е. М. Самодержавие и правоверие в литературе выговского старообрядчества // *Pisarz i władza (od Awwakuma do Solżenicyna)*. Łódź, 1994. S. 34–41.
20. Юхименко Е. М. «Сказание о чудесах Тихвиноборского образа Спаса» (к вопросу о жанровом разнообразии выговской литературной школы) // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1999. М.: Наука, 2000. С. 19–32.

Поступила в редакцию 07.06.2019

Alexander V. Pigin, Doctor of Philology, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

PETER THE GREAT AND ST. PETERSBURG IN THE WORKS OF THE OLD BELIEVER WRITERS OF THE VYG COMMUNITY*

The article analyzes the images of Peter the Great and the capital founded by him in the Vyg Old Believer writers' oeuvre of the XVIII and the first third of the XIX centuries. These works are indicative of an exceptionally positive perception of Peter the Great by the Vyg Old Believers, who saw him as a merciful and wise ruler, because the Tsar's policy was religiously tolerant. Some of these works throw light on particular facts from the history of Peter the Great's visit to the Olonets Province. The article examines narratives based on a plot, popular in the works about the Tsar, known as "the Tsar's trial". As a literary context, anecdotes about Peter the Great are drawn from I. I. Golikov's and A. K. Nartov's collections. One of the Vyg writers' works about the flood that happened in St. Petersburg in 1824 is analyzed and presented to the scientific community for the first time.

Keywords: Old Belief, Vyg Old Believers' Community, Peter the Great, St. Petersburg, St. Petersburg flood of 1824, plot of "the Tsar's trial"

* The study was carried out as part of the state project No AAAA-A18-118030190094-6.

Cite this article as: Pigin A. V. Peter the Great and St. Petersburg in the works of the Old Believer writers of the Vyg Community. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 6 (183). P. 77–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.375

REFERENCES

1. Gur'yanova N. S. Peasant anti-monarchist protest in the Old Believer's eschatological literature of the late feudalism period. Novosibirsk, 1988. 192 p. (In Russ.)
2. Gur'yanova N. S. The Old Believer's writings of the XIX century "about Peter I, the Antichrist". *Sibirskoe istochnikovedenie i arkheografiya*. Novosibirsk, 1980. P. 136–153. (In Russ.)
3. Dobvol'skiy D. A. The theory of divine retribution: from the Primary Chronicle to the Tale of Bygone Years. *Lokal'nye istoricheskie kul'tury i traditsii istoriipisaniya*. Moscow, 2011. P. 144–154. (In Russ.)
4. Zhuravel' O. D. The literary works of Old Believers between the XVIII and the early XXI centuries: topics, issues, poetics. Novosibirsk, 2012. 442 p. (In Russ.)
5. Zhuravel' O. D. "He who caused the entire Russia to shudder": considering once again the Vyg Old Believers' attitude to the royal power. *Religioznye i politicheskie idei v proizvedeniyakh deyateley russkoy kul'tury XVI–XXI vv.* Novosibirsk, 2015. P. 70–86. (In Russ.)
6. Zotova E. Ya., Yukhimenko E. M. A unique possessory cast copper folding icon of 1718. *Starobryadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.)*. Moscow, 2004. Issue 3. P. 259–273. (In Russ.)
7. Nikanorova E. K. Historical anecdote in the Russian literature of the XVIII century. Anecdotes about Peter the Great. Novosibirsk, 2001. 468 p. (In Russ.)
8. Pivovarova N. V. Pikkhiev's prayer room in St. Petersburg. Pages of history. *Starobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'*. *Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 13–15 noyabrya 2007 g. Moskva*. Moscow, 2007. Vol. 1. P. 109–115. (In Russ.)
9. Resnyanskiy S. I., Kienkov A. A. Peter the Great's church policy in domestic historiography. Moscow, 2016. 372 p. (In Russ.)
10. Rudi T. R. The Life of Cyril Sunaretsky (publication of text). *Proceedings of the RAS Department of Old Russian Literature*. St. Petersburg, 2016. Vol. 64. P. 448–500. (In Russ.)
11. Sindalovskiy N. A. The history of Saint Petersburg in tales and legends. St. Petersburg, 1997. 358 p. (In Russ.)
12. Uspenskiy B. A. Historia sub specie semioticae. *Selected works*. Moscow, 1994. Vol. 1. P. 50–59. (In Russ.)
13. Chistov K. V. Russian folk utopia (the genesis and functions of social utopia legends). St. Petersburg, 2003. 544 p. (In Russ.)
14. Yukhimenko E. M. The Vyg Old Believer Community: Spiritual life and literature. Moscow, 2002. Vol. 1. 544 p. (In Russ.)
15. Yukhimenko E. M. "When we, the unworthy, received your dignified message..." (literary works connected with Simeon Denisov's imprisonment in Novgorod in 1713–1717). *Proceedings of the RAS Department of Old Russian Literature*. St. Petersburg, 2006. Vol. 57. P. 806–838. (In Russ.)
16. Yukhimenko E. M. The literary heritage of the Vyg Old Believer Community. Moscow, 2008. Vol. 1. 688 p. (In Russ.)
17. Yukhimenko E. M. The literary heritage of the Vyg Old Believer Community. Moscow, 2008. Vol. 2. 568 p. (In Russ.)
18. Yukhimenko E. M. Patriotism of the Old Believers of the Vyg Community (through literary works). *Starobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi: Materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 26–28 iyunya 2001 g. Ulan-Ude*, 2001. P. 320–323. (In Russ.)
19. Yukhimenko E. M. Autocracy and the right faith in the Vyg Old Believer literature. *Pisarz i władza (od Awwakuma do Solżenicyna)*. Łódź, 1994. P. 34–41. (In Russ.)
20. Yukhimenko E. M. "The legend about the miracles of the Saviour of Tikhvinoborsk icon" (discussing the issue of the genre diversity of the Vyg literary tradition). *Pamyatniki kul'tury: Novye otkrytiya: Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya: Ezhegodnik 1999*. Moscow, 2000. P. 19–32. (In Russ.)

Received: 7 June, 2019

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПАШКОВ

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

pashkov@petrsu.ru

СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ КЛАДБИЩЕ В ПЕТРОВСКОЙ СЛОБОДЕ: ИЗ РАННЕЙ ИСТОРИИ ПЕТРОЗАВОДСКА

Исследуется малоизученная проблема роли старообрядцев в истории Петровских заводов и возникшего при них поселка, известного как Петровская слобода, в первые десятилетия XVIII века. Цель исследования – показать, что уже тогда старообрядцы составляли значительную часть постоянного населения Петровской слободы. В качестве аргумента использованы данные об истории старейших кладбищ Петровской слободы, приведенные в исторических источниках и свидетельствах краеведов конца XIX века. Сделан вывод о том, что в первые десятилетия существования Петровских заводов в окрестностях Петровской слободы возникло два кладбища – для сторонников официального православия и для старообрядцев. Старообрядческое кладбище существовало на месте современного пересечения проспекта Карла Маркса и улиц Кирова и Куйбышева. Оно было заброшено уже к концу XVIII века. Однако сам факт его существования говорит о том, что в первые десятилетия существования Петровской слободы там проживало большое количество старообрядцев. Этот факт позволяет углубить представление о том, почему именно в Петровской слободе в 1723 году состоялось такое знаменитое событие в истории старообрядчества, как публичный диспут представителя Синода иеромонаха Неофита с посланцами выговских старообрядцев Мануилом Петровым и Иваном Матвеевым.

Ключевые слова: Петровская слобода, старообрядчество, старообрядческое кладбище, Петрозаводск

Для цитирования: Пашков А. М. Старообрядческое кладбище в Петровской слободе: из ранней истории Петрозаводска // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 85–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.376

ВВЕДЕНИЕ

В конце августа 1703 года на месте впадения реки Лососинки в Онежское озеро был основан Петровский пушечный завод. Рядом с заводом возникло поселение, известное как Петровская слобода. В условиях Северной войны численность населения слободы быстро росла. Там жили заводские мастеровые, солдаты гарнизонного батальона, охранявшего заводы, инженеры и офицеры, чиновники и торговцы и т. д. В 1717 году в Петровской слободе было уже 158 жилых домов «государева строения», то есть принадлежавших государству, и 398 частных домов. В своих домах проживало 189 «оружейных кузнецов» и 77 семейных солдат гарнизона. Другой документ, относящийся примерно к 1718–1719 годам, дает другие цифры: 151 казенных и 420 частных дворов, в которых проживало 2748 человек (1030 «людей, служащих на заводе», 697 – их жены и 1021 – их дети). Перепись населения (ревизия) 1723 года показывает, что большая часть населения слободы имела стаж заводской работы от полугода до 5 лет, хотя были и такие, кто отработал на заводе от 10 до 20 лет. В слободе при заводе проживали на временном положении (по 2–3 месяца) и приписанные к заводу крестьяне («уездные люди»). В одном из доку-

ментов, относящихся к 1717–1719 годам, указана их численность – 779 человек. Таким образом, в период своего расцвета (1714–1721 годы) население Петровской слободы достигало 3,5 тысячи человек [16: 406–407].

Особенностью Олонецкого уезда во второй половине XVII – середине XIX века была принадлежность значительной части местного населения к старообрядчеству. Именно здесь в 1694 году был основан один из крупнейших общероссийских центров старообрядцев поморского согласия (умеренное крыло беспоповского направления старообрядчества) – Выговская пустынь¹, получившая в 1702 году после знаменитой реплики царя Петра I «Пускай живут!» (см.: [1: 113]) легальный статус. Петр I проводил в отношении выговских старообрядцев политику веротерпимости, обусловленную тем, что репрессии и гонения могли спровоцировать их бегство и в условиях Северной войны поставить под угрозу бесперебойную работу Олонецких Петровских заводов. В конце августа – начале сентября 1703 года Петр I послал А. Д. Меншикова руководить постройкой новых металлургических заводов на территории Олонецкого уезда². А. Д. Меншиков прибыл в Заонежье, на Усть-рецкий завод (ведущее предприятие заводов

А. Бутенанта), и оттуда направил указ выговским старообрядцам. Содержание этого указа И. Филиппов передает так:

«Слышно Его императорскому величеству, что живут для староверства разных городов собравшиеся в Выговской пустыни, а службу свою отправляют к Богу по старопечатным книгам. А ныне Его императорскому величеству для войны Шветской и для умножения оружия и всяких воинских материалов ставятся двою железные заводы, а одне близ их Выговской пустыни, и чтоб оные в работы к Повенецким заводам были послушны и чинили бы всякое вспоможение по возможности своею, а за то Императорское величество даде им свободу жити в той Выговской пустыни и по старопечатным книгам службы свои к Богу отправляти» [15: 114].

Ознакомившись с указом А. Д. Меншикова, выговцы составили на его имя челобитную с согласием на их приписку к заводам в обмен на свободу вероисповедания, которую доставили на Усть-рецкий завод. А. Д. Меншиков переслал выговскую челобитную Петру I, который одобрил этот компромисс. Вскоре А. Д. Меншиков направил на Выг новый указ, «чтоб быть ведомым Выгорецким пустынножителем к Повенецким заводам в рудосыскальстве и в подьеме; а в вере быти свободным по прощению их» [15: 114]. Ставка властей на привлечение старообрядцев к развитию горнозаводской промышленности Олонецкого края полностью оправдала себя. Известный историк старообрядчества С. А. Зеньковский высоко оценивал вклад старообрядцев в развитие Олонецких Петровских заводов [3: 606–609].

Второй предпосылкой веротерпимости властей к старообрядцам была их ведущая роль в снабжении зерном Петербурга³. Инициатором этой торговой операции был выговский настоятель Андрей Денисов. И. Филиппов писал:

«...и нача <Андрей Денисов> у добрых людей на торг и с половины денег просити: добрые же люди денег ему на торг даяху, он же, своих людей избрав, и начати посылати в низовые города хлеба покупати и в Санкт-Петербург ставити, и видеша людие такую их нужду, а в торге правду, начаша им давати денег в торг, и бысть сперва торг малой...; в то время на Вытегре распространяхуся хлебные торги и судовые промыслы, и бысть на Вытегре велия судовая пристань в Вягах..., начаша хлеб торговые в Питербурх ставити через Вытегру, то бысть во время Шветской войны, как заводился Питер... Также же и общежити построиша суда новоманерные и на старых ово⁴ свой покупной, а ово под извозом промышленяюще, яко же прочии, и от того бываша велия помощь и пособие братству...» [15: 133].

Наконец, нужно принять во внимание, что выговскому настоятелю Андрею Денисову удалось выстроить отношения со многими представителями местных и центральных властей так, что они покровительствовали выговцам. Выговцев поддерживал начальник Олонецких Петровских заводов в 1713–1722 годах В. И. Геннин. В 1718 году Петр I прислал на Петровский завод «к начальнику заводскому иноземцу Вилиму Ген-

нину» указ об аресте нескольких видных выговцев. Когда один из них, Данила Викулин, приехал на Петровский завод и был арестован («и оного Даниила взяша за караул и посадиша в приказ»), выговцам удалось уговорить В. И. Геннина написать царю письмо с просьбой о его освобождении. О дальнейшем развитии событий И. Филиппов писал:

«Но в то время, что сотвори Бог удивлению достойно: с Петровских заводов начальник заводской иноземец Виллим, написав отписку милостивцу... в Москву к Его императорскому величеству и посла со отпискою своего денщика, да монастырского с ним брата Никифора Семенова, и приехав оные в Москву» [15: 143].

Петр I в это время был занят делом царевича Алексея, и никто из приближенных не решался передать ему письмо В. И. Геннина. Наконец, удалось передать его через руководителя Тайной канцелярии А. И. Ушакова. Петр I ознакомился с просьбой В. И. Геннина, но обещал дать ответ в Новгороде. По прибытии в Новгород Петр о письме В. И. Геннина не вспомнил, но по дороге из Новгорода в Петербург неожиданно,

«призвав писаря, повеле написати на завод указ к заводскому начальнику, чтобы оного пустынника Даниила Викулова из-под караула спустить на свободу в свою пустыню, о том ни о чем не розыскивать, и подписал своею рукою наскоре, и приказа своего из сержант Преображенского полку сержанта и, дав ему указ, велел ему ехать на заводы наскоре, на почты день и ночь и отдати указ» [15: 143].

Когда в последние годы жизни Петр I стал ездить на Марциальные воды (1719, 1720, 1722 и 1724 годы), выговцам удалось напрямую выйти на контакты с царем. Обратимся вновь к сочинению И. Филиппова:

«...и в то же время вельми Петровские железные заводы распространяхуся, ибо Императорское величество первый Петр часто на Петровские заводы для досмотру оружия и к водам ездяше. Помянутые же настоятели Даниил и Андрей по совету с братьями и Суземских старостою и с выборными всегда посылающе своих посланных с письмами и с гостинцами к Его императорскому величеству, с живыми и стреляными оленями, и со птицами, ово коней серых пару, и ово быков больших погнаша ему, и являхуся и письма подаваху. И Императорское величество все у них милостиво и весело принимаше, и письма их вслух всем читаша, хотя в то время от кого со стороны и клеветы быша, он же к тому не внимаша» [15: 133–134].

Используя такое толерантное к себе отношение власти, старообрядцы «на Петровских заводах и на Вытегре свои постоянные хоромы и амбары построиша и своих людей держаша для торгу и приезду своих» [15: 134].

В силу всех перечисленных причин старообрядчество пользовалось огромным влиянием в Олонецком уезде, многие крестьяне Олонецкого уезда и первые жители Петровской слободы были старообрядцами. Когда в 1703 году был основан Петровский завод на реке Лососинке,

возникла проблема рабочих кадров. Одним из источников пополнения рабочей силы было местное население, которое издавна занималось железоделательным промыслом. В 1705 году олонецкий вице-комендант А. С. Чоглоков взял из рекрутского набора 100 человек и направил их на заводы «в научение» оружейному мастерству. Кроме того, еще 20 человек были направлены в качестве подмастерьев к мастерам по изготовлению оружейных стволов [1: 76]. Из рекрутского набора 1708 года на заводы было взято еще 160 человек [1: 76]. К 1708 году до 300 рекрутов поступило на заводы в качестве учеников [1: 77]. Указ Петра I от 1 марта 1719 года предписывал набрать из местного населения «на Петровские заводы и в науку к оружейным и прочим делам» 300 человек [1: 78]. Учитывая большое влияние старообрядчества на жителей Олонецкого погоста, можно предположить, что немало старообрядцев стали жителями Петровской слободы уже в первые 15–20 лет ее существования. Нельзя исключить и того, что старообрядцы имелись и среди 110 тульских и 34 павловских оружейников и около 224 посадских кузнецов, присланных на Петровские заводы «с женами и с детьми» из городов Центральной России [1: 94]. Уже в 1710 году на Петровском заводе работали 506 русских работников [1: 140].

Когда была построена первая церковь Петровской слободы – Петропавловский собор (а произошло это, судя по всему, в 1703–1705 годах), священником туда был определен «вдовый поп» Иосиф из села Дединова Коломенского уезда. Оказавшись в старообрядческой среде, он вскоре был вынужден начать письменную полемику со старообрядцами. Е. М. Юхименко приводит данные о том, что в 1706–1708 годах он направлял три письменных послания в Выговскую пустынь [17: 48–55].

Именно на Петровских заводах в 1723 году состоялось знаменитое «разглагольствование» – диспут посланца Синода иеромонаха Неофита с представителями выговских старообрядцев Мануилом Петровым и Иваном Матвеевым [15: 155–170].

Естественно, что за 20 лет существования какая-то часть первоначального населения Петровской слободы вымерла. Умерших первоначально хоронили в самой Петровской слободе рядом с первыми церквями – Петропавловской и Святодуховской. Так, именно у Святодуховской церкви в 1726 году был похоронен первый петрозаводский святой Фаддей Блаженный. Но обе церкви находились внутри Петровской слободы, и очень быстро мест для захоронений там не осталось, возникли два новых кладбища за пределами слободы. Одно из них – Троицкое за рекой Лососинкой (отсюда второе название – Зарецкое) – было основано около 1724 года. Там была построена деревянная Троицкая часовня,

которая в 1800 году была разобрана из-за ветхости.

Другое городское кладбище приблизительно в это же время было создано к западу от Петровской слободы, на месте современного пересечения проспекта Карла Маркса и улиц Кирова и Куйбышева. Когда в 1773–1774 годах началось строительство Александровского пушечного завода в пойме реки Лососинки и возник новый городской центр – Круглая площадь, это кладбище оказалось в непосредственной близости от нового завода и между двумя городскими центрами: старым – Соборной площадью и новым – Круглой площадью. По плану начальника заводов А. С. Ярцова предполагалось застроить территорию между этими двумя площадями домами горных офицеров и чиновников. Будущая улица получила название Нагорная линия (ныне проспект Карла Маркса). Поскольку кладбище мешало этим планам, его было решено снести, тем более что в период упадка Петровской слободы, длившегося с 1734 по 1755 год, ее население сократилось, и можно предположить, что новых захоронений там не производилось или производилось очень мало.

Летом 1774 года Канцелярия Олонецких Петровских заводов приняла решение ликвидировать это кладбище:

«Имея рассуждение, что как ныне... новостроящийся пушечный завод за помощью Божиею к желаемому совершенству поспекает, а к тому и назначенные против оного для житья штаб- и обер-офицерам линии строением ко окончанию ж приходят, а как же на самой той линии да и вплоть подле старого заводского жила состоит усопших кладбище с необыкновенно построенными над могилами деревянными наподобие чуланчиков будками, да при том же имеется часовня, которая по объявлению здешнего священника построена без всякого дозволения, в таком случае канцелярия за нужное находит таковое для усопших кладбище назначить в другом способном месте, а оное, прежде, по сломании вышесказанных чуланчиков заровнять. Приказали: к его преосвященству <епископу> олонецкому и каргопольскому сообщить и требовать, чтоб его преосвященство благоволил в рассуждении такого близкого к строению кладбища, которое непременно все по апробованному о тех новых линиях плану займется под показанное строение, как те будочки сломать и землю заровнять, так и часовенку перенести на другое место...»⁵

Традиция создания над могилами усопших символических сооружений с двухсторонней крышей – домовин или голбцов (еще их называют «намогильные домики») существовала на Руси с древнейших времен. Постепенно эти сооружения упрощались и превращались в резные деревянные кресты или столбики с двумя причелинами (досками) наподобие двускатной крыши. В «Словаре» В. И. Даля голбец обозначен так: «Могильный памятник, срубом, с крышей, будкой, домиком; ныне они запрещены; зовут так и всякий памятник, особенно крест с кровелькой». Православная церковь боролась с этими

сооружениями, в конце концов они были запрещены, со временем эта традиция была утрачена и сохранилась только у старообрядцев, особенно на Русском Севере. Первый исследователь этих памятников, архитектор В. В. Суслов, посетивший Карелию в 1888 году, писал о таких сооружениях как о «намогильных раскольничьих памятниках»:

«Последние имеют вид красиво обработанных столбиков, в верхней части которых, под большими выступами двускатных крышечек, находятся различных форм крестики и образочки. Столбики покрыты изящно пестрою резьбою и раскрашены различными тонами»⁶.

Он же отмечал, что все эти «намогильные раскольничьи памятники» были сделаны «в Кеми исключительно одним мастером из раскольников, чтимым между ними – Зосимою»⁷.

В начале XX века состоялось несколько экспедиций в Карелию для изучения традиционной культуры старообрядчества. Известный знаток в этой области Ф. А. Каликин сделал ряд фотографий старообрядческих намогильных памятников в Повенецком уезде, хранящихся сейчас в Российском этнографическом музее:

«Намогильные памятники: деревянные гробницы – надмогильные деревянные строения (в 7 венцов) под двускатной самцовой крышей на старообрядческих кладбищах в с. Лекса, д. Тагозеро. Основной тип намогильных памятников, представленных на фотоснимках Каликина, – это столбики с двускатной кровлей (с. Слобода, Лекса, Данилово, д. Тагозеро), на фронтоне которых помещались резные кресты или же прямоугольные доски с изображением восьмиконечного Голгофского креста» [12: 99] (см. также рис. 1).

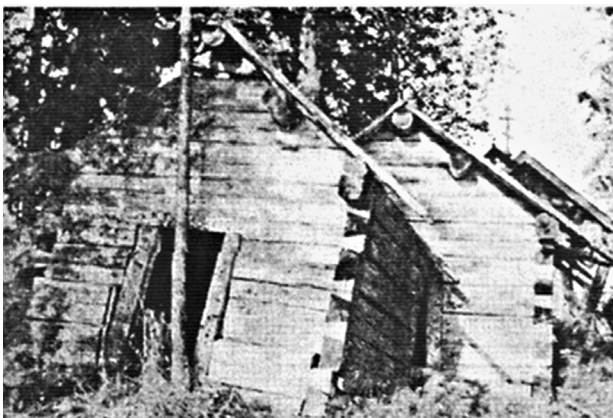

Рис. 1. Гробницы в Тагозере. Фото Ф. А. Каликина. Из книги М. В. Красовского «Курс истории русской архитектуры. Ч. 1. Деревянное зодчество» (Пг., 1916)

В те же годы на Севере побывали художники И. Я. Билибин и В. А. Плотников. Оба обратили внимание на старообрядческие голбцы и запечатлели их на своих картинах (см. рис. 2, 3). Исследователь деревянной архитектуры М. В. Красовский так описывает эти намогильные сооружения:

«...нельзя не сказать несколько слов о надгробиях и могильных крестах, толпящихся за этими оградами. Конечно, самые древние из дошедших до нас деревянных надгробий не могут быть старше конца XVII, начала XVIII столетия, но в этой области, более чем где-либо, должна сказаться приверженность русских людей придерживаться стародавних традиций и, следовательно, ставить над могилами своих отцов такие же надгробия, какие ставили прадеды над могилами своих отцов.

Древний стиль надгробий сохранил свою чистоту дольше всего на севере, где в Архангельской и Олонецкой губерниях старообрядцы и до сих пор во многом придерживаются древних обычаев и часто ставят на своих погостах надгробия по старинным образцам.

Хотя такие надгробия бесконечно разнообразны по деталям, но по основным чертам композиции они могут быть разделены на три главные группы, а именно: на «гробницы», на «срубцы» и на «намогильнички», или «намогильные столбики». Первые представляли собой, в сущности, часовни, то есть небольшие, квадратные или прямоугольные в плане срубы, покрытые двускатными крышами, тесовые коньки которых увенчивались иногда луковичными главками и крестами, а фронтоны украшались порезками. Стены рубились из бревен или брусьев с углами в «лапу», или с «остатком», причем стены, параллельные коньку крыши, делались иногда внизу с откосами, как, например, у одной гробницы на погосте села Тихвин-Бора Олонецкой губернии. В гробнице всегда устраивалась дверь, а иногда небольшие оконца; внутри по стенам размещались полки для икон и крестов и лавка, на которой можно было присесть, чтобы, не утомляясь, подольше побыть в гостях у дорогого покойника. Идея сооружения такого типа надгробий вытекала, вероятно, с одной стороны, из желания оградить могильные холмики от осквернения их животными, случайно попадавшими в ограды погостов, а также от зарастания их травой и кустами, или от размывания их дождевой водой; с другой стороны, идея этих надгробий могла зародиться еще в глубокой древности, на почве языческих верований в необходимость пристанища для души покойника, в которое его родственники приносили пищу и питье...

Аналогичными гробницами по идее и по форме являлись «срубцы», так как они отличались от первых только размерами, являясь как бы плотно пригнанным футляром для могильного холмика. В самом деле, это были прямоугольные ящики, сколоченные из теса или срубленные из брусьев, над двускатной крышечкой которых ставились кресты. Иногда кресты ставили за срубцем – в головах могилы, а в противоположном фронтонышке прорезали небольшое квадратное отверстие, имевшее лишь символическое значение, связанное с упомянутыми выше верованиями, так как никакого практического смысла оно, конечно, иметь не могло.

Наконец, «намогильнички» представляли собой иногда очень богато украшенные стойки, к верху которых прикреплялись доски с вырезанными на них крестами, окруженными священными текстами, датами и именами усопших. Для предохранения этих досок от дождя и снега поверх них устраивались двускатные тесовые крышки, украшенные иногда резными подзорами, спускавшимися часто до земли, как, например, у одного намогильного столбика 1866 года, находящегося на старообрядческом кладбище села Данилово. Несколько иную композицию верха имеют некоторые намогильнички другого старообрядческого кладбища с. Лумбуша Олонецкой губернии; у них над стойками помещены двухсторонние, нередко большого размера, киты, прикрытые двускатными крышками более пологими, нежели у предыдущего типа»⁸ (см. рис. 4).

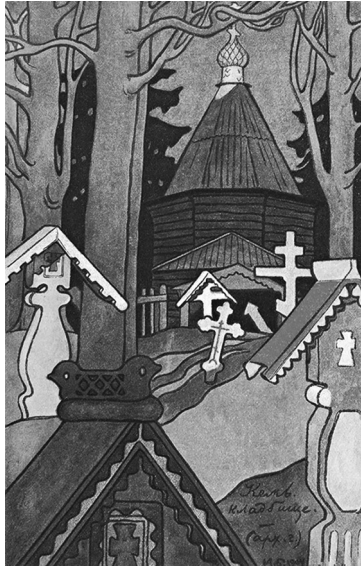

Рис. 2 Билибин И. Я. Кемь. Кладбище (Архангельская губерния), 1904. Открытка

Рис. 3 Плотников В. А. Старообрядческое кладбище. Кемь. 1906. Акварель. Из фондов Российского этнографического музея. Санкт-Петербург

Рис. 4 «Намогильные столбики». Село Данилово. Фото Ф. А. Каликина. Из книги М. В. Красовского «Курс истории русской архитектуры. Ч. 1. Деревянное зодчество» (Пг., 1916)

Современный специалист по деревянному зодчеству П. П. Медведев выделяет два наиболее распространенных вида сохранившихся до наших дней некрокультурных памятников: 1) «намогильные домики» – «домовины» и «ящики», «ванны» или «погребальные урны» и 2) «намогильные столбики» [8: 99]. Он же отмечает, что «сохранению и долговому существованию, а также широкому распространению и творческому развитию» некрокультурных сооружений («намогильных домиков») Беломорского Поморья «несомненно содействовали старообрядческие традиции» [9: 209].

На известном плане Петровской слободы полковника М. Виттвера, созданном в 1720-е годы⁹, к западу от жилых построек вдоль левого берега реки Лососинки отмечены, но не обозначены какие-то строения, которые, как можно предположить, были некрокультурными сооружениями – домовинами или намогильными домиками (то, что А. С. Ярцов называл «деревянными наподобие чуланчиков будками»).

Итак, некое кладбище занимало большую территорию в непосредственной близости от Петровской слободы. Есть основание предполагать, что это кладбище было старообрядческим. Во-первых, в документе упомянуты специфические некрокультурные сооружения, типичные для старообрядческой традиции. Во-вторых, судя по всему, на кладбище имелась старообрядческая часовня, построенная без благословения местного архиерея («без всякого дозволения»). Об этом кладбище в литературе, посвященной Петровской слободе, упоминаний почти нет. И. М. Мулло в пояснениях к плану Петровской слободы 1720-х годов называет его Зарецким православным кладбищем, перепутав берега реки Лососинки и отведя ему непомерно большую территорию [10: 66–67, 76]. А. М. Спиридонов вообще не упоминает о существовании этого кладбища [2: 67–117]. Единственное упоминание о нем имеется в работе Л. И. Капусты, которая определила упоминаемые А. С. Ярцовым «будки» как голбцы [13: 8]. Интересные упоминания о старообрядческом кладбище Петровской слободы имеются в неопубликованной работе В. П. Мегорского¹⁰ «Древнейшие петрозаводские кладбища»¹¹, написанной в 1930-е годы. Опираясь на данные петрозаводских краеведов второй половины XIX века и свидетельства старожилов, В. П. Мегорский пришел к выводу, что древнейшее кладбище Петрозаводска располагалось в районе Гостиного двора (сейчас это квартал между проспектом Карла Маркса и улицами Кирова и Куйбышева):

«От старожилов (П. В. Дмитриева¹²) мы слышали, что во время ремонта Гостиного двора под полом некоторых лавок находили кости погребенных здесь умерших. П. В. Дмитриев добавляет к этому со слов торговцев, владельцев лавок, что они испытывали некоторое смущение и неприятные переживания поздним вечером при мысли о том, что они сидят над покойниками. Кроме того

другие старожилы (К. Ф. Филимонов¹³) нам передавали, что при закладке фундамента дома граждан Тихоновых на углу бывшей Мариинской улицы, через дорогу от Гостиного двора, нашли и вывезли за город, если мы не ошибаемся, в 80-х или 90-х годах XIX столетия два ваза человеческих костей, очевидно, лиц, похороненных когда-то на этом месте, принадлежавшем вместе с погребениями в Гостином дворе к древнейшему, как бы казалось, петрозаводскому кладбищу¹⁴.

Эти сведения подтверждают существование вдоль левого берега Лососинки, к западу от Петровской слободы, кладбища, которое даже

в конце XIX века уже было заброшенным, а информация о нем – забытой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, на западной окраине Петровской слободы в первые десятилетия ее существования возникло кладбище, которое по ряду признаков можно считать старообрядческим. Его существование позволяет говорить о большом вкладе старообрядческого населения в деятельность Петровского завода и в целом Петровской слободы в первой половине и середине XVIII века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее о Выговской пустыни см.: [6], [14], [16], [17].

² Об этой поездке см.: [5].

³ Подробную сводку информации о роли выговцев в снабжении Петербурга зерном см.: [17: 144–150].

⁴ Ово (церковнославянское) – или, либо.

⁵ Определение Канцелярии Олонецких Петровских заводов о переводе на новое место кладбища в связи с начавшимся строительством жилых домов. 12 июня 1774 г. // Петрозаводск: 300 лет истории. Кн. 1. 1703–1802 / Сост. Д. З. Генделев. Петрозаводск, 2001. С. 167.

⁶ Суслов В. В. Путевые заметки о севере России и Норвегии. СПб., 1888. С. 51–52. Современные представления об этих некрокультурных памятниках см.: [8], [9], [11].

⁷ Суслов В. В. Путевые заметки о севере России и Норвегии. С. 52.

⁸ Красовский М. В. Курс истории русской архитектуры. Ч. 1. Деревянное зодчество. Пг., 1916. С. 123–129.

⁹ Петрозаводск: 300 лет истории. Кн. 1. С. 32–33.

¹⁰ О нем см.: [7].

¹¹ Мегорский В. П. О древнейших петрозаводских кладбищах // Архив КарНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 4. Л. 111–124.

¹² Дмитриев Кузьма Иванович (1863–1913) – педагог, в 1882 году окончил учительскую семинарию в Вытегре, в 1882–1902 годах был учителем министерской школы в селе Вохтозеро, в 1902 году переехал в Петрозаводск и до своей кончины был преподавателем ремесленного училища. Подробнее о нем см.: [4].

¹³ Филимонов Кузьма Филимонович (1855–1924) – краевед и библиограф, в 1879 году окончил ОДС, был сельским учителем, в 1882 году вернулся в Петрозаводск, работал в Олонецком губернском статистическом комитете (1882–1903) и в Олонецком губернском управлении земледелия и государственных имуществ (1903–1919), в 1921 году создал при Центральной Карельской библиотеке краеведческое отделение и заведовал им в последние годы жизни, активно участвуя в краеведческом движении Карелии. Подробнее о нем см.: [12].

¹⁴ Мегорский В. П. О древнейших петрозаводских кладбищах. Л. 114.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глаголева А. П. Олонецкие горные заводы в первой четверти XVIII века. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 254 с.
2. Жульников А. М., Спиридонов А. М. Древности Петрозаводска. Петрозаводск: Скандинавия, 2003. 130 с.
3. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: В 2 т. / Сост. Г. М. Прохоров; Под ред. В. В. Нехотина. М.: Институт ДИ-ДИК: Квадрига, 2009. 688 с.
4. Инно Х. О. Кузьма Иванович Дмитриев // Кондопожский край в истории Карелии и России: Материалы III краеведческих чтений. Петрозаводск; Кондопога, 2000. С. 166–172.
5. Кротов П. А., Пашков А. М. К вопросу о дате основания Петрозаводска // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 5 (150). С. 7–10.
6. Любомиров П. Г. Выговское общежитие: Исторический очерк. М.; Саратов: В. З. Яксанов, 1924. 138 с.
7. Мегорский В. П., Пашков А. М. Василий Петрович Мегорский как исследователь Петровской эпохи // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 2 (179). С. 70–80.
8. Медведев П. П. Некрокультурные сооружения Беломорского Поморья // Народное зодчество: Межвуз. сб. / Под ред. В. П. Орфинского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. С. 85–103.
9. Медведев П. П. Некрокультурные сооружения Беломорского Поморья (к вопросу о взаимосвязи поморской культуры и традиций старообрядчества) // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России: Сб. науч. ст. и материалов / Под ред. А. М. Пашкова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 195–210.
10. Мулло И. М. Петровская слобода. Петрозаводск: Карелия, 1981. 80 с.
11. Орфинский В. П. Некрокультурные сооружения Российского Севера в контексте христианско-языческого синкретизма // Народное зодчество: Межвуз. сб. / Под ред. В. П. Орфинского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. С. 49–83.
12. Островский А. Б., Чувьюров А. А. Памятники старообрядческой культуры, собранные Ф. А. Каликиным, в фондах Российского этнографического музея // Рябининские чтения – 2007: Материалы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск: Гос. ист.-архитект. и этногр. музей-заповедник «Кижи», 2007. С. 96–99.
13. Пашков А. М. Филимонов Кузьма Филимонович (1855–1924) // Биографический словарь краеведов Олонецкой и Архангельской губернии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ethnomap.karelia.ru/local_historian.shtml?id=140 (дата обращения 27.06.2019).
14. Улицы и площади старого Петрозаводска / Под ред. А. М. Жульникова. Петрозаводск: Скандинавия, 2003. 56 с.
15. Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. М.: Третий Рим, 2005. 377 с.

16. Шаскольский И. П. Экономическое развитие Карелии в первой половине и середине XVIII века // История Карелии с древнейших времен до середины XVIII века. Макет / Под ред. Я. А. Брюсова. Петрозаводск: Государственное изд-во Карело-Финской ССР, 1952. С. 353–435.
17. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература / Науч. ред. Н. В. Поньрко. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2002. 544 с.
18. Crummeу R. The Old Believers and The World of Antichrist: The Vyg Community and The Russian State, 1694–1855. Madison: University of Wisconsin Press, 1970. 258 p.

Поступила в редакцию 17.07.2019

Aleksandr M. Pashkov, Doctor of History, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)

THE OLD BELIEVERS' CEMETERY IN PETROVSKAYA SLOBODA: THE EARLY HISTORY OF PETROZAVODSK

The article deals with a poorly studied problem of the Old Believers' impact on Peter the Great's foundries and a settlement founded near them, known as Petrovskaya Sloboda (the settlement founded by Peter the Great) in the first decades of the XVIII century. The goal of the research is to demonstrate that the Old Believers were a considerable part of Petrovskaya Sloboda permanent residents even at that time. It is evidenced by the information about the history of the oldest Petrovskaya Sloboda cemeteries from historical sources and local historians' testimonies of the late XIX century. The conclusion is that during the first decades of the Petrine foundries existence two cemeteries were arranged near Petrovskaya Sloboda – one for the followers of the official Russian Orthodox Church and one for the Old Believers. The Old Believers' cemetery existed at the contemporary crossroads of Karl Marx Avenue, Kirova Street and Kuibysheva Street. It was abandoned by the middle of the XVIII century. But the very fact of its existence says that during the first decades of Petrovskaya Sloboda existence many Old Believers lived there. This fact helps to understand why in 1723 Petrovskaya Sloboda became the place for a famous event in the history of Old Belief – a public debate between the Russian Orthodox Church Holy Synod representative Hieromonk Neofit and the Vyg Old Believers' envoys Manuil Petrov and Ivan Matveev.

Keywords: Petrovskaya Sloboda, Old Belief, Old Believers' cemetery, Petrozavodsk

Cite this article as: Pashkov A. M. The Old Believers' cemetery in Petrovskaya Sloboda: the early history of Petrozavodsk. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 6 (183). P. 85–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.376

REFERENCES

1. Glagoleva A. P. Olonets foundries during the first quarter of the XVIII century. Moscow, 1957. 254 p. (In Russ.)
2. Zhul'nikov A. M., Spiridonov A. M. Antiquities of Petrozavodsk. Petrozavodsk, 2003. 130 p. (In Russ.)
3. Zen'kovsky S. A. Russian Old Belief. Vols. 1–2. (G. M. Prokhorov, Comp; V. V. Nekhotin, Ed.). Moscow, 2009. 688 p. (In Russ.)
4. Inno H. O. Kuz'ma Ivanovich Dmitriyev. *Kondopoga region in the history of Karelia and Russia: Proceedings of the III local history readings*. Petrozavodsk, Kondopoga, 2000. P. 166–172. (In Russ.)
5. Krotov P. A., Pashkov A. M. On the date of Petrozavodsk foundation. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2015. No 5 (150). P. 7–10. (In Russ.)
6. Ljubomirov P. G. The Vyg Old Believers' Community: Historical essay. Moscow, Saratov, 1924. 138 p. (In Russ.)
7. Megorsky B. V., Pashkov A. M. Vasily Petrovich Megorsky as the scholar of the Petrine period. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 2 (179). P. 70–80. (In Russ.)
8. Medvedev P. P. Necro cult constructions of the White Sea shore (Pomorje). *Folk architecture: Collection of articles*. (V. P. Orfinsky, Ed.). Petrozavodsk, 1998. P. 85–103. (In Russ.)
9. Medvedev P. P. Necro cult constructions of the White Sea shore (Pomorje) (the interrelation of Pomor culture and Old Belief traditions). *The Vyg Community and its importance for the history of Russia. Collection of articles and materials*. (A. M. Pashkov, Ed.). St. Petersburg, 2003. P. 195–210. (In Russ.)
10. Mullo I. M. Petrovskaya Sloboda. Petrozavodsk, 1981. 80 p. (In Russ.)
11. Orfinsky V. P. Necro cult constructions of the Russian North in the context of Christian-pagan syncretism. *Folk architecture: Collection of articles*. (V. P. Orfinsky, Ed.). Petrozavodsk, 1998. P. 49–83. (In Russ.)
12. Ostrovsky A. B., Chuvjurov A. A. Monuments of the Old Believers' culture collected by A. F. Kalikin in the funds of the Russian Museum of Ethnography. *Ryabinin Readings 2007: Proceedings of the V scientific conference devoted to the study of the Russian North traditional culture*. Petrozavodsk, 2007. P. 96–99. (In Russ.)
13. Pashkov A. M. Filimonov Kuz'ma Filimonovich (1855–1924). *Biographical dictionary of the local scholars of Olonets and Arkhangelsk provinces*. Available at: http://ethnomap.karelia.ru/local_historian.shtml?id=140 (accessed 27.06.2019). (In Russ.)
14. Streets and squares of old Petrozavodsk. (A. M. Zhul'nikov, Ed.). Petrozavodsk, 2003. 56 p. (In Russ.)
15. Filippov I. The history of the Vyg Old Believers' Community. Moscow, 2005. 377 p. (In Russ.)
16. Shaskol'sky I. P. The economic development of Karelia during the first quarter and the middle of the XVIII century. The history of Karelia from the ancient times to the middle of the XVIII century. Draft copy. (Ya. A. Bryusov, Ed.). Petrozavodsk, 1952. P. 353–435 (In Russ.)
17. Yukhimenko E. M. The Vyg Old Believers' Community: Spiritual life and literature. (N. V. Ponyrko, Ed.). Vol. 1. Moscow, 2002. 544 p. (In Russ.)
18. Crummeу R. The Old Believers and the world of Antichrist: The Vyg Community and the Russian state, 1694–1855. Madison, 1970. 258 p.

Received: 17 July, 2019

ТАТЬЯНА РОБЕРТОВНА РУДИ

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Отдела древнерусской литературы
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
tatianarudi@mail.ru

ЕВГЕНИЙ GERMANOVICH ВОДОЛАЗКИН

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Отдела древнерусской литературы
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
evodolazkin@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТОПИКИ: СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Литературная топка, один из наиболее значимых элементов средневековой поэтики, является важнейшей характеристикой памятников литературы Древней Руси. Статья посвящена проблемам исследования литературной топки на материале памятников старообрядческой книжности, в частности – сочинений выговской литературной школы. В работе рассматриваются отдельные агиографические формулы (*крепкий адамант, непоколебимый столп*) и традиционные мотивы монашеского жития (рождение героя от благочестивых родителей, тайный уход из дома, первоначальный отказ в постриге из-за юности отрока и др.). Материалом для исследования послужили сочинения Семена Денисова «Виноград Российский» и «История об отцах и страдальцах соловецких», жития Корнилия Выговского, Кирилла Сунарецкого, выговское Житие инока Епифания и другие сочинения старообрядческих авторов. Проведенное исследование показало, что в своем агиографическом творчестве выговские книжники опирались на систему традиционной житийной топки, развивая ее в соответствии с новыми художественными задачами.

Ключевые слова: древнерусская книжность, литературная топка, топос, мотив, канон, литературная формула, агиография, житие, старообрядчество, выговская литературная школа

Для цитирования: Руди Т. Р., Водолазкин Е. Г. Из истории литературной топки: старообрядческая традиция // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 92–99. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.377

ВВЕДЕНИЕ

Литературная топка – одна из наиболее значимых характеристик средневековых текстов, создававшихся (и воспринимавшихся) в системе нормативной поэтики (см.: [3: 218–219], [10: 236], [23] и др.). Основными свойствами топоса, как известно, являются устойчивость и повторяемость (ср.: [25: 262]). Вместе с тем топике, как и любому явлению культуры, свойственно развитие. Так, по мнению А. М. Панченко, «взгляд на искусство как на “эволюционирующую топку” (здесь и далее курсив наш. – Т. Р., Е. В.) прямо-таки завещан нам фольклором и древнерусской письменностью» [10: 236].

Целью настоящей работы является рассмотрение использования и развития элементов средневековой топки в старообрядческой книжной традиции, и в частности – в сочинениях выговской литературной школы, известной своим высоким риторическим мастерством (о литературном наследии выговцев см.: [13], [20], [21], [22]). Так, по замечанию Н. В. Поньрко, второй

выговский наставник Семен Денисов воспринимался современниками в первую очередь как проповедник и ритор:

«Несмотря на заслуги на поприще настоятельства, <Семен Денисов> осознавался в старообрядческой среде как проповедник, ритор по преимуществу (ср. характеристику основателей монастыря в “Истории Выговской пустыни” Ивана Филиппова: “Даниил – золотое правило Христовы кротости, Петр – устава церковного бодрое око, Андрей – мудрости многоценное сокровище и Симеон – сладкоговещательная ластовица и немолчная богословия уста”») [12: 333].

Е. М. Юхименко отмечает, что и старший из братьев Денисовых, Андрей, как свидетельствует его Житие, составленное Андреем Борисовым, в 1718 году ездил в Киев для изучения риторики, где, по свидетельству Ивана Филиппова, «грамматическому и риторическому разуму учашеся и zelo извыче» (см.: [21, 1: 17], [19: 139]).

Рассмотрим отдельные элементы литературной топки, нашедшие отражение в старообрядческой книжной традиции и получившие в ней свое развитие.

Одним из наиболее ярких элементов средневековой поэтики является формула «твердого адаманта». Уходящая корнями в библейскую традицию (см.: Амос 7: 7–8), пришедшая на Русь из Византии¹, она активно используется в агиографических памятниках при описании твердости святого в вере или терпении (см. подробнее: [15]).

Слово *адамант* (от греч. ὁ ἀδάμας – сталь)² вошло в культурное сознание Древней Руси в своем позднем, переносном значении – как драгоценный камень, алмаз, обладающий исключительной твердостью, а потому не подверженный каким бы то ни было воздействиям³. Наиболее активно топоним *адаманта* присутствует в мартириях – житиях мучеников, принявших смерть за веру⁴. Назовем в качестве примера Житие Иоанна Казанского, пострадавшего за православную веру в татарском плену во времена Василия III ([9: 364])⁵.

В старообрядческой традиции формула «крепкого адаманта» получила активное развитие. Наиболее распространенный ее вариант читается в Житии первого насельника Выговской поморской пустыни Корнилия, созданном в начале XVIII века его учеником и келейником Пахомием. Повествуя об испытаниях, выпавших на долю подвижника, агиограф замечает:

«По многих же трудах и подвигов иночества своего, по многих гонениях и скорбях, бедах, и разграблениях, и досадах пребываше во всем непреклонен душею, яко *твердый адамант*» [1: 269–270].

Примечательно, что смысловой контекст, в который помещена здесь интересующая нас формула («пребываше во всем непреклонен душею»), соотносит ее с другим житийным топонимом, часто выступающим своеобразным стилистическим синонимом топонима *адаманта*, – формулой «непоколебимого столпа» (см. о нем: [16]). О том, что выговский агиограф был хорошо знаком с этим топонимом, свидетельствует тот факт, что он использовал его для характеристики четырех поборников старой веры – протопопы Аввакума, священника Лазаря, дьякона Феодора и инока Епифания, которых именует «крепкими столпами православия» [1: 232].

Вообще, следует отметить, что Пахомий был хорошо знаком с системой агиографической топики, о чем свидетельствует неоднократное использование им традиционных житийных топонимов. Так, мотив первоначального отказа в постриге (игумен монастыря, искушая святого, поначалу не соглашается постричь его, объясняя свой отказ молодостью отрока и/или тяжестью постнического жития)⁶ представлен здесь в устойчивых формулах лишь в первой его части, при этом соединен с иным сюжетным поворотом, определенным, по-видимому, реальным ходом событий: известный своими иноческими подвигами отец Капитон, к которому отрок Конон приходит с просьбой принять его «в сожительство

братии», направляет юношу в другой монастырь, ссылаясь на тяготы пустынной жизни в своей обители:

«Отец же Капитон глаголаше ему: “Чадо Конане, Бог да исполнит желание твое, якоже сам хочет. Но понеже юн сый еси и не можеши zde трудов иночества понести, понеже место пусто есть и всякаго утешения кроме, – но даю ти совет благ: да идиши в Корнилев монастырь Комельскаго, и тамо ты примут с любовью. И инок будеши, и угодна Богу и тебе полезная ко спасению души твоя устройши”» [1: 188–189].

Отметим, что литературная параллель этому варианту мотива имеет место в Житии Саввы Освященного: Евфимий Великий отказывается пришедшему к нему отроку в просьбе остаться, отослав его при этом в другой монастырь – к чернецу Феоктисту – и уверяя, что именно там ему предстоит «велику прияти пользу»⁷.

Среди других использованных в Житии Корнилия Выговского топонимов – так называемая «цитата вселения» из 131-го псалма, используемая при описании вселения подвижника в пустыню:

«Прииде же Корнилий на место сие, идеже ныне келлия его видится, нача строити келлию, и глагола: “Се покой мой. В век века zde вселюся, яко Бог изволи”» [1: 247]⁸ (ср.: Пс. 131: 14).

Упомянем также традиционный мотив монашеской аскезы – краткий сон сидя или стоя (не «на ребрах»). Этот топоним использован здесь дважды – сначала при описании жизни «богоподвижных» иноков, подвизавшихся в Велужских лесах под началом отца Капитона, известного своей суровой аскезой («И инии же на ребрах не спяху, но седя или стоя мало сна приимаху»); позднее тот же мотив в прямом лексическом выражении присутствует в рассказе о подвиге самого Корнилия:

«Паче же неспанием и поклонами земными себе томяще: многа лета на ребрах не спяше, но седя или стоя мало сна приимаше» [1: 190, 264].

Представлен в Житии Корнилия и мотив борьбы святого с бесами, являющийся обязательным топонимом житий преподобных. Одним из наиболее устойчивых его элементов является традиционная молитва, представляющая собой цитату (или ее фрагменты) из Псалтыри: «Да воскреснет Богъ, и расточатся врази Его...» (Пс. 67: 1–4), а также формула «без вести ихъ сотвори», являющиеся прямым отражением практики монашеских «запрещальных» молитв во отгнание бесов. В Житии Корнилия читаем:

«Глаголаше бо некогда, яко во юности, егда бяше блудная брань приходяше от беса, тогда постом и молитвою без вести творяще» [1: 263–264].

Примечательно, что, по наблюдениям исследователей, Житие Корнилия Выговского было использовано в качестве источника при составлении целого ряда старообрядческих сочинений, среди которых – жития Кирилла Сунарецкого, боярыни Морозовой, инока Епифания, а также «История Выговской пустыни» Ивана Филиппова (см.: [2], [6], [11]).

Но вернемся к топосу *твердого адаманта* и его бытованию в старообрядческой книжности. В Житии боярыни Морозовой он использован при описании голодных пыток мученицы за старую веру, завершившихся смертью подвижницы:

«И глагола ей монах, якоже повелено есть ему, еже увещати ю, поне мало покоритися. *Доблественный же адамант*, егда услыша таковая, позабы главою и воздохнув велми, глагола мужески: “Оле, глубокаго неразумия, о, великаго помрачения! Доколе ослепосте злобою? Доколе не возникните к свету благочестия?”» [7: 143].

Как видим, в данном случае традиционная формула несколько изменена: вместо обычного определения «крепкий» («твердый») использован эпитет «доблественный», который, как показывает житийная традиция, может использоваться в формуле в качестве замещающего синонима. Впрочем, он и сам является подвижным, поскольку имеет варианты. Так, в Похвальном слове князьям Федору, Давиду и Константину Ярославским читаем:

«...приступающыя ко всечестнѣй рацѣ и многоцѣлебнымъ мощемъ *твердаго и доблаго сего адаманта*, духовнымъ пивомъ напоившаго жаждущихъ души» (цит. по рукописи: РНБ, собр. ОЛДП, Ф. 1, л. 166об.–167).

Вообще, следует отметить, что в старообрядческих маририях топос *адаманта* получил не только самое широкое распространение, но и развитие. Так, Семен Денисов в «Истории об отцах и страдальцах соловецких» неоднократно использует его при описаниях приверженцев старой веры, причем сравнение с адамантом, в соответствии с традицией предшествующей агиографии, часто подкрепляется использованием родственного ему топоса *непоколебимого столпа*.

Повествуя о бесплодных попытках царя заставить соловецких сидельцев покориться его воле, выговский наставник заключает: «*Но тии тверди в древлецерковнѣмъ благочестию, яко адаманты, стояху, к преждеявленнымъ увѣтствованиемъ, яко столпи к вѣтру, обрѣтошася*» ([18: 50]). В заключительной же части памятника, содержащей похвалу несломленным страстотерпцам, принявшим мученическую смерть за старую веру, читаем:

«Похвалимъ и *крѣпкия церковныя адаманты*, блаженныя страстотерпцы похвалимъ, иже страстотерпческия подвиги страстотерпческимъ мужествомъ в страстотерпчествѣмъ страдании предивнѣ понесшыя и страстотерпческую многотомления смерть за истину всежелательно избравшыя...» [18: 100–101]⁹.

Иногда топос *адаманта* может использоваться в «Истории» не только в похвальных, но и в собственно повествовательных пассажах, сохраняя при этом свое смысловое наполнение. Так, описывая не предавшиеся тлению тела убиенных соловецких страдальцев, Семен Денисов использует топос *адаманта* применительно ко льду, на котором эти тела долгое время лежали (не

подаваясь физическим законам, лед не тает под солнечными лучами), переводя его тем самым из области символической в условно «реальную»:

«А иже на губѣ морстѣй ледъ, на немъ же отеческая тѣлеса лежаху, не истаяваше и не растлѣвашеся, *но недвижимъ* от толикаго солнца теплоты, от тако зѣлнаго вара распаления, *яко камень крѣпкий, яко адамантъ, нерушимый являяся, твердъ и непоколебимъ стояше*, преестественнымъ знамениемъ симъ, самую чудесе вещь благочестивое страдание отецъ и святость тѣлесь лежащихъ паче трубы всѣмъ проповѣдая...» [18: 77].

Однако и в этом случае скрытая символика образа *адаманта* оказывается в дальнейшем реализована напрямую – после сравнения с «камнем крѣпким» нерастаявшего льда автор сравнивает с ним (со льдом) лежавшие на нем тела мучеников, также не поддавшиеся разрушению:

«И не токмо ледъ, иже под тѣлеса святыхъ посланный, толико крѣпокъ, толико твердъ обрѣтесе, но и самая блаженная страдалецъ тѣлеса, яже на губѣ морстѣй лежащая, яже на столпѣхъ различно висящая, яже на земли острова казненно поверженная, въ таковыя весенныя дни и в тако жарчайшая солнцепечения ничтоже естественныхъ показаша, ниже согнтия, ниже ропы, ниже вони смрадныя, сообычныя мертвымъ тѣлесею, излишша, но вышеестественнымъ благодати содержаниемъ, яко живыхъ или спящихъ, тѣлеса тако лежаху, яко цвѣтъ на поляхъ, яко кринь во удолѣхъ, тако цвѣтаху и благоукрашахуся» [18: 77–78].

В другом сочинении, посвященном страдальцам за старую веру, «Винограде Российском», Семен Денисов также неоднократно обращается к топосу *адаманта* (как правило, в сценах истязаний), причем использует различные его варианты.

Повествуя об отце Вавиле (глава 21-я), который, по свидетельству автора, «бѣше <...> рода иноземческа, вѣры люторския», Семен Денисов так описывает его переход в православие: «...от свѣтскаго бываетъ инокъ, от мирожителя пустынножитель, от гордящагося и сластолюбца смиренъ, воздержникъ и *терпѣния всекрасный адамантъ показася*» [4: 48]. Отметим, что эпитет «всекрасный», которым здесь наделяет адамант, является одним из самых активно употребляемых Семеном Денисовым (ср.: «Бѣше убо *всекрасный* Вавила рода иноземческа...» [4: 47 об.]; «...ибо красныя страдания подвигъ за *всекрасныя* отеческия законы красно совершити возусердствова» [4: 109об.] и др.). Завершая рассказ о страдальце, после долгих пыток принявшем смерть в «срубопалении», автор, сравнив его с драгоценным камнем *анфраксом*¹⁰, восклицает: «...душу несодолѣнну, сердце непобѣжденно, умъ неподвижимъ въ страдании *адамантски* показа!» [4: 50].

В главе 53-й («О Маркѣ Олончанинѣ») топос *адаманта* также использован дважды: воздавая хвалу твердости и терпению мученика, автор характеризует его как «*адамантъ къ терпѣнию многоцѣнный*» [4: 86]. Во втором случае читается

формула «адамантового сердца», синонимичная формуле «адамантовой души», также имевшей хождение в русской агиографической традиции¹¹: «...страстотерпец многое мужество, и преславно великодушие, и *крѣпко адамантиское сердце изъяви*» [4: 86 об.]. Интересно отметить, что в западной средневековой традиции формула «сердца из диаманта» имеет в большинстве случаев резко отрицательное наполнение: такую характеристику получают почти исключительно грешники, не способные раскаяться и смягчить свои окаменевшие сердца перед словом истины (см. об этом: [24]). Средневековая русская книжность, за редкими исключениями, не знает такой интерпретации образа *адаманта*¹².

Глава 68-я, посвященная писарю Иоанну Красулину, содержит довольно частое в агиографической традиции совмещение топонимов *столпа* и *адаманта*, которые взаимодополняют друг друга:

«...ибо страдалецъ къ скорбемъ и напастемъ *яко столпъ*, къ томлениямъ и мукамъ *яко многоцѣнный адаманти камень*, къ ранамъ и язвамъ *яко всекрѣпкое накавално* и бѣше, и познавашеся» [4: 111].

Традиционную художественную парадигму символов терпения – *столпа* и *адаманта* – автор распространяет здесь образом «всекрепкой наковальни», который он неоднократно использовал и в других случаях (ср.: «Но понеже *крѣпокъ бѣше* и *твердъ страдалецъ, адаманти къ терпѣнню многоцѣнный* и *накавално къ бие нию неврѣдное* познавашеся...») [4: 86–86 об.]. Отметим, что мотив наковальни как символа терпения был известен уже в византийской традиции. Так, в переводном Мучении Ирины читаем: «*Азъ великая наковальня*, а нуже разбивашеся всяка душа *грѣшныхъ*»¹³.

Примечательно, что в главе «О Маркѣ Олончанинѣ» после цитированных нами ранее фрагментов, содержащих топоним *адаманта*, также присутствует топоним *непоколебимого столпа*, являющийся его смысловым эквивалентом:

«Видяше мучашии, *яко не могоша крѣпкаго ослабити, непобѣдиимаго страдалца побѣдити* ниже ласканьми, ниже толикими многоплетенными муками, *яже жестоко нанесоша, но твердаго столпа поколебати не возмогаша*» [4: 87].

Обращает на себя внимание, что Семен Денисов в данном случае традиционный для *адаманта* эпитет «твердый» относит к *столпу*, – что еще раз подтверждает взаимозаменяемость этих топонимов. Это положение подтверждается наличием в житийной традиции и обратного варианта мены: в Житии митрополита Филиппа традиционный для *столпа* эпитет – «непоколебимый» – отнесен к *адаманту*: «*Он же, яко адаманти непоколебим, пребываше...*» [8: 278–279]. Известный соловецкий книжник Сергей Шелонин, использовавший этот текст для создания своего «Слова на перенесение мощей митрополита Филиппа», вернул *адаманту* его традиционный

эпитет «твердый», сохранив при этом и идею *непоколебимости* сравниваемого с ним подвижника: «Видя же царь *твердаго адаманта терпѣние* и *непоколебимо течение*, <...> заточением осуждает его в монастырь...» [17: 413].

В заключительной главе «Винограда Российского», содержащей Житие мученика Мемнона (Глава 74: «Повѣсть о житии, подвижѣхъ и страдании раба Божия Мемнона, пострадаваго за древлецерковное благочестие и сожженнаго на Холмогорахъ въ лѣто 7206»), мотив *адаманта* реализован в сложном варианте, представляющем собой своеобразное «удвоение топоса». Описав гнев и ярость неких архимандритов и приказных судей Патриаршего приказа, пытавшихся заставить героя Жития отречься от «двоперстного сложения», автор заключает:

«...некроткое оно соборище, много томившее исповѣдника кроткаго, от благочестиваго исповѣдания отлучити не могоша, не къ трости бо колеблемой, но къ *адамантову желѣзу приравнишася бяху*, тѣмже не побѣдиша, но побѣждени *от крѣпкаго адаманта обрѣтошася*» [4: 123].

Как видим, Семен Денисов не только использовал в своем тексте традиционную житийную формулу «крепкого адаманта», но и усилил ее авторским словосочетанием «адамантово желѣзо», несущим многоуровневую художественную нагрузку: во-первых, оно содержит в себе «удвоение» (а следовательно, усиление) образа (*адаманти* – греч. *сталь*), во-вторых, подразумевает внутреннюю ассоциацию с известным средневековым представлением о том, что *адаманти* не подвергается воздействию железа¹⁴, а кроме того – выстраивает контрапунктную связь с читающимся в следующей фразе сообщением о том, что Мемнон был закован его врагами в «тяжкие желѣзы»: «Чесо ради неправедный на праведнаго судъ изнесоша, *желѣзы тяжкими оковаша неповиннаго* и въ темное мѣсто затвориша небесныя почести достойнаго» [4: 123–123 об.]. Еще одна скрытая параллель – с *непоколебимым столпом* – выстраивается автором с помощью отрицательного сравнения: герой оказывается непобедим, будучи «*крѣпким адамантом*», а не «*колеблемой тростью*».

Топика *адаманта*, широко представленная и активно развитая в сочинениях Семена Денисова, использовалась и в позднейших сочинениях старообрядческих авторов. Так, в Житии основателя и строителя Виданской пустыни Кирилла Сунарецкого (Сунского, Виданского), созданном на Выгу в 30-е годы XVIII века, этот топоним представлен неоднократно. Впервые он присутствует в главе «О брани диавольстей на блаженнаго Кирилла» – в традиционной сцене борьбы подвижника с бесами:

«Многажды бо великия клопоты и звуки творяше, и шума ужасомъ тѣшася *поколебати терпѣливую*

душо, и всяко покушашеся от мѣста его отгнати, но *адамантово Кириллово сердце* ни огнемъ рвенія дьяволя таяше, ни стыдѣнню ярости его разсѣдашеся, но *пребываше непоколебимо*¹⁵.

Как видим, и здесь, в соответствии с житийной традицией, мотив *адаманта* сопряжен – пусть и не прямо – с топикой *непоколебимого столпа*: бесы безуспешно пытаются «поколебати терпѣливую душу» подвижника, но сердце его, не поддавшись дьявольской брани, «*пребываше непоколебимо*».

В другом случае, вспоминая о самоотверженной обороне Соловецкой обители и мученической гибели ее защитников (глава «О избѣжании Кирилловѣ от обители его пришествія ради гонителей»), автор использует формулу «крепкого адаманта» в ее классическом выражении:

«И на то вси со многаго времени с общего совѣту самоволно преуготовяся и заѣршеса, и вси за древльцерковное благочестіе разными муками и смертию скончашася, яко *крѣпкіи адаманти*»¹⁶.

Отметим, что выговское Житие инока Епифания, составляющее с Житием Кирилла Сунарецкого своеобразный диптих (см.: [11: 168–169]), в изложении того же трагического эпизода также использует топос *адаманта*:

«Но соловецкіи отцы яко *адаманти в древльцерковном благочестіи крѣпко стояще*, никакоже ни в чемъ не ослабляюще, отсылающе их бездѣльных»¹⁷.

В главке «О брани Кириловѣ с помыслы» агиограф сунарецкого подвижника использует особый вариант топоса *адаманта*, известный, в частности, в гимнографии:

«Старець же плакашеся о семь, и каеся Богу, и молитвою на помысль вооружися, ибо в непрестанных молитвах, яко *адамантъ во твари*¹⁸, красяшеся, днемъ и ночью Господеви моляшеся присно и просяще помощи на нападающаго на нь врага»¹⁹.

Вариант той же формулы, расширенной традиционным эпитетом «крепкий», читается, например, в кондаке святителю Феодору, архиепископу Ростовскому:

«В молитвах Господеви предстоя, якоже *крепкий адамантъ во твари*, по вся дни и нощи пред лицем Божиим светяся молитвами, ихже ради трудов Незаходимаго Света сподобився, но, яко имея дерзновение к рождаемому от Святыя Девы Христу Богу нашему, Егоже моли непрестанно о всех нас»²⁰.

Вообще, следует сказать, что авторы выговских житий Кирилла Сунарецкого и инока Епифания²¹, как и большинство старообрядческих книжников, подчеркнута ориентировавшихся на традиции средневекового канона (см., например: [5]), активно и умело используют агиографическую топику. В обоих памятниках присутствуют как элементы авторской топики (в частности, мотивы самоуничужения и «неискусности») ²², так и основные мотивы и сюжеты похвального жития.

Так, Житие Кирилла Сунарецкого, построенное по традиционной житийной схеме²³, включает в себя обязательные агиографические топосы: рождение будущего подвижника от благочестивых родителей, отказ от детских игр, обучение грамоте, насильственное – по воле родителей – «сопряжение брака», тайный уход из дома, приход в монастырь и пострижение во иноческий образ, борьба с бесами и т. д. Следует отметить при этом, что агиограф не только использует традиционную схему иноческого жития, но и умело реализует его основные мотивы с применением устойчивых формул. Так, описывая тайный уход Карпа (мирское имя Кирилла) из родительского дома, автор использует мотив «святой ничего не берет с собой» (см. о нем: [14: 441–444]) в его наиболее распространенной форме – герой берет с собой лишь немного хлеба и одежду, в которой всегда ходил:

«И не по мнозѣ времени во едину от ношей, всѣмъ домашнимъ его и супругѣ в глубокий сонъ сведеннымъ бывшимъ, той же, встав скоро, *взя с собою мало хлѣба и ризу, юже всегда носаше*, изыде тайно из дому своего...»²⁴.

Примечательно, что, обращаясь к житийной топики, агиограф нередко развивает традиционные мотивы, усложняя их психологическим обоснованием. Так, в главке «О пострижении во иноческий образъ» он не просто использует мотив первоначального отказа отроку в постриге из-за его юности (см. о нем: [14: 447–452]), но распространяет его в соответствии с конкретной ситуацией:

«И глаголаху ему: “Чадо любезное, тѣсноту сея пустыни непроходимыя видиши и сущія в ней тяжкія труды уже искусиль еси, иночества же иго како носить братія, можеша разумѣти. Ты же, юнь сый, того ради не можеша подвига сего терпѣти. К тому же еще и родителей имаши, болящихъ о тебѣ, и сожителницу с чадомъ, плачущихъ отшествія твоего ради. Негли нѣкогда и твоя мысль воспалится к любви ихъ, и восхошеши возвратитися к нимъ паки, и тогда послѣдняя твоя презрѣнню и посмѣянню достойна будутъ”»²⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как известно, выговская литературная школа, это наиболее яркое явление старообрядческой книжности, в своем «словесном художестве» ориентировалась на принципы поэтики рубежа XVII–XVIII веков – витийство, риторичность и философию, – стараясь «обратить достижения “внешней” мудрости на пользу старой вере» (см.: [21, 1: 16]). Проведенное исследование показало, что в своем агиографическом творчестве выговские книжники опирались на систему традиционной житийной топики, развивая ее в соответствии с новыми художественными задачами.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ОЛДП – Общество любителей древней письменности.
РНБ – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., например, в «Слове похвальном Онуфрию Великому»: «Все снидемся, князи и бояре, и церковницы, <...> все совокупльшеся на память преподобнаго, и велелѣпнаго, и достохвалнаго, и чуднаго, поистинѣ в преподобных изыщнаго оружника Онуфрия Великаго, и праздньственая воспоемъ *крѣпкому аманту*, да мзду равну воспримете от Господа Бога и Его преподобнаго угодника великаго Онуфрия!» (цит. по ркп.: РНБ, собр. ОЛДП, Q. 460, л. 34об.–35).
- ² Греч. ὁ ἀδάμας происходит от ἀδαῖο – «осиливать», «укрощать», отрицательная приставка а- придает лексеме обратное значение – «неодолимый», «неукротимый». См.: Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., 1899. Изд. 5-е (репринт: М., 1991). Стб. 17. Об аманте (в западной традиции – диаманте) см. также: Греческо-русский словарь, изданный Киевским Отделением Общества классической филологии и педагогики / Обработал А. О. Поспишил. 2-е изд. Киев, 1890. С. 12; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 21–22; Wright R. V., Chadbourne R. L. Crystals, gems & minerals of the Bible. The Lore and Mystery of the Minerals and Jewels of Scripture, from Adamant to Zircon. New Canaan, Connecticut, 1988. P. 1–3, 54–57; Der Diamant: Mythos, Magie und Wirklichkeit / Chefredaktion Robert Maillard. Paris, München, London, Amsterdam, New York; Erlangen, 1991; и др.
- ³ Алмаз является самым твердым природным веществом. См. об этом: Алмаз: Справочник / Авторы Д. В. Федосеев, Н. В. Новиков, А. С. Вишневыский, И. Г. Теремецкая; Отв. ред. Н. В. Новиков. Киев, 1981. С. 49; Рид П. Дж. Геммологический словарь. Л., 1986. С. 14.
- ⁴ Другой важнейший его вариант используется по преимуществу в житиях преподобных; см. об этом: [14: 485].
- ⁵ В качестве других примеров использования топоса *адманта* в различных его вариантах назовем жизнеописание преподобномученика Галактиона Вологодского, замученного в 1612 году при разгроме Вологды польско-литовскими отрядами (см.: РНБ, F.XVII.16, л. 684об.), и Житие митрополита Филиппа – московского святителя, не сломившегося в противостоянии царю-тирану и принявшего за это мученическую кончину (см.: [8: 278–279]). Топос *адманта* активно использовался и гимнографами. Упомянем здесь Канон литовским мученикам Антонию, Иоанну и Евстафию, пострадавшим в 1347 году в Вильне при дворе князя Ольгерда (см.: Минея. Апрель. М., 2002. Т. 1. С. 267, 268).
- ⁶ См. жития Феодосия Печерского, Антония Римлянина, Евфросинии Суздальской, Антония Сийского, Феодосия Сийского, Григория Пельшемского, Сергия Радонежского, Герасима Болдинского и др.
- ⁷ Ср.: «Чадо, не мню достоини ти быти, уну ти и еще сущу в Лаврѣ прѣбывати, – ни бо лаврѣ польза приносить, еже уноши имѣти, ни уноше лѣпо посрѣдѣ быти отечь. *Нѣ паче иди, сыну, къ долѣшнему манастырю, къ черньцю Феокситу (sic!), и зѣло имаше велику пряти пользу*» (цит. по: Помяловский И. В. Житие св. Саввы Освященного, составленное св. Кириллом Скифопольским, в древнерусском переводе. СПб., 1890. С. 33 (ОЛДП. № 96)). Наличие этой параллели, однако, – вне зависимости от того, была ли она известна автору Жития Корнилия, – не может рассматриваться как аргумент, ставящий под сомнение (или подтверждающий) достоверность описываемых в Житии событий, поскольку она является фактом иной – литературной – реальности. Можно лишь предположить, что этот эпизод мог послужить литературной моделью иноку Пахомию при описании сходного сюжета, объединяющего жития Корнилия и великого Саввы.
- ⁸ В цитате сохранена присущая изданию разбивка текста на фразы.
- ⁹ Цитированной фразе предшествует фрагмент, также содержащий, среди прочих формул, топос столпа: «Возрадуемся же и возвеселимся <...> и веселящеся, благодаримъ Господа Бога, несказаннаго в милосердии и несуднаго, благодаримъ таковыя своя угодники, истины свѣтилники, *всесвѣтлыя спасения столпы*, преподобныя чудотворцы нам показавшаго» (с. 100).
- ¹⁰ Анфракс (или антракс; от греч. ἄνθραξ – уголь) – карбункул (см.: Библейская энциклопедия / Труд и издание архимандрита Никифора. М., 1891 (репринт: М., 1990). С. 52) или рубин (см.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 41). Ср.: «Карбункуль (карбукуль), м. Огненно-красный драгоценный камень (гранат, рубин; шпинель)» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 77). Анфракс неоднократно упоминается в Библии, см.: Тов. 13: 17; Исх. 28: 18, 39: 11; Иез. 28: 13.
- ¹¹ См., например, в Житии Иоанна Нового Белгородского, созданном в начале XV века Григорием Цамблаком: «Он же молитву шептаниемъ устен знаменоваше, да яко и воини изнемогше, биюще *адмантеския оны душа уды*» (цит. по ркп.: РНБ, собр. ОЛДП, F. 1, л. 83).
- ¹² В русской средневековой книжности нам известен лишь один случай подобного толкования – своего рода исключение, подтверждающее правило. Речь идет о «Слове в неделю 27-ю», представляющем собой проповедь на евангельское чтение Лк. 13: 10–17 (зачало 71), которое традиционно приписывалось в научной литературе перу Дмитрия Ростовского. В интерпретации автора памятника, ориентировавшегося на латинские (и шире – западные) образцы, образ *сердца из адманта* (диаманта) абсолютно идентичен образу «окамененного сердца», глубоко укорененному в библейской и святоотеческой традициях и имеющему исключительно отрицательные коннотации (см. об этом: [15: 21–26]).
- ¹³ Цит. по: Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 142.
- ¹⁴ См., например, в статье «Физиолога» «О камени адмантине»: «Есть другое естество андамантину камени: *тако ни железа ся боить*, ни воня дымьныя приемлетъ. Да аще в дому обрящеться, ни демонъ ту видеть»; цит. по: Физиолог / Изд. подгот. Е. И. Ванеева. СПб., 1996. С. 38 (Литературные памятники).
- ¹⁵ Цит. по: Руди Т. Р. Житие Кирилла Сунарецкого (публикация текста) // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. С. 465.
- ¹⁶ Руди Т. Р. Житие Кирилла Сунарецкого (публикация текста). С. 485.
- ¹⁷ Цит. по: Руди Т. Р. Выговское Житие инока Епифания (публикация текста) // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 522. См. также другие варианты использования топоса *адманта* в Житии Епифания: «И на пути всѣми сокровищи нужды, досады и безчестий преславно избобилствуя и присно окружаемъ, *яко всекрѣпкий адмантъ, дражайший камень, показуется, сладостно вся находящая подымаше напасти*» (с. 526); «Похвалимъ *крѣпкия церковныя адманты*, блаженныя страсто-терпцы!» (с. 539).
- ¹⁸ То есть в украшении. См.: Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989 (репринтное издание). Т. 3, ч. 2. Стб. 1303–1304.
- ¹⁹ Руди Т. Р. Житие Кирилла Сунарецкого (публикация текста). С. 489–490.
- ²⁰ Минея. Ноябрь. М., 2002. Т. 2. С. 496.
- ²¹ Известно, что выговская литературная школа, практиковавшая принципы коллективного творчества, предполагала многоэтапную совместную работу автора и редактора, попеременно работавших над текстом. См. об этом: [11: 168].

- ²² См. в Житии Кирилла: «...но возбраняеть недостоинство мое и грубость, понеже имѣя разумъ несовершенство и всякого невѣжества исполненъ, не учень грамматическаго и риторическаго разума и ни единого дѣла стяжахъ ко исправлению. И свою немощь смотря недостижну и великому исправлению онаго старца взирая, аки безгласенъ и бездѣленъ, въ недоумѣнии и ужаси бывъ, не обрѣтая словесъ потребныхъ, подобныхъ дѣянию его, како могу азъ, бѣднѣй, в нынѣшнее послѣднее время такого отца житие списати, и неисчетныя труды его сказати, и дѣяния того и подвиги послушателемъ слышанна вся сотворити? Немощно есть малой лодейцы велико и тяжело бремя налагаемо понести, сице и превосходить нашу немощь и умъ подлежащая бесѣда» (цит. по: Руди Т. Р. Житие Кирилла Сунарецкаго (публикация текста). С. 450); ср. в Житии Епифания: «Преплыти хошу великую пучину похваль того терпѣния, – боюся, яко неискусень. Восприяхъ трость к начинанию повѣсти – и паки помѣтахъ: трепетна ми десница, яко скверна сущи и недостойна начертанию повѣсти. И паки, восприемля трость, устремляюся повѣсти. Аще и помрачень разумъ имѣю, но на молитвы надѣяся, и повѣсти началу касаюся. Что же реку, и что возлаголу, и како началу слова коснуся, разума ницетою обѣяту ми сущу? Ниже риторики навѣкъ, ни философии когда учихся, ниже паки софистику прочетшу, не наказан и не учень всего книжнаго учения! И во училищахъ не бѣхъ, всего невѣжества исполненъ емь, и писати добрѣ слова не вѣмъ – како ли смѣю дерзнути таковой дивной повѣсти касатися...» (цит. по: Руди Т. Р. Выговское Житие инока Епифания (публикация текста). С. 496).
- ²³ Текст памятника разделен на традиционные тематические главки: «О отечествѣ и о родителяхъ блаженнаго», «О рождении блаженнаго», «О научении грамотѣ», «О сопряжении брака» и т. д. (см.: Руди Т. Р. Житие Кирилла Сунарецкаго (публикация текста). С. 450–500).
- ²⁴ Руди Т. Р. Житие Кирилла Сунарецкаго (публикация текста). С. 456.
- ²⁵ Там же. С. 459. Отметим, что в выговском Житии Епифания трансформацию традиционных житийных мотивов – с выходом в область реалистически разработанных психологических зарисовок – наиболее отчетливо можно наблюдать в сюжете о борьбе подвижника с «мурашами», имеющем своим источником топос аскетических подвигов преподобных, подставлявших свое тело на съедение комарам (см.: Руди Т. Р. Выговское Житие инока Епифания (публикация текста). С. 515–517).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брецинский Д. Н. Житие инока Корнилия Выговского, написанное Пахомием: Исследование и тексты. Мичиган, 1976. 317 с.
2. Брецинский Д. Н. Житие Корнилия Выговского как литературный памятник и его литературные связи на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 127–141.
3. Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. (Slavistische Beiträge. Bd. 278). München, 1991. 468 с.
4. Виноград Российский, или Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие, написанный Симеоном Дионисиевичем (князем Мышецким). М., 1906. 134 л.
5. Водолазкин Е. Г. О «стужающих Божеству» // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. С. 406–409.
6. Гришакевич Е. Д. О некоторых особенностях Жития Кирилла Выговского в редакции Трифона Петрова // Проблемы исторической поэтики: Актуальные аспекты. Петрозаводск, 2015. Вып. 13. С. 71–86.
7. Житие протопопа Аввакума. Житие инока Епифания. Житие боярыни Морозовой: Статьи, тексты, комментарии / Изд. подгот. Н. В. Поньрко. СПб., 1994. 240 с. (Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях. Т. 2).
8. Лобакова И. А. Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб., 2006. 312 с.
9. Ольшевская Л. А., Травников С. Н. Житие Иоанна Казанского // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10. С. 360–365.
10. Панченко А. М. Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. М., 1986. С. 220–260.
11. Поньрко Н. В. Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой литературе // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 154–169.
12. Поньрко Н. В. Семен Денисов Вторушин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 332–335.
13. Поньрко Н. В. Эстетические позиции писателей выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси. XVII век: Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 104–112.
14. Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 431–500.
15. Руди Т. Р. О топосе адаманта в древнерусской книжности // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 63. С. 3–28.
16. Руди Т. Р. «Яко столп непоколебим» (об одном агиографическом топосе) // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 211–227.
17. Сапожникова О. С. Слово на перенесение мощей митрополита Филиппа Сергия Шелонина // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь / Под ред. С. А. Семячко. СПб., 2001. С. 342–437.
18. Семен Денисов. История об отцах и страдальцах соловецких: Лицевой список из собрания Ф. Ф. Мазурина / Изд. подгот. Н. В. Поньрко, Е. М. Юхименко. М., 2002. 272 с.
19. Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. 480 с.
20. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература: В 2 т. М., 2002. Т. 1. 544 с.; Т. 2. 480 с.
21. Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития: В 2 т. М., 2008. Т. 1. 688 с.; Т. 2. 568 с.
22. Юхименко Е. М. Невежество и премудрость в интерпретации выговских писателей-старообрядцев // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 508–516.
23. Čyževský D. Zur Stilistik der altrussischen Literatur. Topik // Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956. Wiesbaden, 1956. S. 105–112.
24. Hermann A. Das steinharte Herz: Zur Geschichte einer Metapher // Jahrbuch für Antike und Christentum. Jahrgang 4 (1961). Münster, 1962. S. 77–107.
25. Obermayer A. Zum Toposbegriff der modernen Literaturwissenschaft // Toposforschung / Hrsg. von Max L. Baeumer. Darmstadt, 1973. S. 252–267 (Wege der Forschung. Bd. 395).

Tatiana R. Rudi, PhD in Philology, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
Evgeni G. Vodolazkin, Doctor of Philology, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

THE HISTORY OF LITERARY TOPIC: THE OLD BELIEVERS' TRADITION

Literary topic, one of the most significant elements of medieval poetics, is the most important characteristic of the literature of Ancient Rus'. The article deals with the problems of the study of literary topic through the texts of the Old Believer literature, in particular, the writings of the Vyg literary school. The work examines some hagiographic formulas (*strong adamant, unshakable pillar*) and traditional motifs of monastic vita (birth of a hero from pious parents, secret departure from home, initial refusal to take the tonsure because of the young age, etc.). The material for the study comprised Simeon Denisov's *The Russian Vineyard* and *The Story of the Fathers and Sufferers of Solovki*, as well as *The Life of Cornelius of the Vyg*, *The Life of Cyril Sunaretsky*, *The Vyg Life of Epiphanius the Monk* and other works of the Old Believers. The study showed that in their hagiographic work the Vyg scribes relied on the system of traditional vita themes, developing it in accordance with new literary tasks.

Keywords: Old Russian literature, literary topic, topos, motif, canon, literary formula, hagiography, vita, Old Believers, Vyg literary school

Cite this article as: Rudi T. R., Vodolazkin E. G. The history of literary topic: the Old Believers' tradition. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 6 (183). P. 92–99. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.377

REFERENCES

1. Breshchinskiy D. N. The Life of the Monk Cornelius of the Vyg written by Pachomius: Research and texts. Michigan, 1976. 317 p. (In Russ.)
2. Breshchinskiy D. N. The Life of Cornelius of the Vyg as a literary work and its literary relations in the Vyg. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, 1977. Vol. 33. P. 127–141. (In Russ.)
3. Bulanin D. M. Ancient traditions in Old Russian literature of the XI–XVI centuries (Slavistische Beiträge. Bd. 278). München, 1991. 468 p. (In Russ.)
4. The Russian Vineyard or The Story of Those who Suffered for the Old Church Piety written by Simeon Dionisievich (Prince Myshetsky). Moscow, 1906. 134 f. (In Russ.)
5. Vodolazkin E. G. About those who “pester the God”. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, 2016. Vol. 64. P. 406–409. (In Russ.)
6. Grishkevich E. D. Some features of *The Life of Cyril of the Vyg* in the version of Trifon Petrov. *Problemy istoricheskoy poetiki: Aktual'nye aspekty*. Petrozavodsk, 2015. Issue 13. P. 71–86. (In Russ.)
7. The Life of Archpriest Avvakum. The Life of Epiphanius the Monk. The Life of Boyarynia Morozova: Articles, texts, commentaries. (N. V. Ponyrko, Ed.). St. Petersburg, 1994. 240 p. (In Russ.)
8. Lobakova I. A. The Life of Metropolitan Philip: Research and texts. St. Petersburg, 2006. 312 p. (In Russ.)
9. Ol'shevskaya L. A., Travnikov S. N. The Life of Ioann Kazansky. *Germenevika drevnerusskoy literatury*. Moscow, 2000. Issue 10. P. 360–365. (In Russ.)
10. Panchenko A. M. Topic and cultural distance. *Istoricheskaya poetika: Itogi i perspektivy izucheniya*. Moscow, 1986. P. 220–260. (In Russ.)
11. Ponyrko N. V. Kirillo-Epifanievsky hagiographic cycle and hagiographic tradition in the Old Believer literature of the Vyg. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, 1974. Vol. 29. P. 154–169. (In Russ.)
12. Ponyrko N. V. Simeon Denisov Vtorushin. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. St. Petersburg, 1998. Issue 3. Part 3. P. 332–335. (In Russ.)
13. Ponyrko N. V. Aesthetic positions of the writers of the Vyg literary school. *Knizhnye tseny Drevney Rusi. XVII vek: Raznye aspekty issledovaniya*. St. Petersburg, 1994. P. 104–112. (In Russ.)
14. Rudi T. R. The composition and topic of the lives of reverend saints. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, 2006. Vol. 57. P. 431–500. (In Russ.)
15. Rudi T. R. The topos of adamant in Old Russian literature. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, 2014. Vol. 63. P. 3–28. (In Russ.)
16. Rudi T. R. “Steadfast like a pillar” (on one hagiographic topos). *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, 2004. Vol. 55. P. 211–227. (In Russ.)
17. Sapozhnikova O. S. Speech by Sergius Shelonin on the transfer of relics of Metropolitan Philip. *Knizhnye tseny Drevney Rusi: Solovetskiy monastyr'*. St. Petersburg, 2001. P. 342–437. (In Russ.)
18. Simeon Denisov. The Story of the Fathers and Sufferers of Solovki. Illuminated manuscript from the collection of F. F. Mazurin. (N. V. Ponyrko, E. M. Yukhimenko, Eds.). Moscow, 2002. 272 p. (In Russ.)
19. Filippov I. The history of the Vyg Old Believer Community. St. Petersburg, 1862. 480 p. (In Russ.)
20. Yukhimenko E. M. The Vyg Old Believer Community. Spiritual life and literature. In 2 vols. Moscow, 2002. Vol. 1. 544 p.; Vol. 2. 480 p. (In Russ.)
21. Yukhimenko E. M. The literary heritage of the Vyg Old Believer's Community. In 2 vols. Moscow, 2008. Vol. 1. 688 p.; Vol. 2. 568 p. (In Russ.)
22. Yukhimenko E. M. Ignorance and wisdom in the Vyg Old Believer writers' interpretation. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, 2004. Vol. 55. P. 508–516. (In Russ.)
23. Čyževskij D. Zur Stilistik der altrussischen Literatur. *Topik. Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956*. Wiesbaden, 1956. S. 105–112.
24. Hermann A. Das steinharte Herz: Zur Geschichte einer Metapher. *Jahrbuch für Antike und Christentum*. Jahrgang 4 (1961). Münster, 1962. S. 77–107.
25. Obermayer A. Zum Toposbegriff der modernen Literaturwissenschaft. *Toposforschung*. Hrsg. von Max L. Baeumer. Darmstadt, 1973. S. 252–267 (Wege der Forschung. Bd. 395).

Received: 13 June, 2019

ИВАН АНДРЕЕВИЧ ГОЛОВНЕВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
отдела проектных исследований
Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
golovnev.ivan@gmail.com

КИНОЭТНОГРАФИЯ ЛЕОНИДА КАПИЦЫ (на примере фильма «По берегам и островам Баренцева моря»)*

Визуально-антропологические опыты в России имеют более чем вековую историю, отразившуюся, в частности, в корпусе советских этнографических фильмов 1920–1930-х годов. Данная статья, основанная на текстовых и визуальных материалах, задается целью введения в научный оборот информации об этнофильме «По берегам и островам Баренцева моря» (1929) одного из первопроходцев этнографического кино, профессионального исследователя Л. Л. Капицы как многослойном визуально-антропологическом документе. Анализируя архивные данные и изданные свидетельства современников, автор статьи прослеживает эволюцию творчества Л. Л. Капицы в связи с параллельными процессами в государственной национально-культурной политике и в этнографической науке. В силу специфики немого кино итоговый фильм «По берегам и островам Баренцева моря» представляет собой своеобразный кинотекст, состоящий из примерно равнозначного количества перемежающихся в повествовании кинокадров и текстовых титров. А потому методом анализа фильма как визуально-текстового произведения явилась его исследовательская расшифровка – представление в виде кинотекста. Исходя из рассмотрения фильма в социально-историческом контексте, делаются выводы о феномене этнографического фильма как эффективной форме исследовательского познания, позволяющего зафиксировать культуры снимаемого и снимающего и транслировать во времени не только фактические события, но и их столь важный для антропологического изучения образно-эмоциональный контекст, а также о потенциале кино как информативного исторического источника.

Ключевые слова: этнографическое кино, визуальная антропология, Леонид Капица, ненцы

Для цитирования: Головнев И. А. Киноэтнография Леонида Капицы (на примере фильма «По берегам и островам Баренцева моря») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 100–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.378

ВВЕДЕНИЕ

В современной антропологии все большее исследовательское внимание обращается на опыты визуальной репрезентации культурной информации, в частности на этнографическое кино. В научном обороте Западной Европы этнографическое кино по праву заняло значимое место в категории исследовательских источников, активно используется в образовательных программах, применяется в качестве эффективного средства презентации научных материалов [13], [14], [15], [16], [17]. В российской же историографии, несмотря на многостороннюю актуальность для различных сфер гуманитарного знания, это поле до сих пор изучено лишь фрагментарно [1], [2], [4]. В то же время практика создания этнофильмов в России насчитывает более чем вековую историю, и особое значение в этих процессах имели кинопроекты, создававшиеся непосредственно профессиональными этнографами или при участии ученых в качестве консультантов. Именно к таковым относится фильм «По берегам и островам Баренцева моря» Л. Л. Капицы, рассмотрение которого посвящена настоящая статья.

Леонид Леонидович Капица (1892–1938) родился в Санкт-Петербурге. Отец, Леонид Петрович, был военным инженером, мама, Ольга Иеронимовна, – филологом. После окончания гимназии Л. Л. Капица поступил в Императорский университет, учился антропологии и этнографии на курсе известного ученого Ф. К. Волкова, где особенностью образовательной методологии было сочетание теории и практики. Исследовательским дебютом студента Л. Л. Капицы стала экспедиция по изучению поморов и лопарей Архангельской губернии, в которой вместе с Леонидом участвовал его младший брат Петр, избравший впоследствии профессию физика. Экспедиции Л. Л. Капицы на Русский Север с перерывами, отчасти связанными с Первой мировой войной, продолжились и в середине 1910-х годов. Новую страницу в его биографии открыла работа в Этнографическом отделе Русского музея, куда он поступил на должность регистратора в 1916 году – из практиканта-этнографа он вырос в самостоятельного исследователя и собирателя этнографических коллекций для музея. В этой связи перед Л. Л. Капицей вставали и новые задачи – культуры этнических

сообществ, которые он открывал для себя в экспедициях, было невозможно перевезти в музей в виде собрания коллекций, но можно было привезти их образы – так Капица-этнограф стал этнофотографом [5].

Уже в ранних этнографических экспедициях он большое внимание уделял фотографии, например, как следует из семейной переписки Л. Л. Капицы, в 1921 году во время экспедиции в Карелию сделал порядка сотни фотографий¹. Из каждой последующей поездки он привозил растущие количественно и качественно коллекции этнографических фотоснимков. Благодаря регулярной практике он набирался опыта в фотографировании и осваивал профессиональную фотоаппаратуру. Визуальное запечатление культур все более увлекало Л. Л. Капицу, и он начал интересоваться новой техникой работы в этом направлении – кино. С одной стороны, необходимость освоения ресурсов кинематографа для фиксации и популяризации научной информации имела актуальность для ученых. С другой – и киноорганизации были заинтересованы в научных консультантах для создания экспедиционных фильмов. Кроме того, посылы о необходимости объединения возможностей науки и кино для проведения культурных преобразований в СССР все чаще фигурировали в государственных проектах [3]. В этой ситуации Л. Л. Капица оказался уникальным специалистом, объединявшим в своей профессиональной деятельности этнографический и кинематографический подходы: в начале 1920-х годов он совмещал работу в Русском музее и в научном отделе студии «Севзапкино». В 1924 году он был направлен на стажировку в страны Северной Европы (Англия, Швеция, Дания) с комплексными научно-кинематографическими задачами: изучение этнографии лопарей, освоение новейших технологий в музейной сфере, а также ознакомление «с научной кинематографией и применением ее в области этнографии»². А по возвращении из успешной четырехмесячной поездки он был назначен руководителем отдела производства научных фильмов на ленинградской фабрике «Севзапкино». Продолжая экспедиционную и музейно-выставочную работу в Этнографическом отделе Русского музея, он все активнее вовлекался в кинопроизводственные процессы: в 1925 году он консультировал съемочную группу «Госкино» в экспедиции на Печору и в это же время на регулярной основе работал в составе сценарно-художественного бюро кинофабрики³. Научные и кинематографические линии в его работе периодически пересекались: в 1926 году в экспедиции по области Коми он с музейным оператором В. А. Воротиловым снимал краткие этнографические кинозарисовки для Русского музея; а в 1927 году по линии Академии наук он совместно с известным советским кинооператором

А. А. Рылло работал над документальным этнофильмом «На родине Калевалы» (Карелия), ставшим режиссерским дебютом Капицы-кинematографиста.

В Архиве мемориального кабинета-музея академика П. Л. Капицы при Институте физических проблем РАН сохранилась серия писем Л. Л. Капицы к брату, содержащих информацию, связанную с проведением им кино съемок в этот период⁴. В частности, в письме от 13 июля 1927 года из г. Ухта Леонид Леонидович сообщал:

«Вчера был большой праздник во всей Карелии – это Петров день – праздновался он три дня. Много было уделено спортивным состязаниям. Мы много интересного засняли в кино. Видели мы спектакль – шла революционная бытовая пьеса. Пока в кино уже снято 500 мтр, и, если технически они удачны, то за сюжеты я не боюсь, и они очень выигрышны сами по себе» (Архив П. Л. Капицы. Письмо от 26 июля 1929 года).

Как видно, Л. Л. Капица был убежден в самодостаточной драматургии самих этнографических сюжетов, а свою режиссерскую задачу видел исключительно в обнаружении и документальной фиксации наиболее интересных из них. На кинематографическом поле он успешно использовал свои исследовательские преимущества, накопленные благодаря обширной экспедиционной практике.

В 1929 году Л. Л. Капица сумел убедить руководство студии «Межрабпомфильм», специализировавшейся на создании экспедиционных фильмов, включить его кинопроект в производственный план. Сценарный эскиз с рабочим названием «Северный край» предполагал обширные экспедиционные съемки среди ненцев-оленьеводов – на архипелаге Новая земля (1929) и на р. Обь (1930). И летом 1929 года участники киногруппы отправились в кинопоход [12].

В письме к брату из экспедиции Л. Л. Капица сообщил:

«Шлю тебе свой привет из Архангельска. Опять сижу в той же горнице, где мы с тобой в дни молодости останавливались. В ближайшие дни еду к самоедам на остров Вайгач, там будем производить кино съемки. Мой спутник очень симпатичный молодой оператор. Поездка наша трудна, но может дать очень интересный материал. Если все будет благополучно, думаю быть в Ленинграде в 20-х числах сентября. Чувствую себя бодро и хочется верить, что все пройдет удачно. Целых 1,5 месяца буду отрезан от всяких почтовых сообщений. Пожелай мне удачной работы. Ведь в смысле кинематографии у меня игра идет ва-банк. Сейчас много возможностей и надо их использовать»⁵.

Оператором фильма выступил начинающий в то время свою карьеру кинематографист Василий Маркелович Пронин (1905–1966). В самом начале 1920-х годов В. М. Пронин приехал в Москву из Тульской губернии, поступил сначала в техническое училище, а в 1924 году стал студентом только что открывшегося операторского факультета Государственного техникума кинематографии. Отучившись три года на операторском

отделении, он перешел на производство – работал лаборантом, ассистентом оператора, оператором на киностудии «Межрабпомфильм». Опыт работ в различных цехах кинопроизводства позволил В. М. Пронину основательно познать тонкости кинотехнологий, заложил основы сначала операторского, а затем и режиссерского профессионализма. Значительно позже, в 1950-х годах, он стал известным советским кинорежиссером, заслуженным артистом РСФСР (1965); снимал научно-популярные и художественные фильмы, в числе которых «Хождение за три моря» (1958) и «Казачи» (1961), за которые номинировался на почетную кинематографическую награду – «Золотую пальмовую ветвь» Каннского фестиваля. А в 1929 году судьба свела его с этнографом Л. Л. Капицей, с которым они и отправились в киноэкспедицию «По островам и берегам Баренцева моря». Очевидно, для работы в специфических экспедиционных условиях имели значение не только профессиональные, но и человеческие качества оператора. Как отмечали коллеги, лично знавшие В. М. Пронина,

«он был предан искусству, никогда не было “ячества” в его творчестве... он готов был даже включить в картину не свой лучший операторский дубль, если были какие-то свои неповторимые достоинства» [8].

Человеческое взаимопонимание стало залогом эффективного со-творчества режиссера и оператора, обеспечив как эффективность экспедиционных съемочных работ в сжатый период времени, так и качество последовавшего монтажно-го построения фильма.

По совпадению в период создания фильма «По островам и берегам Баренцева моря» и непосредственно в местах работы киноэкспедиции проходили исследовательские изыскания научной группы под руководством А. И. Бабушкина, связанные с проведением первой приполярной переписи. Материалы этой поездки к кочевникам-оленеводам исследователь обобщил в монографии, которая представляет интерес в плане сопоставлений кинематографических и научных материалов в рамках данной статьи. К слову, на полях своего полевого дневника он сделал характерное замечание: «фильма, изображающая быт кочевника в художественной форме, будет смотреться с увлечением...»⁶.

Коль скоро кинокартина «По островам и берегам Баренцева моря», в силу специфики немного кино, представляет собой сочетание кинокадров и текстовых титров, то эффективным средством ее изучения является исследовательская «расшифровка» – перевод в форму кинотекста. Поэтому далее приводится содержание титров (ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ – как в фильме), кадров фильма (обычным шрифтом) и соответствующих тематических выдержек из вышеупомянутого научного текста (уменьшенным шрифтом) – с целью последующего формирования исследовательских выводов.

Рис. 1. Кадр из фильма «По берегам и островам Баренцева моря»

ФИЛЬМ «ПО ОСТРОВАМ И БЕРЕГАМ БАРЕНЦЕВА МОРЯ»⁷ КАК КИНОТЕКСТ

Титр. ПО ОСТРОВАМ И БЕРЕГАМ БАРЕНЦЕВА МОРЯ.

Титр. КИНО-ЭКСПЕДИЦИЯ 1929 ГОДА.

Кадр. Панорама по морю.

Титр. В ТЕЧЕНИЕ КОРОТКОГО ПОЛЯРНОГО ЛЕТА МОРЕ СВОБОДНО ОТ ЛЬДА.

Кадры. Виды северного моря.

Титр. БЕРЕГА ИЗ ГЛИНЯНОГО СЛАНЦА.

Кадры. Виды берегов, островов в море.

Кадр. Географическая карта местности (анимация).

Естественными границами Большеземельской тундры являются с севера – Баренцево и Карское море, с востока – р. Кара и хребет Полярного Урала, с юга и юго-запада – р. Печора. К материку тундры примыкают несколько островов, хозяйственно неразрывно связанных. Это – о. Вайгач, отделенный от материка узким проливом Югорским шаром; низкий и каменистый о. Долгий, Варандей, острова Б. и М. Зеленец и высокий о. Матвеев, – отмечал исследователь А. И. Бабушкин (Бабушкин, с. 1).

Титр. МЕСТАМИ СНЕГ ЛЕЖИТ КРУГЛЫЙ ГОД.

Кадры. Виды берегов.

Титр. ЛЕТОМ ИЗ КАРСКОГО МОРЯ ПРИ ВЕТРАХ...

Кадры. Льды в море.

Титр. ЧЕРЕЗ ШАРЫ (ПРОЛИВЫ) НЕРЕДКО ПРОНИКАЮТ ЛЬДЫ.

Кадры. Льды у берегов.

Титр. В ГЛУБЬ БЕРЕГОВ.

Кадры. Залив. В море идут льды. У берега стоит ледокол.

Титр. НА ДЕСЯТКИ СОТЕН КИЛОМЕТРОВ РАСКИНУЛАСЬ ТУНДРА.

Кадры. Панорама по тундре.

По наблюдениям А. И. Бабушкина, тундра распадается на лесистую часть, озерную часть, кустарнико-травяную часть и наконец – горную область. Ивняк и карликовая береза встречаются по всей тундре,

начиная с едва заметных стелющихся по земле экземпляров и кончая большими зарослями в долинах крупных рек. Распределение ягеля – основного корма оленей, обуславливающего всю важность значения тундры, в большей или меньшей степени, надо считать повсеместным (Бабушкин, с. 19).

Титр. ПОЛЯРНАЯ ИВА.

Кадры растительности, в том числе – полярной ивы.

Титр. ЯГЕЛЬ – ОЛЕНЬИЙ МОХ.

Кадры поверхности тундры, покрытой ягелем.

Титр. ПОЛЯРНЫЙ МАК.

Кадры произрастания полярного мака.

Титр. ОСНОВНЫЕ ЖИТЕЛИ ТУНДРЫ – САМОЕДЫ...

Кадр-портрет мужчины, смотрящего в камеру.

Титр. КОЧУЮТ ПО НЕЙ СО СВОИМИ ОЛЕНЯМИ.

Оленеводы имеют правильное кочевание, по одним и тем же путям и урочищам, придерживаясь определенных районов, направлений. Вся трудовая жизнь проходит в вечных кочевьях, с массой лишений и невзгод, – рассуждал о цикле перекочевок у ненцев А. И. Бабушкин (Бабушкин, с. 9).

Кадры. Стадо оленей в тундре.

Титр. ОЛЕНЬЯ УПРЯЖКА.

Кадры. Олени, запряженные в нарты.

В экспедиционном дневнике И. А. Бабушкин кратко описывал сезонные особенности хозяйствования оленеводов в течение года:

Весной производится отел оленей, появляется большая забота; чтобы телята не отставали от своих матерей, чтобы их не загрызли волки. Много телят погибает от волков, весенних холодов. Оленей весной постигает бескормица от гололедицы, много из них умирает от истощения, в особенности молодняк. Разлив рек затрудняет передвижения и требует большого напряжения от кочевника (Бабушкин, с. 9).

Титр. МОЛЬБИЩА – МЕСТА, ГДЕ ДО СИХ ПОР СОВЕРШАЮТСЯ ОБРЯДЫ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ.

Кадры. Тундровый курган.

Титр. ОДНА ИЗ ЖЕРТВ.

Кадры. Кости и черепа животных на кургане.

На лето кочевники стараются ближе попасть к морю, чтобы спасти свои стада от летней жары и гнуса. Но и здесь им нет покою. Тихий солнечный день для оленей – одно мучение – от туч комаров и оводов олени кружатся, разбегаются в разные стороны, лезут в воду. Но подул ветерок, исчезли комары и все успокоилось – тогда оленевод разрешает себе отдохнуть. Летом олени больше всего подвержены разным заболеваниям, от плохого корма сильно худеют, – продолжал исследователь (Бабушкин, с. 9).

Титр. В ЛЕТНЕЕ ВРЕМЯ САМОЕДЫ ИЗ ТУНДРЫ ПОДКОЧЕВЫВАЮТ К БЕРЕГАМ.

Кадры. Чумы на морском побережье.

Титр. СТАВЯТ ЗДЕСЬ СВОИ ЖИЛИЩА – ЧУМЫ.

Кадры внешней обстановки на стойбище.

Титр. ВЫДЕЛКОЙ ОЛЕНЬЕЙ ПОСТЕЛИ (ШКУРЫ) ЗАНИМАЮТСЯ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ЖЕНЩИНЫ.

Кадры обработки оленьей шкуры: женщина – за работой, рядом – ребенок и собака.

По данным А. И. Бабушкина, осенние темные ночи, с дождями, слякотью – самое трудное время для кочевника. Необходимо в темные ночи зорко стеречь свое стадо от нападения волков, могущих разогнать его в разные стороны. Только верный друг кочевника – пастушья лайка облегчает его непосильный труд. Осенью олени охотятся за грибами, своим лакомством, и разбегаются, приходится прилагать много усилий к их собиранию. Собака для кочевника приносит громадную пользу – вот почему ее так и ценит кочевник (Бабушкин, с. 9).

Титр. ХАБАРОВО – ОДИН ИЗ ЛЕТНИХ ЦЕНТРОВ САМОЕДОВ.

Кадры. Селение на берегу моря. Группа детей в селении. Портретный план мальчика.

Титр. ЛОВЯТ РЫБУ ОМУЛЬ.

Кадры. Мужчины приносят на берег рыболовную сеть, укладывают ее в лодку, выходят в море.

Титр. ЗАБРАСЫВАЕТСЯ НЕВОД.

Кадры морской рыбалки: рыбаки забрасывают невод в море, вытягивают сеть, вынимают рыбу.

Кадры. К берегу причаливает лодка с рыбаками. Люди и собаки на берегу.

Зима приносит жестокие морозы, метели, свирепствующие в тундре и смягчающиеся в лесной полосе. Зимние холода суровы для остающихся в тундре промышленников на песца. Суровую зиму в тундре олень выносит с трудом, много погибает молодняка, плодовой состав стада слабо оплодотворяется, чем объясняется слабый рост оленьих стад у промышленников, проводящих зиму со своим стадом в тундре, – завершал свой очерк о годовом цикле оленеводов А. И. Бабушкин (Бабушкин, с. 9).

Кадры. Морской залив. Общий план северного моря со льдами.

Титр. КОНЕЦ.

Рис. 2. Кадр из фильма «По берегам и островам Баренцева моря»

МЕТОД КАПИЦЫ

По возвращении в Ленинград в письме к брату Л. Л. Капица написал:

«Дорогой брат! 17 сентября я вернулся из экспедиции домой. Проплавал я на пароходе “Патруль” ровно 45 дней, из них только 7 дней жил в самоедском становище, в это время пароход работал поблизости и потом зашел за нами. Поездка была трудной. Льды были очень близко от нас, и даже нас два раза затирало льдами, так что приходилось пробиваться и удирать. В смысле настоящего Полярного (!) плавания у меня это в первый раз – очень любопытно. Кроме того, наш пароход заходил в очень глухие, малоисследованные места. Даже раз выскочили на мель и просидели около 10 часов. Много еще было всяких приключений, об этом можно много писать и рассказывать. Сняли около 1300 мтр.» (Архив П. Л. Капицы. Письмо от 20 сентября 1929 г.).

Как видно из вышеприведенного кинотекста, фильм выстроен как хроника экспедиции. Начало – географическая зарисовка, созданная из кадров, снятых по пути движения к местам основных съемок, основная часть – этнографический очерк, собранный из материалов разъездной экспедиции киногоруппы по стойбищам ненцев-оленевонов. В частности, в фильме дана подробная картина жизни кочевников в тундре: уход за оленями, стойбищный быт, регулярные перекочевки. Особый эпизод посвящен сезонному бытованию местных жителей у моря: на стойбище, в поселке, на рыболовном промысле. Есть в этой киноистории и акцент на сосуществовании религиозных укладов на Севере, выраженный в сопоставлении планов христианской часовни и ненецкого святилища на побережье. Примечательно, что в фильме совершенно отсутствует идеологический вектор – ни в титрах, ни в кадрах нет «партийной» интонации, столь характерной для этнографических киноработ рубежа 1920–1930-х годов [4]. Фильм не фокусируется на каком-либо одном главном герое (героях), не построен драматургически, его стиль описателен. Авторы в начальных титрах заявляют установочную формулировку «кино-экспедиция», и, как показывает экспериментальная расшифровка фильма, кадры киноповествования действительно выстроены в визуальный исследовательский очерк, вполне сопоставимый с текстом научной монографии. В то же время обилие морских пейзажей, эстетичных портретов, крупных планов артефактов, составленных в простой визуальный нарратив, без применения каких-либо эффектов монтажа, позволил транслировать не только фактическое содержание бытования оленеводов, но и образно-эмоциональный контекст – «ощущение» Севера и «атмосферу» жизни самобытного этнического сообщества на удаленной от цивилизации границе земли и моря.

В очередном письме к брату Л. Л. Капица писал:

«Дорогой Петя! Пишу тебе из Москвы, где я сейчас монтирую свою фильму, снятую этим летом. Кажется, получается очень неплохо. Хотя фильму и маленькая, но содержит много материала, не шаблонно преподнесенного. В общем, я думаю, что, наверное, скоро совсем перейду работать в кинематографию. Со мной уже

начали принципиальные переговоры о новой большой экспедиции к самоедам – для снятия фильма вроде “Нанук” – этот вопрос выяснится в октябре. Тогда мне в конце февраля придется ехать минимум на полгода» (Архив П. Л. Капицы. Письмо от 6 октября 1929 г.).

Очевидно, что если бы двухгодичный съемочный план Л. Л. Капицы был реализован полностью, то итоговое киноповествование представляло бы более полную картину о жизни ненцев-оленевонов – в различных районах их кочевок, в разные сезоны и времена года. Но из запланированных двух реализовалась только первая киноэкспедиция, что было связано с производственными корректировками в планах студии.

Неслучайно по мере обретения опыта Л. Л. Капица все более стремился к организации самостоятельной работы по созданию научных фильмов, максимальной независимой от крупных производственных систем. В одном из писем к матери в этот период он признавался:

«Я все больше убеждаюсь, что мне надо самому учиться снимать кинематографически. Кроме того, я вполне ясно вижу, что необходимо иметь ручной киноаппарат с механическим заводом. Добьюсь же когда-нибудь успехов в своей кино-работе» (Архив П. Л. Капицы. Письмо от 7 августа 1928 г.).

В этом виден особый методологический вектор Л. Л. Капицы, объединявшего в себе профессиональные квалификации этнографа и кинематографиста, достаточные и необходимые для производства этнофильмов. Он отдавал себе отчет в неэффективности и нецелесообразности применения масштабных производственных техник для создания экспедиционных кинокартин и делал осознанный выбор в пользу работы максимально камерной и специализированной киногоруппой для съемок в чувствительной этнокультурной среде. Во всех своих кинематографических опытах Л. Л. Капица стремился к описательности, веря во внутренний потенциал самих этнографических сцен фильма, и потому общую методологию его работ в кино можно обозначить как «киноэтнография».

Рис 3. Кадр из фильма «По берегам и островам Баренцева моря»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале 1930-х годов вслед за изменением политического курса начались смежные процессы ведомственного подчинения кинематографии и этнографии. По выражению исследователя Ю. Слезкина, советская этнография оказалась буквально «в нокдауне» [9: 113]. В 1931 году этнологический факультет МГУ был закрыт, кафедра этнологии прекратила свое существование, а ее руководитель профессор П. Ф. Преображенский был арестован и погиб в заключении. По определению Г. Е. Маркова, в 1930-х годах наука обеднела, она была «низведена до изучения пережитков первобытно-общинного строя методом этнографического наблюдения» [11: 25]. Преобразования в этнологической науке привели к радикальному обновлению кадровой структуры исследовательских и преподавательских учреждений за счет марксистов и к соответствующему изменению подходов в понимании предмета и задач этнонауки, а «на смену научной автономии научно-исследовательских центров и независимости учебных заведений пришли перспективное планирование и строгая регламентация интеллектуальной деятельности» [10: 192]. Многие представители «старой» школы были уволены из Этнографического отдела Русского музея, в 1931 году вынужден был покинуть музейную службу и Л. Л. Капица. Он перешел на преподавательскую работу в Машинно-строительный учебный комбинат, где продолжал опытные работы по съемке учебных и научных фильмов, в том числе с применением перспективных технологий, перенятых им на Западе. Но это были в основном киноэксперименты технического порядка, уже не связанные с этнографией и, несмотря на поддержку брата, П. Л. Капицы, к тому времени уже влиятельной персоны в мировой и советской физике, в должной мере не востребованные ни наукой, ни обществом [6].

В то же время в связи с изменением курса национальной политики партии в сторону так на-

зываемого великого отступления 1933–1938 годов [7: 24] произошло и вытеснение этнографических фильмов из тематических планов киностудий. Созданные к тому времени этнофильмы, ввиду отсутствия налаженной системы архивного хранения, часто разбирались на «вставки» для киножурналов и новых, идеологически выверенных киноработ. Из более полутора десятка киноработ Л. Л. Капицы в архивах сохранился лишь один-единственный фильм – «К островам и берегам Баренцева моря», анализу которого посвящена данная статья.

Вследствие тяжелого заболевания Л. Л. Капица ушел из жизни рано (1938), не сумев сполна реализовать свой потенциал и замыслы, но его кинематографические и фотографические работы, безусловно, являются знаковым вкладом в развитие визуальной антропологии. Творчество Л. Л. Капицы – это пример своеобразной квинт-эссенции этнографии и кинематографии. И не столько количеством фотографий и кинофильмов измеряется это наследие. Хотя, как показывает современный опыт, на сделанных им фотоизображениях основываются музейные экспозиции, иллюстрированные альбомы и научные тексты⁸. Самобытные культурные срезы, запечатленные им среди финно-угорских этнокультурных сообществ Севера (саамов, карелов, коми, ненцев), не существуют более в реальности, они навсегда ушли в прошлое, но образы их можно увидеть и сегодня – через объектив его камеры. И в этом заключена не только исследовательская, но и общегуманитарная ценность творчества Л. Л. Капицы – его уникальная миссия, исполненная с мастерством и достоинством.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор статьи выражает благодарность за содействие в проведении исследования заведующей Музеем-кабинетом П. Л. Капицы при Институте физических проблем имени П. Л. Капицы РАН Т. И. Балаховской.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-09-00076 «Традиционные этнокультурные сообщества Севера в этнографическом кино».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Архив Мемориального кабинета-музея академика П. Л. Капицы при Институте физических проблем РАН. Далее ссылки на Архив даются в круглых скобках.
- ² Архив Российского этнографического музея. Ф. 1. Оп. 2. Д. 313. Л. 24.
- ³ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 243. Оп. 2. Д. 17. 120 л. Приказы по киностудии «Союзтехфильм». 1935.
- ⁴ Эпистолярные документы в данном архиве систематизированы по годам, но не выделены в особое дело, листы не пронумерованы.
- ⁵ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2936. Оп. 2. Ед. хр. 315.
- ⁶ Бабушкин А. И. Большеземельская тундра. Сыктывкар: Издательство Коми Облстатотдела, 1930. 224 с. С. 10. Далее ссылки на работу А. И. Бабушкина даются в круглых скобках с указанием страницы.
- ⁷ Российский государственный архив кинофотодокументов. Фонд кинодокументов. Учетный № 1834, производственный № 1-4412.
- ⁸ См., например, выставки в Русском этнографическом музее: «Финно-угорский мир в фотографиях Л. Л. Капицы» (2012), «Саамский триптих» (2014) и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Е. В. Центростремительный вектор в безграничьи визуальной антропологии // Сибирские исторические исследования. 2017. № 3. С. 11–28.
2. Арзютов Д. В. Этнограф с кинокамерой в руках: Прокофьевы и начало визуальной антропологии самодийцев // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 187–219.
3. Головнев И. А. Национальная политика на экране: становление советского этнографического кино в 1920-х – начале 1930-х гг. // Вестник Российской нации. 2018. № 1. С. 95–106.

4. Головнев И. А. Феномен советского этнографического кино (творчество А. А. Литвинова). М.: ИЭА РАН, 2018. 226 с.
5. Ивановская Н. И., Чувьюров А. А. Леонид Капица. Между наукой и кино // Регион. 2017. № 6. С. 32–36.
6. Капица П. Л. Письма о науке. 1930–1980. М.: Московский рабочий, 1989. 416 с.
7. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. 664 с.
8. Папава М. Г. Молодость ушедшего друга // Искусство Кино. 1967. № 3. С. 84–86.
9. Слезкин Ю. В. Советская этнография в нокдауне // Этнографическое обозрение. М., 1993. № 2. С. 113–125.
10. Соловей Т. Д. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX в. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998. 298 с.
11. Тишков В. А. Наука и жизнь: диалоги с учеными. СПб.: Алетейя, 2008. 176 с.
12. Финно-угорский мир в фотографиях и документах: наследие Л. Л. Капицы / Авт.-сост. Н. И. Ивановская, А. А. Чувьюров. СПб.: ЛИК, 2017. 124 с.
13. Gardner R. The impulse to preserve: reflections of a filmmaker. New York: Other Press, 2006. 372 p.
14. Heider K. Ethnographic film. University of Texas Press, 2006. 161 p.
15. MacDougall D. The corporeal image: film, ethnography and the senses. Princeton University Press, 2006. 312 p.
16. Rouch J. Cine-ethnography. University of Minnesota Press, 2003. 400 p.
17. Ruby J. Picturing culture: exploration of the film and anthropology. University of Chicago Press, 2000. 339 p.

Поступила в редакцию 05.04.2019

Ivan A. Golovnev, PhD in History, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

LEONID KAPITSA'S CINE-ETHNOGRAPHY (CASE STUDY OF THE FILM ALONG THE COASTS AND ISLANDS OF THE BARENTS SEA)*

Visual anthropological experiments in Russia have more than a century of history, reflected, in particular, in the corpus of Soviet ethnographic films of the 1920s and the 1930s. This article, based on textual and visual materials, is intended to introduce into the scientific circulation the information about the ethnographic film *Along the Coasts and Islands of the Barents Sea* (1929) made by one of the pioneers of ethnographic cinema, a professional researcher L. L. Kapitsa, as a multi-layered visual anthropological document. Analyzing archival data and published testimonies of the contemporaries, the author of the article traces the evolution of L. L. Kapitsa's work in connection with the parallel processes in the state national cultural policy and ethnographic science. Due to the specifics of silent cinema, the final film *Along the Coasts and Islands of the Barents Sea* is somewhat of a cinema-text consisting of approximately the same number of motion pictures and text captions alternating in the narration. That is why the method of analyzing the film as a visual and textual work was its investigative transcription – representation in the form of a film text. Based on the study of the film in its socio-historical context, the article draws conclusions about the phenomenon of an ethnographic film as an effective form of research knowledge, which enables to fix the culture of those being filmed and the culture of a film-maker and transmit through time not only the actual events, but also their emotional context, which is so important for anthropological study. Another conclusion concerns the potential of cinema as an informative historical source.

Keywords: ethnographic cinema, visual anthropology, Leonid Kapitsa, Nenets

* This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research as part of the project No 18-09-00076 “Traditional Northern communities in ethnographic film”.

ACKNOWLEDGMENTS

The author expresses his gratitude to T. I. Balakhovskaya, curator of P. L. Kapitsa's memorial study at P. L. Kapitsa Institute for Physical Problems of the Russian Academy of Sciences, for her assistance with the research.

Cite this article as: Golovnev I. A. Leonid Kapitsa's cine-ethnography (case study of the film *Along the Coasts and Islands of the Barents Sea*). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 6 (183). P. 100–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.378

REFERENCES

1. Aleksandrov E. V. A centripetal vector in the boundlessness of visual anthropology. *Siberian historical studies*. 2017. No 3. P. 11–28. (In Russ.).
2. Arzyutov D. V. Ethnographers with a cine-camera in their hands: the Prokofievs and the beginning of the visual anthropology of the Samoyeds. *Anthropological Forum*. 2016. No 29. P. 187–219. (In Russ.).
3. Golovnev I. A. National policy on the screen: the formation of Soviet ethnographic cinema in the 1920s and the early 1930s. *Bulletin of the Russian Nation*. 2018. No 1. P. 95–106. (In Russ.).
4. Golovnev I. A. The phenomenon of Soviet ethnographic cinema (A. A. Litvinov's creations). Moscow, 2018. 226 p. (In Russ.).
5. Ivanovskaya N. I., Chuvyurov A. A. Leonid Kapitsa. Between science and cinema. *Region*. 2017. No 6. P. 32–36. (In Russ.).
6. Kapitsa P. L. Letters on science. 1930–1980. Moscow, 1989. 416 p. (In Russ.).
7. Martin T. The affirmative action empire. Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Moscow, 2011. 664 p. (In Russ.).
8. Papava M. G. The youth of a departed friend. *Art of Cinema*. 1967. No 3. P. 84–86. (In Russ.).
9. Slezkin Yu. V. Soviet ethnography knocked down. *Ethnographic Review*. Moscow, 1993. No 2. P. 113–125. (In Russ.).
10. Solovey T. D. From “bourgeois” ethnology to “Soviet” ethnography. History of domestic ethnology of the first third of the XX century. Moscow, 1998. 298 p. (In Russ.).
11. Tishkov V. A. Science and life: dialogues with scientists. St. Petersburg, 2008. 176 p. (In Russ.).
12. Finno-Ugric world in photographs and documents: the legacy of L. L. Kapitsa. (N. I. Ivanovskaya, A. A. Chuvyurov, Eds.). St. Petersburg, 2017. 124 p. (In Russ.).
13. Gardner R. The impulse to preserve: reflections of a filmmaker. New York, 2006. 372 p.
14. Heider K. Ethnographic film. University of Texas Press, 2006. 161 p.
15. MacDougall D. The corporeal image: film, ethnography and the senses. Princeton University Press, 2006. 312 p.
16. Rouch J. Cine-ethnography. University of Minnesota Press, 2003. 400 p.
17. Ruby J. Picturing culture: exploration of the film and anthropology. University of Chicago Press, 2000. 339 p.

Received: 5 April, 2019

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА ЗМЕЕВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук» (Апатиты,
Российская Федерация)
zmeyeva@rambler.ru

МУРМАНСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА: УСТАНОВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА*

Рассматривается система формирования полиэтнической социальной структуры в период строительства Мурманской железной дороги. Ключевой является проблема столкновения официально установленных норм социального порядка с традиционными этническими нормами в специфических условиях образования общности. Организованная формальная структура – Управление по постройке Мурманской железной дороги – выполняла функции координации и управления разными этническими и социальными группами. Использование правил, установленных в нормативно-правовых документах, позволило организовать нормативный порядок, соблюдение которого оказалось проблематичным на отдельных участках строительства. Отсутствие транспортной инфраструктуры лишило руководство возможности осуществлять координирующую и контролирующую функции, что привело к трансформации социального порядка участниками строительства. В результате социальный порядок обеспечивался не столько при помощи функционального распределения обязанностей и полномочий на основании соответствующих норм, сколько благодаря правилам, заданным этническими традициями.

Ключевые слова: Мурманская железная дорога, этнические общности, социальная система, социальный порядок, контроль
Для цитирования: Змеева О. В. Мурманская железная дорога: установление и трансформация социального порядка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 107–113. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.379

ВВЕДЕНИЕ

Поставив перед собой цель рассмотреть характер межэтнических коммуникаций в процессе строительства Мурманской железной дороги, мы обратились к вопросам о том, как в целом регулировались отношения между различными группами участников строительства, как создавалась и функционировала структура этих отношений и какую роль в них играл этнический фактор.

Исследователи, занимающиеся историей строительства Мурманской железной дороги, неоднократно обращались к проблеме обеспечения линии рабочей силой и к способам разрешения различного рода конфликтов. Исторические и историко-краеведческие работы, посвященные истории сооружения дороги, отвечают на различные вопросы, касающиеся мобилизации рабочей силы в условиях Первой мировой войны¹ [3], [4], [6], [7], [10], [18], [20]. Изучению межэтнических взаимодействий способствуют исследования, объектом которых являются конкретные группы рабочих: военнопленные [1], [12], [13], [26], [27], китайцы [19], [24], [25], «горцы» [21]. Процесс создания новых общностей в ходе строительства дороги отчасти проясняется благодаря данным об использовании квалифицированных рабочих и привлечении их в качестве постоянного населения [2], [5], [22].

Одним из важнейших произведений, посвященных строительству пути к Северному Ледовитому океану, остается книга «Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман с описанием ее района»². Эта работа сотрудников Управления по постройке Мурманской железной дороги по существу является официальным отчетом об этапах сооружения крупнейшего объекта. Документ представляет один из первых опубликованных источников, в котором подробно описаны успехи и провалы, связанные с выполнением стратегической задачи соединения столицы и заполярной окраины Империи. Он и сейчас остается отправной точкой любого исследования по истории дороги. Историческая значимость этого документа неоспорима, но его информационный потенциал в отношении социальных аспектов строительства: специфики найма рабочей силы, взаимодействия этнических и социальных групп, насыщенности и разнообразия способов коммуникации, – еще далеко не исчерпан. В книге «Мурманская железная дорога...» первичной систематизации подвергнуты этнические и социальные группы, которые были привлечены на строительство, приведены сведения о повседневных практиках рабочих, обстоятельствах

и условиях найма рабочей силы, конфликтных ситуациях и способах их разрешения.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Создание Строительного управления Мурманской железной дороги (Управления по постройке Мурманской железной дороги) во главе с начальником работ В. В. Горячковским состоялось в декабре 1914 года [4: 103]. Оно было создано с целью организации общего руководства процессов строительства северной (Сорока – Мурманское побережье) и южной (Петрозаводск – Сорока) частей железнодорожной линии.

Организация процесса сооружения дороги оказалась невозможной без решения Управлением так называемого рабочего вопроса. Дополнительные проблемы при наборе рабочей силы были связаны с последствиями мобилизации, природно-климатическими и географическими условиями, с отсутствием транспортных сетей. Особую категорию проблем составили этносоциальные.

Мобилизация в действующую армию

Вступление России в Первую мировую войну привело к массовой мобилизации населения в действующую армию. Высокая явка призывников, например, в Петрозаводском уезде явилась результатом не только организационных мероприятий, но также массовых волнений и подъема патриотических настроений. Таким образом, Карелия стала одним из регионов, который в результате призывов 1914–1917 годов пополнил действующую армию половиной («всего трудоспособного мужского населения (28 тыс. человек)» [9: 30]. Олонецкая и Архангельская губернии считались малонаселенными, и после военных призывов жители этих территорий не могли обеспечить потребности Строительного управления в рабочей силе.

Всего в Александровском уезде Архангельской губернии к 1 января 1914 года насчитывалось 14,3 тысячи человек³, а в Петрозаводском уезде Олонецкой губернии – 103,0 тысячи человек (в Петрозаводске – 16,4 тысячи человек)⁴. Кроме постоянного населения на сезонные работы приезжали рабочие из других уездов. Так, в становища Мурманского побережья «на рыбные промыслы приходили ежегодно около 3000 человек поморов – главным образом из Кемского и Онежского уездов Архангельской губернии»⁵. Тем не менее многотысячное население, проживавшее на территории сооружения дороги (в 1914 году – 179,6 тысячи человек (подсчитано по [4: 177])), оказалось неспособно обеспечить стройку рабочей силой.

Задача привлечь в короткий срок десятки тысяч человек была выполнена, систематический набор в 1915 году (с января по сентябрь) обеспечил район строительства 30 тыс. наемных работ-

ников. К концу строительного сезона 1915 года на прокладке линии Петрозаводск – Мурман было сосредоточено около 60 000 рабочих [7: 106]. Конечным результатом политики Управления стало количественное превосходство нанятых и привлеченных рабочих над численностью местного населения.

Природно-климатические и географические условия

Особыми препятствиями для найма рабочих являлись природные условия и география района строительства. Строительство проходило в северо-западных губерниях России, частично – за Северным полярным кругом.

Путь рабочего к месту строительства от места найма составлял в среднем 15–17 дней [7: 103]. Преодолевший трудный и непривычный путь – «пароходное плавание, сопряженное с штормами», рабочий оказывался на линии «усталый, с угнетенной психикой»⁶. Низкие температуры, холод и сырость, непроходимые болота становились мотивами бегства рабочих со стройки. Такие условия приводили к заболеваниям пневмонией, дизентерией, цингой, к травмам – переломам, ушибам, ожогам, обморожениям. Территория стройки фактически не являлась жилым пространством, за исключением исторических центров – Петрозаводска, Сороки, Кеми, Кандалакши, Колы. На многих участках не было населенных и медицинских пунктов, дорога строилась среди лесов и болот.

Отсутствие транспортных сетей

Мурманская железная дорога возводилась вдали от существующих и действующих транспортных линий. Ближайшими станциями были Сердоболь, Улеаборг, Званка. Движение рабочих и грузов к месту строительства зависело от начала навигации. В этом случае рабочие, добравшись до Петрограда или Архангельска, далее передвигались на пароходах:

«Из Петрограда – по реке Неве, Ладожскому озеру или каналам, реке Свири в Онежское озеро, а из Архангельска – по Белому морю, а при следовании на Мурман – и по Ледовитому океану»⁷.

При отсутствии навигации рабочим, нанятым на Петрозаводск-Сорокскую линию, приходилось добираться до места следующим путем: «... До станции Званка, Северных железных дорог, и далее пешком по Олонецкому тракту через Петрозаводск»⁸. Такое передвижение рабочих требовало от Управления дополнительной организации временных стоянок с предоставлением продовольствия, ночлега, а при необходимости и медицинской помощи.

Традиционные представления и занятия русских крестьян не соответствовали альтернативным сухопутным способам перемещения. Кроме того, у переселявшихся отсутствовал опыт

передвижения по малозаселенным, приморским и окраинным территориям. Все это усиливало страхи. Часть рабочих транспортировалась через территорию Швеции и Норвегии с последующим морским переездом из Норвегии к северным берегам России. Техническое достижение общества модерна – пароходы, которые преодолевали значительные морские пространства, доставляя рабочих к месту строительства, – в сознании сельских жителей средней России ассоциировалось с неизбежной смертью в пасти ужасного животного⁹.

Этносоциальные проблемы

Привлечение огромной массы рабочих на участки строительства Мурманской железной дороги осуществлялось в несколько этапов.

Первый этап – попытка привлечь на работы местное население. Эта тактика оказалась нерезультативной, поскольку местное население не могло выполнить установленный объем работ. Более того, часть старожильческого и аборигенного населения была традиционно занята на сезонных работах. Поморы отправлялись на промыслы в становища на побережья Баренцева и Белого морей [8: 445–459], а саамы в летнее время перемещались вслед за своими оленями [8: 389]. В короткий летний период аборигенное и старожильческое население районов строительства, кроме тех, кто уже были мобилизованы в армию, занималось традиционными видами деятельности.

Второй этап – добровольный найм. Вербовка рабочей силы началась в начале 1915 года на территории средней части России и в Поволжье. Именно там, в Казанской, Калужской, Нижегородской, Пензенской, Самарской, Симбирской и Смоленской губерниях, нанимали крестьян, которые «исстари занимались отхожими строительными работами» [7: 103]. Срок стандартного договора для рабочего в среднем составлял 6,5 месяца. Работнику предоставлялись

«бесплатное помещение, освещение, отопление, медицинская помощь и, при отработке им срока, на счет казны принималась стоимость проезда к месту работы»¹⁰.

Систематический найм рабочих не прекращался на протяжении всего периода строительства: «Последнее большое пополнение рядов строителей поступило на дорогу весной 1917 г.» [2: 199]. Однако наемные рабочие, по сути, оказывались в зависимом положении. При заключении договора у работника «отбирался паспорт, который он не имел права требовать до истечения срока найма» [7: 104]. И даже в этих условиях сохранить рабочую силу на месте не всегда получалось. К такому развитию ситуации руководство не было готово: «Громадное большинство людей, несмотря на усиленное предложение оставаться на линии, уезжало на родину»¹¹.

Безработица стала важнейшей причиной появления на имперской стройке жителей соседних территорий. Вербовка рабочих осуществлялась в Великом княжестве Финляндском, где «было много рабочих рук, вследствие затишья в промышленности и отсутствия воинских наборов»¹². Всего было нанято около 5 500 человек, «имевших опыт разработки скальных и валунных грунтов» [7: 105]. Были также заключены договоры с маньчжурскими рабочими-землекопами [25: 36].

Третий этап – привлечение военнопленных. В Российской империи оказалось недостаточно наемной рабочей силы для постройки дороги в сжатые сроки, поэтому в районе строительства появились группы иностранных рабочих, как вольнонаемных, так и военнопленных. Самыми крупными группами иностранцев были военнопленные австро-венгерского и немецкого подданства, китайцы, канадцы. Китайцев – около 10 000 человек, канадцев – около 500 человек¹³. Сведения о работавших на линии военнопленных различны. В официальном отчете о строительстве Мурманской железной дороги речь идет о приблизительной цифре – до 25 000 человек к 1 сентября 1916 года¹⁴. По подсчетам А. А. Голубева, число военнопленных составило около 35 000 человек к 1 февраля 1917 года [4: 119]. Р. Нахтигаль приводит данные о наибольшей концентрации военнопленных на линии к осени 1916 года – 40 000 человек [12: 119].

Четвертый этап – увеличение численности охраны. Охрана Мурманской железной дороги включала этнически разнообразные команды стражников, среди которых были русские, лезгины, черкесы, чеченцы, ингуши, киргизы. К январю 1917 года, по данным Жандармского управления, на железнодорожной линии находилось 3220 стражников¹⁵. Расчет сотрудников, необходимых для службы в охране, в 1915 году производился, «считая 1 человека стражи на 30 военнопленных»¹⁶ [1: 22]. Позднее правила расчета изменились: 1 стражник на 10 военнопленных, плюс одна тысяча стражников, необходимых на линии «согласно постановления Особого Комитета, для охраны касс, сопровождения артельщиков»¹⁷.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК: КООРДИНАЦИЯ И КОНТРОЛЬ

Усилиями Управления строительством и различных ведомств, занимавшихся привлечением рабочих на сооружение линии, была создана особая этносоциальная структура. «Это был специфический, неоднородный контингент, многие с трудом адаптировались к работе в условиях севера» [4: 119]. Сформировав «армию» рабочих, в которой к производственным отношениям добавилось смешение «языков, привычек и требований» разных «народностей»¹⁸ мира, руководство

попыталось упорядочить систему взаимодействия в этом искусственно созданном обществе. То есть Управлению необходимо было организовать и установить порядок для созданной им в районе строительства железнодорожной линии этносоциальной структуры.

Группировка рабочих происходила по двум основным критериям: а) по способу привлечения рабочих (добровольно нанятые рабочие, военнопленные, мобилизованные военные группы); б) по гражданской принадлежности рабочих (подданные Российской империи, иностранные граждане). Второй критерий представляется существенным. Рабочие, нанятые в регионах Российской империи, не подразделялись на этнические группы, они все причислялись к «русским». Факт принадлежности к российскому гражданству и объединение отдельных этнических групп в одну группу «русских» стали ключевыми условиями для установления социального порядка в полиэтнической среде рабочих, на этой основе происходило разделение на «своих» и «чужих» во вновь созданном обществе. «Русские» и иностранные граждане объединялись по принципу наличия/отсутствия гражданства. Промежуточное положение в этой системе занимали группы, которые в Российской империи традиционно назывались «инородцами», «туземцами». Таковыми стали, например, уроженцы Северного Кавказа. С одной стороны, они оставались представителями Империи, участниками знаменитой «Дикой» конной дивизии – достойными защитниками Государя в Первой мировой войне [11], [14], [17]. С другой стороны, они по-прежнему составляли особую категорию инородцев – «горцев», «кавказцев».

Строительное управление сумело создать сложную социальную структуру, выделив решение «рабочего вопроса» в отдельную задачу, несмотря на многочисленные потери участников строительства, которые происходили в результате несчастных случаев, болезней, бегства, оставления рабочего места.

Сформированную на строительстве Мурманской железной дороги социальную структуру можно рассматривать как социальную систему – в соответствии с концепцией общей системы действия Т. Парсонса [15], [16], [29]. Социальная система выполняет преимущественно интегративную функцию, которая в самом простом варианте «состоит в координации составляющих ее элементов, прежде всего человеческих индивидов» [16: 15], [28]. Разнообразные этнические группы были объединены единой задачей строительства железной дороги, связывающей столицу Империи и Мурманское побережье, обеспечивающей прямой выход в воды Северного Ледовитого океана.

«Русские, финны, татары, армяне, черкесы, дагестанцы, чехи, венгры, немцы, китайцы – были собраны для

одной цели и требовали особого напряжения организующей воли для согласования их действий...»¹⁹.

На огромной территории была создана временная общность рабочих всех категорий квалификации, участвовавших в реализации масштабного государственного проекта. Общество участников строительства было создано искусственно. Оно имело временный характер и, скорее всего, было бы расформировано или распалось естественным образом по завершении работ на этих участках. Однако естественному развитию событий помешали Гражданская война и интервенция.

Главное, что рассматриваемая социальная система изначально формировалась как полиэтническая общность. Рабочие имели определенный статус, который, по всей видимости, был также ориентирован на этническую специализацию: китайцы были хорошими землекопами, финны имели опыт работы со скальными объектами, «кавказцы» успешно выполняли функции охраны. Система имела четкую иерархию, для отдельных частей которой были разработаны свои правила и нормы, определяющие способы взаимодействия с другими участниками строительства. Основными нормативными документами, которыми пользовались участники строительства, были «Положение о военнопленных» (1914 г.)²⁰, «Устав гарнизонной службы», а также отдельные правительственные акты и официальные материалы²¹, инструкции и договоры, разработанные специально для участников строительства Мурманской железной дороги, в частности «Инструкция стражникам, находящимся на постройке Мурманской железной дороги»²². В целом нормативный аспект социального порядка в период строительства Мурманской железной дороги был хорошо разработан и обеспечен системой правовых документов.

Управление строительством пыталось сохранять порядок на линии, несмотря на существовавшие протесты, оставление рабочих мест, этнические и религиозные противоречия. Поддержанием порядка занимались представители службы охраны. Нормативные документы регламентировали взаимодействия отдельных групп – участников строительства. Так, в «Инструкции стражникам...» были определены функции человека, выполняющего обязанности представителя охраны: установлен перечень лиц, с которыми ему предстояло взаимодействовать; обозначена иерархия, в структуру которой включена должность. Кроме того, в документе представлен набор потенциальных социальных взаимодействий сотрудника охраны с другими участниками строительства, руководящим составом, а также прочими лицами, с которыми стражнику, возможно, предстояло контактировать. Любые его коммуникации, поступки и действия могли иметь негативные последствия

в целом для органа охраны и всего Управления. Поэтому в Инструкции действия стражника имели разрешающий, предупреждающий, предписывающий, запрещающий и/или ограничивающий характер.

Действующие субъекты – участники строительства – оказались в условиях, когда необходимость принятия нормативных обязательств совпадала с процессом климатической и социальной адаптации. Такое положение вызвано тем, что сооружение «Мурманки» являлось строительством военно-стратегического объекта. Скорость возведения объекта, в среднем по 52,5 километра в месяц [23: 160], непродолжительный контракт наемных рабочих, многочисленные проблемы, связанные с отсутствием бытовой и транспортной инфраструктуры, требовали от рабочих скорейшей адаптации.

Координацию и контроль установленного легитимного порядка на местах выполняли начальники участков и дистанций, а также представители службы охраны. Функция начальника заключалась в наблюдении, контроле и надлежщем исполнении основных пунктов тех или иных документов на доверенной ему территории. Представители охраны, руководствуясь нормативно-правовыми документами, должны были непосредственно обеспечивать установленный режим работы и не допускать разрушения порядка участниками строительства. Их обязанности включали исполнение установленных норм и правил, регламентирующих отношения между различными группами, контроль за выполнением рабочими своих функций, в отдельных случаях – разрешение конфликтных ситуаций. Это означало, что начальники участков и охрана фактически сами должны были обеспечить нормативный и социальный порядок.

В реальности воспроизводился традиционный культурный образец, к которому привыкли те или иные этнические группы, который, кстати, поддерживался Строительным управлением. Наибольшие усилия руководство направляло на удовлетворение базовых потребностей этнических групп. В частности, существовала необходимость своевременного снабжения рабочих привычными для них предметами обихода и продуктами. Так, китайцев обеспечивали «чашками и палочками для еды, особой обувью (кожаные башмаки и суконные туфли), теплой одеждой и проч.», а финнов – маслом и кофе²³. Таким образом, Строительное управление выполняло функцию координации и, пытаясь разрешить отдельные проблемы (например, возникающие этнические или религиозные конфликты), организовывало «гармонию» социальной жизни,

то есть поддерживало социальный, согласно Т. Парсонсу, порядок.

Вместе с тем исполнение разработанных правил не всегда могло быть реализовано. Начальник одного из участков линии Сорока – Кандакша жаловался: «...При отсутствии способов передвижения, я решительно не имею возможности объезжать район отделения»²⁴. Начальники участков, территории которых оказывались в заболоченной местности, на незаселенной территории, в существующих условиях оставались иммобильными даже при наличии средств передвижения. На больших территориях не было возможности контролировать то, что фиксировалось в нормативных документах. Природно-климатические условия и отсутствие транспортных путей – два фактора, которые изначально создавали дополнительные трудности в привлечении рабочей силы, остались постоянно действующими. Они замкнули цикл и не позволили контролирующим структурам созданной социальной системы стать полноценными агентами этой системы, должным образом исполнять функции. Таким образом, сформированная социальная система оказалась в ловушке – люди строили транспортную сеть для государства и общества, при этом оставаясь без путей сообщения на участках. Полиэтническая структура сформировалась, а социальное пространство, в котором она должна была функционировать, не было обеспечено инфраструктурой, прежде всего транспортной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на участках строительства железной дороги социальный порядок обеспечивался не только при помощи функционального распределения обязанностей и полномочий на основании соответствующих норм, но и благодаря правилам, установленным этническими традициями. Поскольку функционально доминирующей на местах группой стали прикрепленные к дистанциям представители службы охраны, в частности стражники, то именно они поддерживали функционирование социальной системы по этносоциальному принципу распределения власти.

В условиях, когда установленная Строительным управлением и нормативной системой структура не имела возможности координации и контроля, социальный порядок трансформировался. Надежда на помощников, представителей военной-полицейской службы, не оправдалась. Несмотря на официально определенную иерархию, в ситуации, неподконтрольной вышестоящим начальникам, представители охраны игнорировали социальный порядок, установленный для полиэтнической общности рабочих.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00392 «Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: миграции, мобильность, идентичность».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Арьева Е. К. История сооружения Мурманской (Кировской) железной дороги: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1955. 14 с.

- ² Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман с описанием ее района. Пг.: Издание Управления по постройке Мурманской железной дороги, 1916. 204 с.
- ³ Статистический ежегодник России 1914 г. (Год одиннадцатый). Пг.: Типография Штаба Петроградского военного округа, 1915. С. 33.
- ⁴ Там же. С. 40.
- ⁵ Иорданский Ю. П. Район Мурманской железной дороги // Производительные силы района Мурманской железной дороги. Петрозаводск, 1923. С. 64.
- ⁶ Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман... С. 65.
- ⁷ Там же. С. 62.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 68.
- ¹⁰ Там же. С. 61.
- ¹¹ Там же. С. 64.
- ¹² Там же. С. 61.
- ¹³ Там же. С. 69–70.
- ¹⁴ Там же. С. 69.
- ¹⁵ Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 156.
- ¹⁶ Там же. Д. 4/28. Л. 16–16об.
- ¹⁷ Там же. Д. 45/362. Л. 156.
- ¹⁸ Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман... С. 71.
- ¹⁹ Там же. С. 72.
- ²⁰ Положение о военнопленных. Пг., 1914. 9 с.
- ²¹ Список документов см.: Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман... С. 185–190.
- ²² Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 180–190об.; Д. 7/43. Л. 14–24.
- ²³ Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман... С. 67, 70.
- ²⁴ Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 62об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агамирзоев К. М. Путь на Север: исторический очерк. Петрозаводск: Скандинавия, 2008. 156 с.
2. Балагуров Я. А. Рабочие Мурманской железной дороги в 1915 – начале 1917 года (К истории формирования постоянных рабочих кадров) // 50 лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1970. С. 198–213.
3. Голубев А. А. Магистраль к океану: к 100-летию железнодорожного транспорта Карелии. СПб.: ФГБОУ ВПО ПГУПС, 2015. 82 с.
4. Голубев А. А. Мурманская железная дорога. История строительства (1894–1917 гг.). СПб.: Петербургский гос. ун-т путей сообщения, 2011. 205 с.
5. Гринер Д. А. Из истории Мурмана и Мурманской (Кировской) железной дороги // Летопись Севера. М., 1949. Вып. 1. С. 175–188.
6. Гришин В., Кучаев В. Город у Медвежьей Горы: книга о Медвежьегорске, о районе и не только: 75 лет. СПб.: Изд-во Сергея Ходова; Медвежьегорск: Железнодорожный музей, 2013. 446 с.
7. Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб.: Нестор-История, 2017. 432 с.
8. Кольский Север: Энциклопедические очерки / Сост. и общ. ред. А. С. Лоханов. Мурманск: Доброхот, 2012. 504 с.
9. Кораблев Н. А., Дубровская Е. Ю. Влияние Первой мировой войны на социально-экономическую жизнь населения Карелии // Труды Карельского научного центра РАН. 2015. № 8. С. 28–38.
10. Кошкина С. В. Сорока – Беломорск, 1419–1938: Краеведческие записки, летопись. Петрозаводск, 2013. 399 с.
11. Майсигов Д. С., Мурзабеков Г. А. Чеченский полк «Дикой дивизии». Назрань: Пилигрим, 2009. 234 с.
12. Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога (1915–1919 гг.): военная необходимость и экономические соображения: СПб.: Нестор-История, 2011. 320 с.
13. Новикова И. Н. «Россия – страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену...» // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 55–58.
14. Опришко О. Л. Кавказская конная дивизия, 1914–1917: Возвращение из забвения. Нальчик: Эльбрус, 1999. 461 с.
15. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.
16. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева; Под ред. М. С. Ковалева. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
17. Сообцокова Н. И. Неустрашимая и легендарная Кавказская мусульманская конная дивизия. Первая мировая война, 1914–1917 гг. Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2018. 426 с.
18. Станция Беломорск. Годы. События. Люди. Петрозаводск: Барбашина Е. А., 2015. 463 с.
19. Трошина Т. И. «Желтый труд» на Европейском севере. Привлечение китайских рабочих на строительство Мурманской железной дороги и порта // Мурманск в истории Российской государственности: Сб. докладов междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Сократ, 2016. С. 156–161.
20. Трошина Т. И. Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск, 2014. 347 с.
21. Трошина Т. И. Горцы на Европейском Севере России в годы «длинной войны» 1914–1920 гг. // Казаки и горцы в годы Первой мировой войны: Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 160–164.
22. Ушаков И. Ф. Кольская земля: Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1972. 672 с.
23. Фёдоров П. В. Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI–XX вв. Мурманск: МГПУ, 2009. 388 с.
24. Ходяков М. В., Чжао Ч. Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2017. № 1. С. 7–30.
25. Ярмолич Ф. К. Китайская диаспора на Кольском Севере в 20-е годы XX века: демографические характеристики // Живущие на Севере: вызов экстремальной среде. Мурманск, 2005. С. 36–39.
26. Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914 bis 1918. Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld. Frankfurt/Main, 2005. P. 109–114.
27. Nachtigal R. Privilegiensystem und Zwangs-rekrutierung: Russische Nationalitätenpolitik gegenüber Kriegsgefangenen aus Österreich-Ungarn // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieges (Jochen Oltmer, Ed.). Paderborn, 2005. P. 167–193.

28. Parsons T. Social systems and subsystems: Interaction // *International Encyclopedia of the Social Sciences*. N. Y.: Macmillan, 1968.
 29. Parsons T. Societies: Evolutionary and comparative perspectives. Englewood Cliffs N. Y.: Prentice-Hall, 1966.

Поступила в редакцию 26.03.2019

Olga V. Zmeeva, PhD in History, Barents Centre of the Humanities – Branch of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” (Apatity, Russian Federation)

MURMANSK RAILWAY: ORGANIZATION AND TRANSFORMATION OF SOCIAL ORDER*

The article deals with the system of formation of a multi-ethnic social structure during the construction of the Murmansk Railway. The main problem is the collision of the official norms of social order with traditional ethnic norms in the specific conditions of the formation of local society. The Department for the Construction of the Murmansk Railway is a formal structure, which was organized in 1914. This structure provided the coordination and management of different ethnic and social groups. Using the rules established in the legal documents helped to organize the normative order, which proved problematic to maintain at some of the construction sites. There was no transport infrastructure in the area. This deprived the management of the ability to carry out coordinating and controlling functions, which led to the transformation of the public order by the construction participants. Thus, social order was ensured through ethnic traditions rather than through the functional distribution of duties and powers on the basis of relevant norms.

Keywords: Murmansk Railway, ethnic communities, social system, social order, control

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 18-09-00392 “The population of the Kola Peninsula between two world wars: migration, mobility, identity”.

Cite this article as: Zmeeva O. V. Murmansk Railway: organization and transformation of social order. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 6 (183). P. 107–113. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.379

REFERENCES

1. Agamirzoev K. M. The way to the North: a historical essay. Petrozavodsk, 2008. 156 p. (In Russ.)
2. Balagurov Ya. A. The workers of the Murmansk Railway between 1915 and early 1917 (The history of permanent workforce formation). *50 let Sovetskoy Karelii*. Petrozavodsk, 1970. P. 198–213. (In Russ.)
3. Golubev A. A. Highway to the ocean: the centenary of the railway transport in Karelia. St. Petersburg, 2015. 82 p. (In Russ.)
4. Golubev A. A. Murmansk Railway. History of construction (1894–1917). St. Petersburg, 2011. 205 p. (In Russ.)
5. Griner D. A. The history of Murmansk and the Murmansk (Kirovsk) Railroad. *Letopis' Severa*. Moscow, 1949. Issue 1. P. 175–188. (In Russ.)
6. Grishin V., Kuchaev V. The town at the foot of the Bear Mountain: a book about Medvezhyegorsk, the area and other things: 75 years. St. Petersburg, 2013. 446 p. (In Russ.)
7. Dubrovskaja E. Yu., Korablev N. A. Karelia during the First World War: 1914–1918. St. Petersburg, 2017. 432 p. (In Russ.)
8. Kola North: Encyclopedic essays. (A. S. Lohanov, Ed.). Murmansk, 2012. 504 p. (In Russ.)
9. Korablev N. A., Dubrovskaja E. Yu. The impact of the First World War on the socio-economic life of the population of Karelia. *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2015. No 8. P. 28–38. (In Russ.)
10. Koshkina S. V. Soroka – Belomorsk, 1419–1938: Local history notes, chronicle. Petrozavodsk, 2013. 399 p. (In Russ.)
11. Maisigov D. S., Murzabekov G. A. The Chechen Regiment of the “Wild Division”. Nazran, 2009. 234 p. (In Russ.)
12. Nahtigal' R. Murmansk Railway (1915–1919): military necessity and economic considerations. St. Petersburg, 2011. 320 p. (In Russ.)
13. Novikova I. N. “Russia is a country of contrasts, and nowhere is this property manifested as clearly as in captivity...”. *Voenno-istoricheskii zhurnal*. 2006. No 2. P. 55–58. (In Russ.)
14. Opryshko O. L. The Caucasian Cavalry Division, 1914–1917: Return from oblivion. Nalchik, 1999. 461 p. (In Russ.)
15. Parsons T. The structure of social action. Moscow, 2000. 880 p. (In Russ.)
16. Parsons T. The system of modern societies. (L. A. Sedov, A. D. Kovalyov, Trans., M. S. Kovalyova, Ed.). Moscow, 2000. 270 p. (In Russ.)
17. Soobtsokova N. I. The fearless and legendary Caucasian Muslim Cavalry Division. The First World War, 1914–1917. Maikop, 2018. 426 p. (In Russ.)
18. Belomorsk Station. Years. Events. People. Petrozavodsk, 2015. 463 p. (In Russ.)
19. Troshina T. I. “Yellow labor” in the European North. Involvement of Chinese workers in the construction of the Murmansk railway and port. *Murmansk in the history of Russian statehood: Proceedings of the international scientific and practical conference*. Yekaterinburg, 2016. P. 156–161 (In Russ.)
20. Troshina T. I. The great war and the Northern region: the European North of Russia during the First World War. Arkhangelsk, 2014. 347 p. (In Russ.)
21. Troshina T. I. Mountaineers in the European North of Russia during the “long war” of 1914–1920. *The Cossacks and the highlanders during the First World War: Proceedings of international scientific conference held on September 18–19, 2014*. Rostov-on-Don, 2014. P. 160–164. (In Russ.)
22. Ushakov I. F. Kola land: essays on the history of the Murmansk region in the pre-October period. Murmansk, 1972. 672 p. (In Russ.)
23. Fyodorov P. V. The Northern vector in Russian history: the centre and the Kola polar region in XVI–XX centuries. Murmansk, 2009. 388 p. (In Russ.)
24. Hodyakov M. V., Chzhao Ch. Chinese labor migration to Russia during the First World War. *The Newest History of Russia*. 2017. No 1. P. 7–30. (In Russ.)
25. Yarmolich F. K. Chinese diaspora in the Kola North in the 1920s: demographic characteristics. *Living in the North: challenge against extreme environment*. Murmansk, 2005. P. 36–39. (In Russ.)
26. Nahtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914 bis 1918. Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld. Frankfurt/Main, 2005. P. 109–114.
27. Nahtigal R. Privilegiensystem und Zwangs-rekrutierung: Russische Nationalitätenpolitik gegenüber Kriegsgefangenen aus Öster-reich-Ungarn. *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieges*. (Jochen Oltmer, Ed.). Paderborn, 2005. P. 167–193.
28. Parsons T. Social systems and subsystems: Interaction. *International Encyclopedia of the Social Sciences*. N. Y., Macmillan, 1968.
29. Parsons T. Societies: Evolutionary and comparative perspectives. Englewood Cliffs. N. Y., Prentice-Hall, 1966.

Received: 26 March, 2019

1 июня 2019 года исполнилось 60 лет доктору исторических наук, профессору кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, члену редколлегии нашего журнала *Александру Васильевичу Антощенко*.

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ АНТОЩЕНКО

К 60-летию со дня рождения

А. В. Антощенко родился в с. Иртыш Омской области. В 1981 году окончил Омский государственный университет путей сообщения по специальности «История». В 1982–1985 годах учился в аспирантуре исторического факультета Ленинградского государственного университета, по окончании успешно защитил кандидатскую диссертацию. В 2004 году в Санкт-Петербургском госуниверситете защищена докторская диссертация.

С 1985 года А. В. Антощенко работает на кафедре отечественной истории ПетрГУ. Им разработаны авторские курсы отечественной историографии и методологии исторической науки. В преподавании историк подчеркивает взаимообусловленность реконструкции и репрезентации прошлого, активно задействует потенциал нарратологии, большое внимание уделяет мемориальным практикам, использует интерактивные, дистанционные компьютерные технологии. Особое внимание уделяет изучению истории университетского образования в России, осмыслению интеллектуального наследия российских эмигрантов. Большое значение сыграли организационные усилия и исследовательский опыт А. В. Антощенко в развитии магистратуры по направлению «Новейшая история России».

Научные исследования А. В. Антощенко неоднократно получали грантовую поддержку РГНФ и РФФИ. В качестве приглашенного исследователя он работал в Хельсинкском университете, Университете г. Упсала, Гарвардском, Калифорнийском, Колумбийском университетах и др. В библиотеке Гарвардской школы права он познакомился с коллекцией материалов выдающегося историка П. Г. Виноградова, которая послужила основой монографии «Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов» (2010).

Юбиляр пользуется заслуженным авторитетом в научном сообществе. Ему присвоены почетные звания «Заслуженный деятель науки РК», «Почетный работник высшего профессионального образования РФ».

Благодарим Александра Васильевича за большой вклад в развитие науки и образования Карелии и от души желаем крепкого здоровья, новых успехов в творчестве, семейного благополучия.

24 августа 2019 года исполнилось 60 лет доктору филологических наук, главному научному сотруднику Отдела рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея (Москва) *Елене Михайловне Юхименко*.

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА ЮХИМЕНКО

К 60-летию со дня рождения

В 1981 году Е. М. Юхименко окончила с отличием филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. В 1986–1990 годах обучалась в заочной аспирантуре в Отделе древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, с 1985 года и по настоящее время работает в Государственном историческом музее.

Е. М. Юхименко является крупнейшим российским специалистом по литературе и культуре русского старообрядчества. Список ее научных работ включает около 400 названий. Особенно весом и значим для Карелии вклад Е. М. Юхименко в изучение литературы и книжности Выго-Лексинского поморского общежития (1690-е – 1850-е годы), находившегося к северо-востоку от Онежского озера (ныне Медвежьегорский р-н РК). Обнаружение в российских хранилищах 75 рукописей из знаменитой выговской библиотеки, считавшейся утраченной; находка шести томов Выговских Четых Миней (крупнейшее археографическое открытие начала XXI века); составление каталога новонайденных памятников выговской литературы, включающего 564 названия, и альбома почерков выговских книжников; атрибуция, тщательное текстологическое и историко-литературное изучение и публикация десятков литературных сочинений выговцев – таковы лишь некоторые достижения юбиляра в этой области. Кроме того, Е. М. Юхименко принадлежат фундаментальные труды, посвященные иконографии, московским старообрядческим центрам, Государственному историческому музею, истории некоторых московских соборов и т. д. Она консолидирует усилия ученых, изучающих старообрядчество, является составителем нескольких выпусков научного сборника «Старообрядчество в России (XVII–XX вв.)». Тесно сотрудничает с учеными из Петрозаводска, принимает участие в научных проектах, конференциях, которые проводят ПетрГУ и музей-заповедник «Кижы».

Е. М. Юхименко – заслуженный работник культуры РФ, лауреат Макариевской премии в номинации «История Православной церкви», лауреат премии имени И. Е. Забелина, премии РАН имени академика Д. С. Лихачева.

Коллеги из ПетрГУ, ИЯЛИ КарНЦ РАН, Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и других учреждений науки и культуры сердечно поздравляют Елену Михайловну с днем рождения и желают ей творческого вдохновения и новых научных открытий!

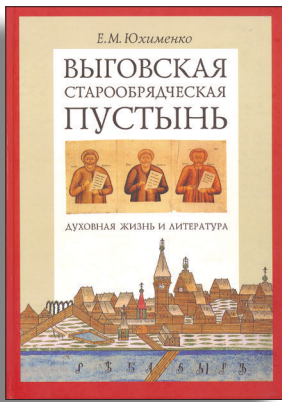
Список избранных работ Е. М. Юхименко, посвященных Выго-Лексинскому старообрядческому общежителю

1. «Виноград Российский» Семена Денисова (текстологический анализ) // Древнерусская литература. Источниковедение. Л.: Наука, 1984. С. 249–262.
2. Повесть об осаде Соловецкого монастыря / Подгот. текста и коммент. Н. В. Поньрко и Е. М. Юхименко // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 1. М.: Худ. лит., 1988. С. 155–191, 625–637.
3. Вновь найденные письма Семена Денисова // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1990. Т. 44. С. 409–421.
4. Новые данные к биографии Семена Денисова // Русская литература. 1990. № 2. С. 168–170.
5. К вопросу о связях Сибири с Выгом и роли братьев Семеновых (новонайденное «Слово о житии Иоанна Выгорецкого») // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск: Наука, 1991. С. 223–245.
6. Повесть об осаде Соловецкого монастыря Семена Денисова – памятник выговской литературной школы первой половины XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991.
7. «История о отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова – памятник выговской литературной школы первой половины XVIII в. // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: Сб. науч. тр. Новосибирск: Наука, 1992. С. 107–113.
8. Соловецкое восстание 1668–1676 гг. и старообрядческая «История о отцах и страдальцах соловецких» (статья 1) // Архив русской истории. М.: Археографический центр, 1992. Вып. 2. С. 71–92.
9. Неизвестный выговский писатель Василий Данилов Шапошников и «Сказание о преставлении Симеона Дионисиевича» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 441–452.
10. Новые материалы о начале Выговской пустыни // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 328–342.
11. Почитание Зосимы и Савватия Соловецких в Выговской старообрядческой пустыни // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 351–354.
12. «Монастырь, нарицаемый Данилов...» // Культура староверов Выга (К 300-летию Выговского старообрядческого общежития): Каталог. Петрозаводск, 1994. С. 5–10.
13. Первые официальные известия о поселении старообрядцев в Выговской пустыни // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.): Сб. науч. тр. / Под ред. Е. М. Юхименко. М.: Археографический центр, 1994. [Вып. 1]. С. 163–175.
14. Изветные челобитные на выговских старообрядцев 1699 г. // Там же. С. 190–206.
15. Старообрядческая столица на Севере России // Неизвестная Россия: К 300-летию Выговской старообрядческой пустыни: Каталог выставки / Отв. ред. Е. М. Юхименко. М., 1994. С. 5–12.
16. К биографии выговского писателя Мануила Петрова // Русское общество и литература позднего феодализма: Сб. науч. тр. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. С. 53–67.
17. Родственные связи на Выгу в первой половине XVIII в. // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 157–186.
18. Дни тезоименитства выговских наставников // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 627–632.
19. «От корени Выгорецкого монастыря...» (Выго-Лексинское общежитие – начало и духовный центр поморского старообрядчества) // Revue des Études slaves. T. LXIX/1–2: Vieux-croyants et sectes Russes du XVIIe siècle nos à jours. Paris, 1997. P. 33–44.
20. Находка знаменитой Выговской библиотеки // Вестник РГНФ. 1997. № 4. С. 190–199.
21. Выговская литературная интерпретация каргопольских событий 1683–1684 гг. // Старообрядчество Русского Севера. М.; Каргополь, 1998. С. 63–68.
22. Старообрядческие издания «Истории о отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова: вопросы текстологии и связи с рукописной традицией // Русская книжность: Вопросы источниковедения и палеографии. М., 1998. С. 59–77.
23. Соловецкое восстание 1668–1676 гг. и старообрядческая «История о отцах и страдальцах соловецких» (статья 2) // Очерки феодальной России. М.: УРСС, 1998. Вып. 2. С. 226–265.
24. Неизвестная страница полемики выговских старообрядцев с официальной церковью: предистория «Поморских ответов» // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 404–416.
25. Акинфий Демидов и выговские старообрядцы // История церкви: изучение и преподавание. Екатеринбург, 1999. С. 230–235.
26. «Таковых братьев сестра единоутробная...» (новые сведения о семье Семеновых) // Традиция и литературный процесс: К 60-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Е. К. Ромодановской. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. С. 491–500.
27. Выговская старообрядческая пустынь: литература и духовная жизнь: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1999. 48 с.
28. «Сказание о чудесах Тихвиноборского образа Спаса» (к вопросу о жанровом разнообразии выговской литературной школы) // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник 1999. М., 2000. С. 19–32.
29. Реальные герои выговских чудес // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2000. С. 112–117.
30. Выговские книжники и Изборник Святослава 1073 г. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2000. С. 233–242.
31. О времени написания Семеном Денисовым «Истории о отцах и страдальцах соловецких» // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 483–490.
32. Рукописно-книжное собрание Выго-Лексинского общежития // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 488–497.
33. Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература: В 2 т. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. 544 с.; Т. 2. 480 с.
34. Семен Денисов. История об отцах и страдальцах соловецких: Лицевой список из собрания Ф. Ф. Мазурина / Изд. подгот. Н. В. Поньрко и Е. М. Юхименко. М.: Языки славянской культуры, 2002. 272 с.
35. Выговское старообрядческое общежитие: комплексный подход к изучению // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2002. № 2 (8). С. 84–87.

36. Выговские похвальные слова Александру Ошевенскому // Святые и святые севернорусских земель. Каргополь, 2002. С. 25–33.
37. Новонайденные сочинения выговских писателей // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 53. С. 289–417.
38. К истории жанра видений в выговской литературной школе («Видение некоей старухи» в 1748 г.) // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России: Сб. науч. статей и материалов. СПб., 2003. С. 129–138 (в соавт. с А. В. Пигиным).
39. Новые, городские элементы в выговской культуре и искусстве первой половины XIX в. // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения–2003»). Петрозаводск, 2003. С. 274–277.
40. Новые документы о героях «Винограда Российского» – каргопольских старообрядцах Андрее и Авраамии Леонтьевых // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.) / Отв. ред. и сост. Е. М. Юхименко. М.: Языки русской культуры, 2004. [Вып. 3]. С. 97–122.
41. Искатели жемчуга, или Новые материалы о распространении старообрядческих взглядов в Поморье в 30-х гг. XVIII в. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.) / Отв. ред. и сост. Е. М. Юхименко. М.: Языки русской культуры, 2004. [Вып. 3]. С. 123–137 (в соавт. с Е. Б. Смилянкой).
42. Уникальный владельческий меднолитой складень 1718 г. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.) / Отв. ред. и сост. Е. М. Юхименко. М.: Языки русской культуры, 2004. [Вып. 3]. С. 259–273 (в соавт. с Е. Я. Зотовой).
43. Выговские похвальные слова Зосиме и Савватию Соловецким // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря / Отв. ред. С. А. Семячко. СПб., 2004. С. 380–404.
44. Ранняя выговская агиография: Житие Ивана Внифантьева // О древней и новой русской литературе: Сб. статей в честь профессора Натальи Сергеевны Демковой. СПб., 2005. С. 153–170.
45. Выговские похвальные слова Александру Свирскому // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 667–693.
46. Духовная жизнь староверческой общины и летописание: Выго-Лексинский и Дегуцкий летописцы // Староверие Латвии: Сб. ст. Рига: Старообрядческое общество Латвии, 2005. С. 88–95.
47. Выго-Лексинский летописец: история текста и создания // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 254–296.
48. «Егда же к нам, недостойным, принесеса честная епистолия твоя...» (круг памятников, связанных с новгородским заключением Семена Денисова в 1713–1717 гг.) // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 806–838.
49. Лексинский обитель: церковный обиход и культурные традиции // Женщина в старообрядчестве: Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию основания Лексинской старообрядческой обители. Петрозаводск, 2006. С. 7–13.
50. «История Выговской пустыни» Ивана Филиппова: нерешенные проблемы // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 940–954.
51. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития: В 2 т. / Науч. ред. Н. В. Поньрко. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 1: 688 с.; Т. 2: 568 с.
52. «Виноград Российский» Семена Денисова: история создания и источники // Виноград Российский, или Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие, написанный Симеоном Дионисиевичем (князем Мышецким). М.: Третий Рим, 2008. С. 3–42.
53. Агиологические разыскания Выговских старообрядцев и Образ всех святых российских чудотворцев // XIV Научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой (1944–1995): Сб. статей. Ярославль, 2010. С. 152–167.
54. «Слово воспоминательное о святых чудотворцах, в России воссиявших» Семена Денисова как отражение культурно-агиологических начинаний Выга // ТОДРЛ. СПб., 2010. Т. 61. С. 329–344.
55. Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV–XX веков в государственных хранилищах Республики Карелия / Авторский коллектив: М. Г. Бабалык, В. М. Быкова, А. Б. Ипполитова, Е. Н. Кутькова, Ф. В. Панченко, А. В. Пигин, Е. В. Плетнева, Н. В. Савельева, Л. С. Харебова, Е. М. Юхименко; Сост., отв. ред. и автор предисл. А. В. Пигин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 608 с.
56. Четии Миней братьев Денисовых. Новые находки // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации / Отв. ред. Т. Р. Руди, С. А. Семячко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2011. С. 302–308.
57. Традиция составления Четиих Миней в старообрядческой среде // Slavia Orientalis. 2013. Т. 62. № 1. S. 87–97.
58. Жития севернорусских святых в составе Выговских Четиих Миней // Святые и святые Обонежья: Материалы всерос. науч. конф. «Водлозерские чтения–2013», посвящ. 380-летию со дня преставления святого преподобного Диодора Юрьегорского, основателя Троицкого монастыря в Водлозерье (2–4 сентября 2013 года) / Отв. ред. А. В. Пигин. Петрозаводск, 2013. С. 66–73.
59. Почитание протопопы Аввакума в Выговской пустыни // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сб. науч. трудов / Отв. ред. и сост. Е. М. Юхименко. М.: Языки славянской культуры, 2013. Вып. 5. С. 228–250.
60. Лексинский скрипторий в 20–30-е гг. XIX в. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сборник научных трудов / Отв. ред. и сост. Е. М. Юхименко. М.: Языки славянской культуры, 2013. Вып. 5. С. 270–311 (в соавт. с Е. А. Агеевой).
61. Памятники выговской иконописи первой половины XIX в. из частного собрания // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сб. науч. тр. / Отв. ред. и сост. Е. М. Юхименко. М.: Языки славянской культуры, 2013. Вып. 5. С. 312–325.
62. Выговская икона «Образ всех российских чудотворцев» // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 62. С. 167–174.
63. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 19: XVIII век / Подгот. текста и коммент. Е. М. Юхименко. СПб.: Наука, 2015. 848 с.
64. Еще раз о слоне: Реальный комментарий к посланию Андрея Денисова // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв.: Сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. С. 58–69.
65. «По улицам слона водили...»: Документ, литературный текст и российская действительность 1710-х гг. // Текст и традиция. Альманах 3. СПб., 2015. С. 94–114.
66. К истории Дьяконовых ответов: Новая атрибуция одного из посланий Андрея Денисова // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. С. 422–434.
67. Выговские Четии Миней и богослужебный устав Выговского общежития // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв.: Сб. ст. Новосибирск, 2017. С. 149–156.

CONTENTS

<p>Editorial note 7</p> <p>Interview</p> <p style="padding-left: 20px;">Interview with E. M. Yukhimenko 8</p> <p>ARCHEOLOGY</p> <p><i>German K. E., Kulkova M. A.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">NEW PETROGRAPHIC STUDY OF THE SPERRINGS CERAMICS OF THE MONUMENTS OF LAKE ONEGA BASIN 12</p> <p>WORLD HISTORY</p> <p><i>Darvin A. L.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">SPARTAN KINGS AND EPHORS: THE TWO STATE INSTITUTIONS' COEXISTENCE AND INTERACTION 22</p> <p><i>Starovoitova E. O.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">IMAGES OF FOREIGNERS IN TRADITIONAL CHINESE WOODBLOCK PRINTS OF THE LATE XIX AND THE EARLY XX CENTURIES 30</p> <p>HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODOLOGY OF HISTORICAL RESEARCH</p> <p><i>Korganova M. E.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">THE PHENOMENON OF DENUNCIATION IN THE SOVIET LABOR CAMPS OF 1929–1938 THROUGH EGO-DOCUMENTS 36</p> <p><i>Kharitonova A. M.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">HISTORY OF STUDYING THE CHINESE XYLOGRAPH OF <i>ILLUSTRATED TRIBUTARIES OF THE AUGUST QING DYNASTY</i> 43</p> <p>RUSSIAN HISTORY</p> <p><i>Commemorating the anniversary of E. M. Yukhimenko</i></p> <p><i>Ponyrko N. V.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">OLD RUSSIAN LITERATURE AFTER ANCIENT RUS (SPIRITUAL TESTAMENT OF THE OLD BELIEVER BISHOP GERONTIUS (LAKOMKIN)) ... 51</p>	<p><i>Gurianova N. S.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">SOME RESULTS AND PROSPECTS IN THE STUDY OF THE OLD BELIEVERS 58</p> <p><i>Nakazawa A., Miyazaki I.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">THE STUDY OF RUSSIAN OLD BELIEVERS IN JAPAN: TRADITIONAL THEMES AND NEW RESEARCH 64</p> <p><i>Staritsyn A. N.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">INITIAL HISTORY OF CHAZHENG A SETTLEMENT 70</p> <p><i>Pigin A. V.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">PETER THE GREAT AND ST. PETERSBURG IN THE WORKS OF THE OLD BELIEVER WRITERS OF THE VYG COMMUNITY 77</p> <p><i>Pashkov A. M.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">THE OLD BELIEVERS' CEMETERY IN PETROVSKAYA SLOBODA: THE EARLY HISTORY OF PETROZAVODSK 85</p> <p><i>Rudi T. R., Vodolazkin E. G.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">THE HISTORY OF LITERARY TOPIC: THE OLD BELIEVERS' TRADITION 92</p> <p>ETHNOGRAPHY, ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY</p> <p><i>Golovnev I. A.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">LEONID KAPITSA'S CINE-ETHNOGRAPHY (CASE STUDY OF THE FILM <i>ALONG THE COASTS AND ISLANDS OF THE BARENTS SEA</i>) ... 100</p> <p><i>Zmeeva O. V.</i></p> <p style="padding-left: 20px;">MURMANSK RAILWAY: ORGANIZATION AND TRANSFORMATION OF SOCIAL ORDER 107</p> <p>Anniversaries</p> <p style="padding-left: 20px;">To the 60th birthday anniversary of A. V. Antoshchenko . . 114</p> <p style="padding-left: 20px;">To the 60th birthday anniversary of E. M. Yukhimenko . . 115</p>
--	--

*Юхименко Е. М.***ВЫГОВСКАЯ СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ПУСТЫНЬ:
ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРА**

Монография представляет собой впервые предпринятое исследование определяющего влияния духовной жизни и задач культурного строительства на литературу крупнейшего в России старообрядческого центра. Восстанавливается начальная история поселения, дается анализ основных направлений деятельности выговских книжников по организации культурной и церковной жизни монастыря. Подробно рассматриваются сложившиеся на Выгу традиции почитания наставников и прославления благодетелей, сформировавшие литературную культуру поздравительных, надгробных и воспоминательных слов и определившие характер выговской агиографии. Во второй том вошли указатель новонайденных сочинений выговских писателей и книжников, описание рукописно-книжного собрания Выго-Лексинского общежительства и трех редакций Поморского Торжественника, аннотированный именной указатель к «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова.

Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература / Науч. ред. Н. В. Поньрко. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. 544 с.; Т. 2. 480 с.

*Юхименко Е. М.***ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ВЫГОВСКОГО
СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ОБЩЕЖИТЕЛЬСТВА**

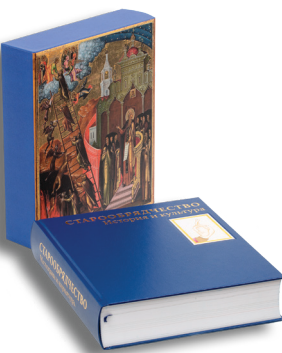
Книга включает 190 произведений XVIII – первой половины XIX века. Она представляет выговскую словесность как целостное явление, дает представление об основных жанрах выговской школы (за исключением полемико-догматических), творчестве ведущих писателей, особенностях разных этапов развития школы. Материал распределен по тематическим разделам, отражающим основные вехи истории Выговского общежительства и главные направления его духовной жизни. Тексты подготовлены по автографам и авторитетным спискам, снабжены подробным реальным комментарием. Настоящая публикация не только дает читателю возможность составить целостное представление о выговской литературе, но предоставляет широкому кругу специалистов – историкам, филологам, искусствоведам – новый ценный материал для изучения духовной и религиозной жизни России, древнерусской и старообрядческой литературы и культуры.

Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства: В 2 т. / Науч. ред. Н. В. Поньрко. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 1. 688 с.; Т. 2. 568 с.

*Юхименко Е. М.***СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ЗА РОГОЖСКОЙ ЗАСТАВОЮ**

Впервые предпринятое изучение истории крупнейшей в России старообрядческой общины, возникшей в 1771 году при Рогожском кладбище в Москве, основано преимущественно на архивных материалах XIX – начала XX века. Охарактеризованы основные этапы развития, освещены важнейшие события в его истории, церковная жизнь общины и ее роль в истории всего старообрядчества, многочисленные существовавшие здесь учреждения (Рогожский богаделенный дом, библиотека, кладбище), показан большой вклад, который внесли в укрепление Рогожского центра и благоустройство храмов его священники, попечители и благотворители, в том числе Морозовы, Рахмановы, Рябушинские, К. Т. Солдатенков, И. И. Бутиков и др. В приложении публикуется ряд архивных документов, позволяющих представить состав общины, церковное убранство Покровского кафедрального собора и ныне восстановленного храма во имя Рождества Христова. Впервые публикуются 28 икон XVII – начала XIX века из Христорождественского храма.

Юхименко Е. М. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. М.: НП «Рукописные памятники Древней Руси», 2012. 280 с.

*Юхименко Е. М.***СТАРООБРЯДЧЕСТВО: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА**

Издание впервые дает общую аналитическую картину истории старообрядчества, основанную на современном, непредвзятом взгляде на староверие и опирающуюся на новый фактический материал, относительно недавно введенный в научный оборот. В исследовании подробно освещается не только начальная история староверия, но и более поздняя, конца XVIII – начала XX века, охарактеризованы все крупные центры староверия и наиболее важные региональные. Особое внимание обращено на дискуссионные вопросы истории старообрядчества. Впервые предлагается общий обзор культуры старообрядчества, охарактеризован большой вклад последователей древнего благочестия в эту сферу духовной деятельности. Заключительная часть содержит современную фотолетопись, основу которой составляют фотоработы иерея Алексея Лопатина. Значительная часть памятников публикуется впервые.

Юхименко Е. М. Старообрядчество: История и культура. М.: «Криница», 2016. 852 с.

ISSN 2542-1077

9 772542 107004